

ИСТОРИЯ УЛЬЯНЫ ТЕРЕНТЬЕВНЫ.

I.

ЧТО ЗА ЛИЦО УЛЬЯНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я родился въ страшной глуши, въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ губерній. Случилось какъ-то такъ, что на пятьдесятъ верстъ кругомъ нашей деревни не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ жизнью большихъ городовъ и перенесъ бы ея отраженіе въ свой уголокъ. Я долго не видалъ ничего похожаго на англійскій комфортъ, на французскую роскошь и даже на нѣмецкую опрятность—ни у себя дома, ни въ околоткѣ. Сосѣди моего отца были прямые потомки тѣхъ господъ, которымъ имѣнялось въ обязанность танцевать минуэты. Они какъ будто еще только вчера обрили бороды и скинули патріархальную старинную одежду. Добрый народъ былъ, но малообразованный, скучный, и слѣдовательно такой, между которыхъ я не хотѣлъ бы въ другой разъ поселиться. Отецъ мой, знавшій четыре правила арифметики и всего Державина наизусть, былъ между сосѣдами Аристотелемъ. Но не къ тому рѣчь. Рѣчь къ тому, что въ околоткѣ вдругъ заговорили о какой-то Ульянѣ Терентьевнѣ, или, лучше сказать, о томъ, какъ помѣщикъ Дубининъ продалъ Ульянѣ Терентьевнѣ часть своего имѣнія. Дубининъ былъ человѣкъ зажиточный, хорошій, по тамошнимъ понятіямъ, ховяинъ и не имѣлъ ница-

кой нужды продавать свои владѣнія; но Ульяна Терентьевна посулила ему за деревню такую цѣну, противъ которой онъ не устоялъ.

Все это я слышу, сидя за аспидною доскою и ломая голову надъ повѣркою умноженія. Я бы охотно отказался отъ секрета этой повѣрки, чтобъ распросить тотчасъ же объ Ульянѣ Терентьевнѣ; но батюшка не во всякое время удовлетворялъ мое любопытство. Я чувствовалъ, что мнѣ какъ-то неловко бросить свою задачу, и потому рѣшился узнавать покамѣстъ объ Ульянѣ Терентьевнѣ стороною. Между тѣмъ воображеніе мое работало гораздо дѣятельнѣе числительной способности, и пока я любилъ, что 15 во 120 содержится 8 разъ, новое лицо, возбужденное такой говоръ въ нашемъ околоткѣ, представилось мнѣ ясно, какъ на картинѣ.

Трудно дать себѣ отчетъ, почему въ воображеніи дѣтей одно имя человѣка поселяетъ множество представленій, неизвѣстныхъ никакой съ нимъ связи. Мнѣ казалось, что Ульяна Терентьевна непременно должна быть въ темномъ клѣтчатомъ платьѣ, которое сильно шелеститъ, когда она идетъ или опускается въ кресла, — что на ногахъ у нея новыя, слегка скрипящіе башмаки, — что у нея въ рукахъ связка хорошенькихъ ключей, которыми она очень часто отпираетъ то одну, то другую шкатулку и безпрестанно побрякиваетъ, — что у нея громкій, но не пскливый и не басистый голосъ, немножко дребезжащій, но очень пріятный, и что Дубининъ не продалъ бы ей земли, еслибъ у нея не было такого голоса. Удивительныя вещи развивало въ дѣтствѣ мое воображеніе изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Все, что я слышалъ, облекалось для меня въ картины; часто одно слово становилось для меня завязкою цѣлой исторіи; довольно мнѣ было провести одну черту въ характерѣ человѣка, уже я самъ себѣ его дорисовывалъ. Но ничто, никогда до такой степени не занимало меня, какъ Ульяна Терентьевна. Она, можно сказать, съ перваго звука своего имени была уже для меня лицомъ охарактеризованнымъ. До какой степени я угадалъ ея особенности, это увидишь послѣ. Теперь я спѣшу перелать вамъ впечатлѣнія, произведенныя на меня дальнѣйшими извѣстіями объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. Что за причина, почему Ульяна Терентьевна такъ дорого заплатила за имѣніе? Этотъ вопросъ рѣшали въ другой комнатѣ два состава

съ батюшкой, и я прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ онъ рѣшится.

— Рѣка! воскликнулъ положительнымъ тономъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Чтожь ей въ рѣкѣ-то? было на это отвѣтомъ.

— Какъ что? рыба, раки, — мельницу, пожалуй, можно устроить.

— Эхъ, нѣтъ! не тотъ здѣсь расчетъ, замѣтилъ кто-то.

Я тоже думалъ, что не рыба и не раки заставили Ульяну Терентьевну заплатить за имѣніе большія деньги, — какія именно, это меня такъ же мало занимало, какъ и мое умноженіе.

— А какой же, по вашему?

— Лѣсъ.

— А лѣсъ-то что за рѣдкость?

— Лѣсъ при рѣкѣ, батюшка! понимаете ли?

— Да много ли у нея лѣсу?

— Да столько, что если хорошенько сплавить въ половодье, такъ имѣніе останется на половину въ барышахъ.

— А лѣсъ-то славный продалъ Дубининъ, сказалъ кто-то.

— Одна липовая роща, что на взгорьи, надъ берегомъ, чего стоитъ!

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! готовъ былъ я закричать изъ своей комнаты, однакожь, не рѣшился и на это, а продолжалъ свою кабалистическую грамоту и думалъ о томъ, что невозможно, чтобъ это пріятно шелестящее платье, эти бѣлыя прекрасныя руки — я ужъ вообразилъ, каковы должны быть и руки у Ульяны Терентьевны — и эти блестяшіе, новенькіе, нѣжно скрипучіе башмачки нанесли опустошеніе липовой рощѣ. Въ одну секунду, въ одно мгновеніе въ моемъ воображеніи представилось, что я ѣду по другому берегу рѣки, лѣтнею ночью и, кутаясь потеплѣ въ свою шинель отъ влажнаго, росистаго воздуха, прислушиваюсь къ пѣнью соловья за рѣкою въ рощѣ и смотрю, какъ мѣсяцъ отразился въ водѣ, ниже темныхъ деревьевъ, и какъ рыба, выскакивая на поверхность, прорѣзываетъ золотистою струею темную массу этихъ деревьевъ.... Нѣтъ, въ голосѣ Ульяны Терентьевны, волнисто-громкомъ, который бы чудно отдавался эхомъ въ этой рощѣ, нѣтъ ни оляной ноты, соответствующей приказанію вырубить прохлаждающія, звучныя, раз-

вѣсноты липы! Это сдѣлалъ бы Дубининъ и всякій другой сосѣль нашъ, но не она. И былъ убѣжденъ въ этомъ.

Разговоръ объ Ульянѣ Терентьевнѣ между тѣмъ продолжается; продолжается и моя безконечная повѣрка умноженіи; продолжаю и я слушать и фантазировать надъ аспидною доскою. Я узнаю, что съ Ульяной Терентьевной живетъ племянникъ, «славный малый», какъ называлъ его одинъ изъ собесѣдниковъ, «отличный стрѣлокъ», что съ нею живетъ также молодая дѣвушка, «красоточка такая, что....» — тутъ разскащикъ чмокнулъ, и я догадался, что онъ поцаловалъ свои пальцы, — и что она, то есть Ульяна Терентьевна, привезла съ собой еще какого-то нѣмца, въ синей курткѣ и въ башмакахъ, который у нея будетъ смотрѣть за садомъ.

Всѣ эти лица, одно за другимъ, прошли передъ моими глазами въ такой живописной ясности, какъ потомки Банко передъ глазами Макбета. Только въ моей душѣ они произвели противоположное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что каждое изъ нихъ имѣетъ такое отношеніе къ Ульянѣ Терентьевнѣ, какъ цвѣты къ солнцу.

Это непостижимо для меня, какъ я, не зная ни Ульяны Терентьевны, ни ея домашнихъ, слыша о нихъ впервые, уже создалъ въ воображеніи цѣлую систему ихъ жизни и готовъ былъ разсказать, что говорятъ они, чѣмъ занимаются и даже какіе у нихъ жесты, какіе у нихъ движенія и взгляды. И думаю, что меня вдохновляла арифметика, державшая меня на привязи.

Мнѣ представилось, что молодой человекъ, «славный малый, отличный стрѣлокъ», или каково бы ни было его имя, хлопочетъ объ устройствѣ лодки, что онъ нетерпѣливо жаждетъ прокатить по рѣкѣ свою подругу и бьется именно изъ за того, чтобы послушать ночью соловья въ рошѣ, посмотреть, какъ отражаются въ водѣ старыя липы, и полюбоваться при свѣтѣ мѣсяца своею спутницею. Она мнѣ казалась существомъ восхитительнымъ. Не нуждаясь въ лодкѣ, я уже видѣлъ ее въ лучахъ мѣсяца, на прозрачно-темномъ фонѣ отраженныхъ въ рѣкѣ деревьевъ, при звукахъ соловьиной пѣсни, потрясавшей, имѣетъ съ моимъ сердцемъ, и рошу, и берегъ, и воду, какъ будто все это было легче воздуха. Я смотрѣлъ на нихъ душевными гла-

зани и въ то же время думалъ , какъ смотреть на эту молодую пару людей Ульяна Терентьевна , какъ говорить она съ ними , какъ они принимаютъ ея мысли и чувства и дѣлаются похожи на нее во всемъ , отъ походки до голоса . И тутъ представилось мнѣ утро , и чай на бѣлой какъ снѣгъ салфеткѣ , и вокругъ него веселыи , дружественныя лица , и оживленный разговоръ , и смѣхъ , и мнѣ казалось , что ничего не можетъ быть ни лучше , ни счастливѣе этого кружка . Отчего все это мнѣ воображалось ?

А разговоръ между тѣмъ идетъ , и уже толкуютъ о томъ , что «славный малый» — пасынокъ Ульяны Терентьевны , а не племянникъ , а что хорошенькая дѣвушка — ея двоюродная племянница , круглая сирота . Все это я принимаю къ свѣдѣнію : это мнѣ нужнѣе знать , нежели кому либо изъ собесѣдниковъ : никто изъ нихъ не принялъ такъ близко къ сердцу появленіи въ нашей глуши новаго семейства , какъ я .

Задача моя идетъ такъ медленно , какъ будто я избобрѣтаю вновь ариметику : зато свѣдѣнія мои объ Ульянѣ Терентьевнѣ дополняются извѣстіемъ , что у нея пара прекрасныхъ лошадей и хорошенькая колясочка . Это меня радуетъ . Я отъ всей души желаю Ульянѣ Терентьевнѣ всѣхъ удовольствій и воображаю , какъ весело ей и ея домашнимъ разъѣзжать по окрестностямъ въ своемъ щегольскомъ экипажѣ . Все , при видѣ этой милой семьи — мнѣ казалось — должно было оживиться ; по крайней мѣрѣ , если я воображалъ , какъ бы меня мчала быстрою рысью пара сильныхъ , едва слерживаемыхъ лошадей по полямъ , вдоль опушекъ лѣса , мимо овраговъ и по рѣчному берегу , то чувствовалъ , что вся окрестность пришла бы въ движеніе и показалась бы мнѣ въ такой прелести , какой не придавало ей еще ни одно весеннее утро при солнечномъ восхождѣ .

Мнѣ нужно теперь знать , какъ настоящія имена «отличнаго стрѣлка» и проч. и «красоточки». Это я узнаю безъ труда , потому что сосѣдямъ все было извѣстно . Его зовутъ Сеня , то есть такъ зоветъ его Ульяна Терентьевна , а ее — Наденька . Сеня мнѣ не советѣмъ правится . Мнѣ тотчасъ пришла въ голову пословица : *По Сенякъ шапка* , и набросила какую-то тѣнь на особу «славнаго малаго и отличнаго стрѣлка». Однакожь , ничего . Зато *Наденька* мнѣ показалось такимъ именемъ ,

какъ будто такъ звали мою сестру, или какъ будто съ этимъ именемъ соединено воспоминаніе красоты, которою я восхищался. Я совершенно остался доволенъ этимъ именемъ, и уже мнѣ казалось, что у Наденьки должны быть на рукахъ длинныя, тонкія, прекрасно округленныя пальчики, что она должна быть высокаго роста, и что ничто въ мірѣ не сравнится съ очарованіемъ ея смѣха, — ничто, даже и отдаленныя шелканья соловьиной пѣсни ночью надъ рѣкою, которыя глубоко запали въ мою дѣтскую душу и которыми я измѣрялъ степень всякаго восхищенія. Они мнѣ до сихъ поръ казались восхитительнѣе всего въ мірѣ: но теперь я вообразилъ такой смѣхъ идеальной Наденьки, что и шелканье соловья, и дрожанье луны въ рѣкѣ, и утренніе туманы, окрашенные заревомъ майскаго разсвѣта, — все это должно было уступить ему. Какъ она была прелестна въ первыхъ романтическихъ грѣзахъ души моей! Нѣтъ, теперь уже мнѣ такъ живо не вообразить, такъ сладко не почувствовать!

II.

Я все-таки не знаю, что за лицо Ульяны Терентьевны, и продолжаю собирать о ней свѣдѣнія. Судьба мнѣ благопріятствуетъ.

Все, что я создалъ въ своемъ воображеніи на основаніи щедрой платы Ульяны Терентьевны за имѣніе, на основаніи выбраннаго ею красиваго мѣстоположенія, на основаніи молодой пары людей, тотчасъ мною идеализированныхъ, и другихъ мелкихъ обстоятельствъ, — все это не удовлетворяло меня и потѣшило только на первый разъ. Мнѣ хотѣлось видѣть Ульяну Терентьевну, и ея Сеню и Наденьку, и ея прелестную колясочку, и лошадей, и даже стараго нѣмца въ его синей курткѣ. Но какъ этого достигнуть? Батюшка не былъ знакомъ съ нею; купленное ею имѣніе находилось отъ нашей деревни въ семи верстахъ — я не могъ предпринять такой далекой прогулки (ато бы я тотчасъ съ нею познакомился). Оставалось довольствоваться отрывочными разказами о ней сосѣдей, которые часто навѣщали насъ, и ожидать какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ для удовлетворенія моего любопытства.

Я часто выходилъ заднею садовою калиткою въ поле и сидѣлъ на возвышеніи, съ котораго на далекое пространство открывались извилины рѣчки, протекавшей мимо деревушки Ульяны Терентьевны. Я былъ убѣжденъ, что рано или поздно увижу на песчаномъ берегу этой рѣчки блестящій экипажъ новой нашей сосѣдки и въ немъ всѣ интересовавшія меня лица, кромѣ развѣ стараго нѣмца. Но и самого нѣмца я сажалъ на козлы или становилъ на запятки.

Я ожидалъ появленія этихъ людей съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такимъ даже страстнымъ томленіемъ, какъ будто это были мои соотечественники, прибывшіе на чужбину, въ которой я томился среди чуждыхъ мнѣ обычаевъ, среди непонятныхъ для меня интересовъ. И еслибы я въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ вдали чтó нибудь похожее на предметъ моихъ ожиданій, мнѣ кажется, я бы побѣжалъ навстрѣчу, я бы остановилъ лошадей и наговорилъ Ульянѣ Терентьевнѣ тысячу нѣжностей. Въ сознаніи моей личности, я чувствовалъ себя равнымъ ей. Я казался самъ себѣ такимъ привлекательнымъ мальчикомъ, я такъ любилъ себя, что мнѣ и въ голову не приходило, какъ могутъ быть равнодушны ко мнѣ другіе. Міръ представлялся мнѣ свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чувствуетъ себя и спѣшитъ сблизиться. Душа моя была тогда открыта довѣрчиво любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію. Я не вѣдалъ тогда этой тягостной осторожности, которая связываетъ намъ языкъ въ самомъ восторженномъ нашемъ состояніи; я не умѣлъ покрываться спокойною оболочкою; я не зналъ еще, что притворство въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми есть непоследнее условіе нашего спокойствія и безопасности. Я былъ тогда весь дружба, весь откровенность. Боже, какъ я не похожъ теперь на того цвѣтушаго всѣми своими силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе!

Но время шло, а мое ожиданіе не исполнялось. Ульянѣ Терентьевнѣ не было нужды ѣздить мимо нашей деревни. Она, какъ до меня доходили слухи, была занята устройствомъ своей усадьбы. Мѣсяца черезъ два я узнаю, что она разобрала старую бревенчатую хорошину, въ которой жилъ покойный тесть Дубинина, и сложила изъ нея въ липовой рощѣ веселенькій домикъ, съ бѣлыми стѣнами и зелеными ставнями. Сосѣди гово-

рять, однакожь, что эта постройка обошлась ей подешеве и что она тратитъ деньги все по состоянию. Имъ уже известныя были ея средства. Но я не понимаю, что значить *me по состоянию*, и радуюсь, что Ульяна Терентьевна живетъ въ свѣтломъ домикѣ, надъ рѣкою, въ липовой рощѣ. И такъ этимъ доволенъ, какъ будто она все устроила по моему совѣту. Кто бы изъ гостей ни появлялся въ нашемъ домѣ, я всегдаго расширявалъ объ Ульянѣ Терентьевнѣ, и не было между ними человѣка, который бы не зналъ происхожденія новой своей собесѣдки, ея достатка, ея привычекъ, ея хозяйственныхъ распоряженій, ея гардероба, и даже того, какія кушанья подаютъ у нея за обѣдомъ и ужиномъ. Следовательно, я не имѣлъ недостатка въ известіяхъ.

Такимъ образомъ я узналъ, что Ульяна Терентьевна вдова, что мужъ ея былъ секундъ-майоръ, что она жила прежде въ какомъ-то губернскомъ городѣ, далеко отъ нашего захолустья, — что она продала тамъ каменный домъ, взяла за него сорокъ тысячъ ассигнаціями — тогда еще не считали на серебро — и заплатила изъ этихъ денегъ тридцать тысячъ за деревушку Дубинину, — что въ деревушкѣ двадцать-пять ревизскихъ душъ, а всего наберется до пятидесяти, — что она встаетъ очень рано и до завтрака гуляетъ наса два вѣшкомъ съ клюкою, на которую насаженъ стальной топорикъ, — что она часто заходитъ въ избы къ своимъ мужикамъ и уже знаетъ каждую бабу по имени, — что она очень строга съ крестьянами и что у нея ни одинъ мужикъ не отбѣнтелъ отъ барщины. «Молодень баба — замѣчали собесѣды — годилась бы въ прикащички.» Вообще Ульяна Терентьевна прослыла неуныною хозяйкою, хлопотуньей, а одинъ помѣщикъ назвалъ ее даже «бой-бабою», что мнѣ крайне не понравилось, равно какъ и ея вѣшательство во всѣ хозяйственные дрязги. Мнѣ казалось это недостойнымъ высокаго характера, какииъ я снабдилъ эту женщину. По моему мнѣнію, для прикащичьей должности ей слѣдовало бы прислать дюжого мужичину и отдать ему на вѣки свою клюку съ топорикомъ. Мнѣ было немножко досадно на Ульяну Терентьевну; но все-таки она была для меня чрезвычайно привлекательною личностію.

Между людьми, у которыхъ я о ней расширялъ, были такіе, которые успѣли уже познакомиться съ нею лично. Эти господа не имѣли терпѣнія дожидаться, чтобы она, какъ прикащичка, побывала у нихъ первая; подъ разными предлогами, они

явился къ ней съ засвидѣтельствомъ своего глубочайшаго почтенія и скоро превозносили ее до небесъ за умъ, за любовь, за отличный домашній порядокъ; но, по мѣрѣ того, какъ Ульяна Терентьевна медлила заплатитъ имъ визиты, восхищеніе ихъ ослабѣвало, и многіе начали уже подписываться надъ роскошною ея мебели и экипажа, несоразмѣрною съ состояніемъ. Я, впрочемъ, мало обращалъ вниманія на эти насмѣшки и забиралъ самыя точныя справки о каждой вещи въ ея домѣ, какъ будто собирався купить его съ аукціона.

Этимъ способомъ я узналъ, какой диванъ, какія кресла, какой коверъ у нея въ гостиной, какіе часы въ залѣ, какой подается сервизъ къ чаю, какъ у нея прислуживаютъ за обѣдомъ, и проч. и проч. — до послѣдней мелочи. Моя память и воображеніе вмѣщали въ себѣ полное хозяйство Ульяны Терентьевны, и какъ мнѣ было весело, просыпаясь по утру, думать о ея бѣломъ домикѣ съ зелеными ставнями! Я представлялъ себѣ, какъ первые красноватые лучи солнца заглянутъ въ ея комнату и заиграютъ на лаковыхъ спинкахъ ея стульевъ, на прекрасномъ серебряномъ умывальникѣ, который принесетъ ей дѣвушка (я зналъ, какой у нея и умывальникъ) въ свѣжихъ складкахъ бѣлой косынки, которою покрыты плечи этой дѣвушки (мнѣ было извѣстно, что горничныя Ульяны Терентьевны не могли иначе показаться ей на глаза, какъ въ свѣжей бѣлой косынкѣ), въ струяхъ и брызгахъ холодной воды, которою умывалась Ульяна Терентьевна, и въ веселыхъ, быстрыхъ, улыбающихся глазахъ (какіе у нея глаза, это я зналъ лучше всякаго сосѣда).

Гдѣ бы я ни былъ, я все думалъ о ней и о ея домѣ. Я былъ въ немъ камердинеромъ, товарищемъ въ прогулкахъ и совѣтникомъ. Никогда ни одна дѣвочка не была такъ занята своими куклами, какъ я усадбою Ульяны Терентьевны. Я даже дѣлалъ ошибки въ умноженіи, уносясь туда мыслями, и мнѣ труднѣе доставалась повѣрка его, нежели до знакомства съ этимъ недостижимо привлекательнымъ для меня лицомъ.

Но я тщательно скрывалъ отъ своего отца мою разсѣянность, потому что онъ готовился отвезти меня въ сосѣдній городъ Н., для опредѣленія въ уѣздное училище. Невозможно разсказать, какиихъ трудовъ стоило ему научить меня читать цѣфры, не говорю уже о ихъ вычисленіи. Я исписалъ два боль-

ше грифеля прежде нежели былъ въ состояніи прочитатъ безъ ошибки сумму въ десять цифръ. Я не былъ рожденъ для математики. Судите же, каково было бы ему узнать, что я, передъ самымъ вступленіемъ въ училище, позабылъ четыре арифметическія правила. Я любилъ батюшку и боялся огорчить его. Но не думать объ Ульянѣ Терентьевнѣ, сидя надъ испидной доскою, было выше силъ моихъ. Даже новый нанковый сюртукъ, который шили мнѣ въ сосѣдней комнатѣ, не столько занималъ мое воображеніе, какъ она. Но все-таки я часто и о немъ думалъ, и если что услаждало горькую мысль мою объ опредѣленіи въ училище, такъ это удовольствіе носить новый сюртукъ.

Я просиживалъ по цѣлымъ часамъ возлѣ старика портного, крестьянина помѣщика Дубинина, слѣдя за волшебнымъ дѣйствіемъ его иглки, и думалъ, какъ бы хорошо было мнѣ показаться въ новомъ сюртукѣ въ домѣ Ульяны Терентьевны. Мнѣ казалось, что онъ совершенно соотвѣтствуетъ щегольской мебели, о которой я слышалъ. Но этому сюртуку не суждено было удостоиться ея взгляда, — да! Меня раздѣлила еще цѣлая вѣчность времени отъ знакомства съ Ульяной Терентьевной. Сколько тяжелыхъ и восторженныхъ и потрясающихъ болѣзненно впечатлѣній должно было пройти сквозь мою душу, прежде нежели я очутился въ ея сферѣ! Я въ дѣтствѣ не былъ ребенкомъ: я чувствовалъ, радовался и страдалъ, какъ взрослый. Но отъ этого дѣтство мое не потеряло для меня той умолительной прелести, которую — хотя смутно — сознавалъ и самъ Яковъ Яковлевичъ (*). За свѣжесть впечатлѣній, за воспримчивость души, за сладостное ощущеніе бытія въ ту эпоху жизни я безконечно благодаренъ своему Создателю. Одаренный этими качествами обильно, я находилъ вездѣ занимательность, гдѣ для другихъ была лишь скука или страданіе. Все, что поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ моей душѣ живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить малѣйшаго обстоятельства

(*) «Исторія Якова Яковлевича» рассказана авторомъ въ отдельной повѣсти и должна бы быть, по настоящему, напечатана прежде «Исторіи Ульяны Терентьевны», но, къ сожалѣнію, существова въ оловѣ только экземпляръ, потеряна во время путешествія. Мы, однакожь, не выключили изъ предлагаемой повѣсти тѣхъ мѣстъ, гдѣ упоминается о Яковѣ Яковлевичѣ, въ надеждѣ, что исторія его замѣчательной жизни современемъ будетъ отыскана и доставлена редакціи. Въ противномъ случаѣ авторъ обѣщаетъ написать для насъ «Исторію Якова Яковлевича» вновь.

Примѣч. редакціи.

своего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радостныхъ и грустныхъ, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣнй.

Я помню свои сборы къ выѣзду въ городъ Н., гдѣ предназначено было мнѣ проникнуть во все тайны учебниковъ. Что можетъ быть грустнѣе этихъ сборовъ? такъ много вдругъ человѣкъ теряетъ съ первымъ выѣздомъ изъ родного уголка въ чужіе люди. Но дѣтская натура такъ еще полна жизненности, что въ минуты смертельной горести создаетъ себѣ живительные суррогаты счастья. Когда отецъ, отдавая въ мое распоряженіе небольшой зеленый сундукъ, объявилъ мнѣ, что завтра послѣ обѣда мы выѣдемъ изъ дому, я спрятавшись за дверь и горько заплакалъ; но почти въ то же время я посмотрѣлъ сквозь щель въ другую комнату и началъ слѣдить за дѣйствіями старика портного, который вкладывалъ въ мой зеленый сундукъ бѣлье, новый жилетъ, вмѣстѣ съ другими принадлежностями моего туалета, и наконецъ сюртукъ. Вечернее солнце, прорѣзавъ полоскою свѣта струю табачнаго дыму, который онъ промежутками выпускалъ изъ коротенькаго чубучка своей деревянной трубки, играло въ слѣдыхъ волосахъ его, всякій разъ, какъ онъ наклонялся надъ сундукомъ. Я засмотрѣлся на старика и позабылъ о слезахъ, орошавшихъ мои щоки. Сундукъ, который онъ наполнялъ такъ старательно, принадлежитъ мнѣ со всеми своими сокровищами. Я буду носить въ петлѣ своего жилета ключъ отъ него, на цѣпочкѣ, сдѣланной мною изъ проволоки, которую и случайно открылъ въ старыхъ батюшкиныхъ помочахъ. Это будетъ почти тоже, что носить въ карманѣ часы. Вмѣстѣ съ этими мыслями представилось моему воображенію множество людей, которыхъ я увижу по дорогѣ въ городъ, представились деревни, лѣса, мельницы съ своими искусственными водопадами и бѣгущія по лугамъ тѣни облаковъ, и городъ со множествомъ церквей, и новая жизнь, которая меня тамъ ожидаетъ. Я задумался, замечтался и рѣшительно пересталъ плакать.

Сказать правду, я не очень сильно былъ привязанъ къ родительскому дому, — не потому, чтобъ я былъ равнодушенъ къ мѣсту своихъ первыхъ радостей, не потому, чтобы въ немъ не было мнѣ привольно, но потому, что у меня не было матери. Родной кровь и мать — эти два понятія одно съ другимъ нераз-

лучны и одно безъ другого неполны. Я лишился матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, что едва помню ея сказки о чудныхъ странахъ, непохожихъ на нашу, и сверхъ-естественныхъ существахъ, какихъ я никогда не видѣлъ. Помню я также ласкающій взглядъ, сопровождавшій эти сказки, и полный любви голосъ, которымъ онѣ говорились. Вотъ все, что осталось мнѣ отъ моей матери. И выросъ одинокимъ мальчикомъ, въ обществѣ батюшки, котораго горячо любилъ меня, но утомлялъ чтеніемъ переплетеннаго въ кожу Державина и арифметическими задачами. Поэтому-то, можетъ быть, душа моя лежала болѣе къ обществу женщинъ, и Ульяна Терентьевна, появившись въ нашей сторонѣ, тотчасъ увлекла къ себѣ мое воображеніе. Вудъ она отставной секундъ-майоръ съ семействомъ, вѣсти о ней произвели бы на меня совсѣмъ иное впечатлѣніе.

И все еще стоялъ за дверью, смотрѣлъ на свой сундукъ и старика портного съ трубкою въ зубахъ, думалъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи и горевалъ объ окончательной разлукѣ съ Ульяною Терентьевною, когда позвалъ меня батюшка со двора и велѣлъ садиться подлѣ себя въ таратайку, запряженную въ одну лошадь, которую онъ самъ намѣренъ былъ править. Мы объѣхали все наше имѣніе при свѣтѣ заходящаго солнца, всѣ лѣса и сѣнокосы, которые особенно любилъ я, потому что на нихъ не умолкалъ крикъ чавкъ и говоръ лягушекъ. дикій, но необыкновенно пріятный для меня говоръ, долетавшій ночью въ мою спальню сквозь пѣсни соловья весною и завыванье вѣтра осенью. Батюшка говорилъ мнѣ, показывая свои владѣнія, что все это будетъ мое, когда я выйду изъ училища и заслужу офицерскій чинъ, что онъ сдѣлаетъ меня полнымъ хозяиномъ, а самъ будетъ отдыхать и помогать мнѣ только совѣтами. Это мнѣ понравилось. И далъ себѣ слово завести тогда прекрасную верховую лошадь и по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю навѣщать Ульяну Терентьевну. Мнѣ казалось, это будетъ такъ скоро; я не предчувствовалъ, что станется до тѣхъ поръ съ нею и съ ея свѣтлымъ домикомъ....

На другой день я проспался съ веселыми мыслями о своемъ путешествіи. Теперь у меня была уже цѣль, для которой я ѣхалъ учиться всякой мудрости. Солнце чудно сіяло, когда мы съ батюшкой отправились въ церковь къ обѣднѣ, и я никогда еще не пѣвалъ такъ удачно на кзиростѣ, какъ въ это воскресенье.

Батюшка тоже пѣлъ и читалъ, какъ всегда, очень пріятно. Онъ прекрасно зналъ церковный уставъ и пріучалъ меня знать хорошо отправленіе богослуженія. Послѣ обѣдни мы пѣли молебень объ успѣхѣ нашего предпріятія, и все, что ни дѣлалъ я самъ, что ни дѣлалось вокругъ меня, все дѣйствовало на мою душу радостно, подѣ влияніемъ одной мысли, для чего я ѣду учиться. Ульянѣ Терентьевнѣ предназначено было играть важную роль въ образованіи моего сердца: иначе я не могу объяснить влеченія, какое я инстинктивно чувствовалъ къ этой женщинѣ.

Мы пригласили священника, отца Луку, къ себѣ на обѣдъ, и тутъ я узналъ о ней новыя подробности. Отецъ Лука сообщилъ намъ, что Ульяна Терентьевна была дочь генерала, очень богатого человѣка, который имѣлъ несчастье вступить въ какое-то товарищество съ негодяями и вдругъ потерялъ почти все свое состояніе. Старикъ не пережилъ своего горя и умеръ отъ паралича. Отъ него-то остались ей эта роскошная мебель и серебряная посуда, за которую осуждали ее сосѣди. По догадкамъ отца Луки, она переселилась изъ своей губерніи къ намъ во избѣжаніе обширныхъ знакомствъ, которыя она должна была поддерживать; но онъ не одобрялъ ея уже слишкомъ уединенной жизни и рѣшительнаго уклоненія отъ новыхъ связей. Мнѣ, напротивъ, это нравилось. Когда я воображалъ Ульяну Терентьевну среди этого гама и ниска, которыми выражалась веселость нашего деревенскаго общества, мнѣ казалось, что ея ушамъ было бы отъ нихъ больно. И что стала бы дѣлать ея Наденька съ нашими хохотуньями дѣвицами? и какое удовольствіе нашелъ бы Сеня въ обществѣ нашихъ сосѣдей, умѣющихъ говорить только о хозяйствѣ? «Нѣтъ, для нихъ не годятся такія знакомства» — думалъ я и воображалъ себѣ то время, когда я буду ѣздить къ нимъ на прекрасной верховой лошади.

Съ этой мечтой я уѣхалъ подлѣ батюшки въ старинную нашу бричку и, напутствуемый благословеніемъ отца Луки, весело муштровался къ новому поприщу жизни, на которомъ предстояло мнѣ столько бѣдствій, огорченій, неразлучныхъ съ ученичествомъ.

III.

МЕЧТА МОЯ ВЕСКОРО, НО ВСЕ-ТАКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ.

По хронологическому порядку, мнѣ слѣдовало бы теперь рассказать исторію Якова Яковлевича; но мало ли наберется у меня рассказовъ изъ этого періода моего ученичества? Я не много вынесъ изъ учебниковъ, но зато учителя, ученики и всѣ подлежавшіе моему наблюденію люди оставили въ моей памяти обильные матеріалы для рассказовъ. Какая толпа личностей, съ разнообразными ихъ интересами, тѣснится въ моемъ воображеніи! Но я все это пропускаю и стану описывать только то, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ моему знакомству съ Ульяной Терентьевной.

Я прѣзжалъ два раза въ отпускъ изъ училища и все-таки не видалъ ее. Свѣдѣнія мои о ней, полученные отъ сосѣдей, увеличились немногимъ, тѣмъ болѣе, что она рѣшительно выразила своимъ образомъ жизни нежеланіе съ кѣмъ бы то ни было сблизаться. Говорили, правда, что она изрѣдка посѣщаетъ Дубинина, и что Дубининъ тоже у нея бываетъ; но отецъ мой завелъ въ это время съ нимъ тяжбу, а въ нашемъ околоткѣ тяжба по имѣнію и совершенный разрывъ знакомства были тождественны.

Я узналъ только, что домикъ Ульяны Терентьевны, съ цвѣтникомъ, спускавшимся къ рѣкѣ, обнесень рѣшетчатымъ заборомъ, выкрашеннымъ свѣтло-зеленою краскою. Въ нашемъ захолустьи масляная краска употреблялась только для мебели — о политурѣ не было и помину — и потому Ульяна Терентьевна подверглась новому осужденію за мотовство.

Одинъ я не осуждалъ ее: но мнѣ становилось досадно, что я до сихъ поръ не могъ видѣть всѣхъ чудесъ Каратаевки (такъ называлась ея деревушка). Я нѣсколько разъ пристаивалъ къ батюшкѣ, чтобъ онъ познакомился съ Ульяной Терентьевной, и всякій разъ безъ успѣха. Онъ называлъ ее гордою барынею, которая, дискать, съ нами простаками не хочетъ водиться. Я, однакожь, понималъ, или по крайней мѣрѣ предполагалъ, что еслибъ не тяжба съ Дубининымъ, то онъ нашелъ бы средства съ нею сблизиться. Хоть онъ и называлъ себя простакомъ, но я

хорошо знаю, что онъ себя только одного и считалъ въ околоткѣ достойнымъ ея общества. Онъ былъ отъ природы человекъ очень умный и отличный говорунъ. Жилъ онъ пожалуй не щегольски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознание собственнаго достоинства, которое было бы въ пору и какому нибудь знатному барону. Я воображалъ себя, какъ бы онъ повелъ рѣчь съ Ульяной Терентьевной и какъ бы онъ былъ величественъ въ своей бѣлой косынкѣ и праздничномъ синемъ сюртукѣ, — да! Ему просто не хотѣлось встрѣтиться у нея съ Дубининымъ, человекомъ крайне грубымъ и запальчивымъ, который пожалуй позабылъ бы приличіе и унизилъ вмѣстѣ съ собой и самого его въ глазахъ почтенной сосѣдки. Такъ, такъ, я это смекалъ, какъ ни скрывалъ отъ меня настоящія свои чувства батюшка.

Но крайней мѣрѣ я добился отъ него хоть чего нибудь. Одинажды получено было изъ города письмо съ уведомленіемъ объ успѣшномъ оборотѣ тяжбы съ Дубининымъ. Батюшка цѣлый день былъ необыкновенно веселъ, читалъ мнѣ оды Державина къ Суворову и рассказывалъ разные случаи изъ жизни этого великаго полководца. Я далъ ему начитаться и наговориться въволю и потомъ попросилъ его прогуляться по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ деревушки Ульяны Терентьевны. Просьба моя на этотъ разъ болѣе нежели подѣйствовала. Батюшка велѣлъ запретъ таратайку и кромѣ того осѣлать своего любимаго стараго коня, Кулька. До сихъ поръ мнѣ позволялось ѣздить на Кулкѣ только по двору, вокругъ кустовъ сирени, всегда обѣдненныхъ козами; а теперь онъ былъ вѣтренъ мнѣ на цѣлое путешествіе. Я видалъ на картинкѣ Александра Македонскаго, скачущаго на Буцефалѣ по земному шару, величиною съ яблоко. Право, мнѣ теперь казалось, что для моего Кулька весь земной шаръ едва ли былъ бы достаточнымъ попрощемъ. Правда, мнѣ было неловко сидѣть на немъ, потому что онъ былъ очень толстъ и я долженъ былъ растопыривать свои ноги, какъ знакъ умноженія, отчего онъ у меня послѣ ужасно болѣли; но я былъ очень счастливъ. Батюшка смѣялся, глядя на меня съ своей таратайки, и я догадываюсь, что меня дѣлалъ въ его глазахъ комическимъ существомъ мой длинный неразрѣзной сюртукъ, надувавшійся позади меня вѣтромъ, какъ парусъ. Тогда мнѣ все казалось чудно гармоническимъ. Для меня уже какъ будто на-

стунило время, когда я долженъ былъ завести прекрасную лошадь и ѣздить въ гости къ Ульянѣ Терентьевнѣ. Къ сожалѣнію, Кулекъ не отличался быстротою, какую я придавалъ въ воображеніи той лошади; но я былъ этимъ тайнѣ доволенъ, потому что ежеминутно боялся свалиться съ сѣдла и ѣздить по немъ то аправо, то влѣво.

И вотъ мы въ полѣ, среди зрѣлой ржи и жницъ на нивахъ: жницы намъ кланяются и смѣются. Я этого никакъ не принимаю на свой счетъ и люблюсь — сколько дозволяютъ мнѣ страшно растопыренныя ноги и ѣзда по сѣдлу — ихъ бѣлыми зубами, блестящими въ солнечномъ свѣтѣ на смуглыхъ лицахъ. Вотъ мы — я хотѣлъ бы сказать: скачемъ, поѣтъ! — тащимся рысцою, и по песчаному берегу рѣки, внизъ по теченію. Какъ хороша была въ этотъ день вода, сверкавшая солнечными искрами! Но Боже, чѣмъ показалась мнѣ усадьба Ульяны Терентьевны, когда я въ первый разъ ее увидѣлъ! Я много видалъ домовъ и садовъ по дорогѣ къ городу и въ самомъ городѣ; но все это было безжизненно въ сравненіи съ Каратаевкою. Каратаевка, съ своимъ бѣлымъ домикомъ, съ своими хозяйственнымъ постройкамъ, скрашенными розсаженною вездѣ возлѣ нихъ рябиною, съ своею старою липовою рощею, слегка пожелтѣвшею отъ приближенія осени, съ прелестнымъ англійскимъ садомъ, раскинутымъ какъ будто самую природою по береговому склону, и съ легкою рѣшоткою, которая тамъ и сямъ показывала изъ за деревьевъ прозрачные зубцы свои, отразилась въ моемъ зрѣніи въ той прелести, въ какой художникъ передаетъ намъ на полотнѣ глубоко прочувствованный имъ пейзажъ. Нѣтъ, воображеніе мое не обманываетъ меня: Ульяна Терентьевна и все ее окружающее должны быть именно таковы, какъ я собѣ представилъ. Но зачѣмъ ни она, никто нибудь изъ ея домашнихъ не покажется на этомъ уютномъ зеленомъ крылечкѣ, посреди этихъ розовыхъ кустовъ, на этомъ мостикѣ, который сдѣланъ для причала лодки, отраженной въ защищенной отъ вѣтра кустарникомъ рѣкѣ какъ въ зеркалѣ? Долго ли мнѣ жить только въ моемъ воображеніи? Мы ѣдемъ медленно по другому берегу; вѣтеръ величественно развѣваетъ мой сюртукъ; ноги мои начинаютъ болѣть; но я не обращаю на это вниманія; и весь въ раскинутой передо мной картинѣ.

Я готовъ былъ остановиться и простоять передъ усадьбою Ульяны Терентьевны до захода солнца; но батюшка не хотѣлъ выразить передъ нею своего любопытства — еслибъ она насъ замѣтила — и даже избралъ другой путь для возврата домой. Мнѣ показалось, что я видѣлъ прелестный сонъ: такъ мало было для меня нѣсколькихъ минутъ созерцанія.

Этотъ сонъ часто снился мнѣ во время «учительскаго объясненія» Якова Яковлевича, во время моего участія въ его сватовствѣ, во время жалкой его болѣзни и послѣ, когда его не стало.

Наступила зима; пришли рождественскіе святки. Я опять пріѣхалъ въ отпускъ по страшнымъ сугробамъ снѣгу, но и эти сугробы, и пушистые бѣлые лѣса, и серебристые холодные узоры, затянувшіе маленькія стекла въ окнахъ нашего скромнаго домика, — все цвѣло для меня отпечатлѣвшимся въ моей душѣ навѣки пейзажемъ.

И не оставлялъ онъ моего воображенія до тѣхъ поръ, пока распустилась новая зелень и расцвѣли новые цвѣты. Я считалъ дни, когда наступитъ лѣтній роспускъ учениковъ, и, если случалось мнѣ въ жаркій день проходить мимо какого нибудь полисадника и на меня вѣяла древесная прохлада, видъ цвѣтущей усадьбы надъ рѣкою вдругъ бывало просвѣтлѣетъ передо мною, какъ картина, по которой только что прошла лаковая кисть. А когда кто нибудь изъ товарищей приносилъ въ училище розу, никто не бросался нюхать ее съ такимъ упоеніемъ, какъ я: обоняніе приводило въ какой-то трепеть всѣ мои чувства, и мое воображеніе рвалось изъ душевной классной комнаты къ прохладной, сверкающей солнечными искрами рѣкѣ, въ которой то отражался опрокинутый берегъ, то вдругъ исчезалъ при налетѣ легкаго вѣтра.

Послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ за учебниками, сильнѣе чувствуешь прелесть родныхъ полей и лѣсовъ. Я не испыталъ удовольствія возвращаться послѣ разлуки въ объятія матери, но чувство это было во мнѣ съ самаго ранняго дѣтства, и я думаю, что оно-то облекало такую прелестью природу въ мѣстахъ моего дѣтства. Мало того, — я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю вообще раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердце. Но объ этомъ послѣ. Я ждалъ, ждалъ и дождался наконецъ

дня, въ который вѣтхая наша бричка появилась въ воротахъ моей квартиры. Я выбѣжалъ навстрѣчу къ батюшкѣ и до сихъ поръ помню, какъ мой восторгъ отразился въ глазахъ и на лицѣ его: онъ былъ тронутъ моими чувствами. Въ тотъ же день, послѣ обѣда мы выѣхали изъ города, съ тѣмъ, чтобы быть къ ночи дома. Я бы охотно согласился теперь позабыть и выучить наново арифметику, чтобъ только чувствовать такую радость, съ какою я озираю, возвращаясь изъ училища, поля, луга, рощи и синія полосы горизонта. Я какъ будто первый разъ въ жизни видѣлъ тогда сіяніе солнца, склонъ его къ западу, длинныя тѣни нашей брички, лошадей и кучера, бѣжавшія по наклоненной къ землѣ зрѣлой пашнѣ, и потомъ наступленіе ночи при заревѣ западнаго небосклона, и луну, чуть обозначающую на росистой придорожной травѣ нашъ дребезжавшій въ тишинѣ полей экипажъ.

Намъ оставалось уже не болѣе пяти верстъ до дому; фырканье лошадей, ускорившихъ добровольно свою рысь, и пѣжное звяканье желѣза, связывавшаго бричку, сливались для меня съ ея дребезжавьемъ въ пріятный ладъ; я вѣдушивался въ него какъ въ сказку старика, у котораго въ замѣнъ одряхлѣвшихъ членовъ развилась говорливость, и уже чувствовалъ себя въ нашемъ уютномъ домикѣ, среди предметовъ, отпечатлѣвшихся во мнѣ при первомъ сознаніи моего бытія. Вдругъ батюшка высунулся изъ брички и замахалъ кому-то очень привѣтливо картузомъ.

— Карпъ Иванычъ! раздался подлѣ брички незнакомый женскій голосъ, и я въ ту же минуту подумалъ: «Не Ульяна ли Терентьевна?»

Но первый взглядъ на говорившую разрушилъ радостную мою догадку. Это была женщина въ огромной темной шляпкѣ, бросавшей густую тѣнь на ея лицо (мѣсяцъ уже ярко сіялъ на потемнѣвшемъ небѣ), въ темномъ капотѣ, похожемъ на мужскую шинель, съ возжами и хлыстомъ въ рукахъ. Она выѣхала на перерѣзъ пашней дорогъ изъ за кустовъ, въ небольшой красной тележкѣ, запряженной маленькою сѣрою лошадкою, которою она сама правила.

«Нѣтъ, это не она!» — подумалъ я въ ту же минуту.

— Везете наконецъ? продолжала она, обращаясь къ батюшкѣ.

— Везу, сударыня, отвѣчалъ онъ такимъ пріятнымъ тономъ, какимъ онъ разговаривалъ только съ отцомъ Лукою.

— А покажите мнѣ? сказала незнакомка.

Тогда только я узналъ, что дѣло идетъ о вашемъ покорнѣйшемъ слугѣ, которому тотчасъ приказано было вылѣзть изъ брички и подойти «къ ручкѣ» Ульяны Терентьевны.

— Ульяны Терентьевны! воскликнулъ я такимъ голосомъ, какъ будто меня разбудили крикомъ отъ сна.

Я думаю, что я даже поблѣднѣлъ въ эту минуту; по крайней мѣрѣ, когда я вылѣзалъ изъ брички, то руки и ноги мои дрожали.

— А онъ меня ужъ знаетъ? сказала Ульяна Терентьевна, услышавъ мое восклицаніе.

— Очень давно, отвѣчалъ батюшка. — Сколько разъ онъ спрашивалъ меня съ вами познакомиться.

— О, да какой же милашка! сказала она, когда я поналовалъ ея перчатку. (Мнѣ понравилось, что она была въ перчаткахъ и, еще въ мягкихъ и свѣжихъ, судя по ощущенію моихъ губъ.)

— Погоди, голубчикъ, дай посмотрѣть на себя, продолжала она, удерживая меня за руку, въ которой я держалъ картузъ, и пробирая пѣть на лбу волосы. — Карпъ Иванычъ, я васъ тотчасъ же ограблю.

— Какъ? спросилъ батюшка, голосомъ самаго счастливаго человѣка.

— Отниму у васъ Николашу по крайней мѣрѣ на недѣлю.

— Вы очень добры, сударыня, отвѣчалъ батюшка: — онъ не заслуживаетъ вашихъ ласокъ. (А между тѣмъ видно было, что онъ думалъ совсѣмъ не то: батюшка считалъ меня чудомъ между дѣтьми, несмотря на мою тупость къ ариметикѣ.)

— Садись подлѣ меня, дружочекъ, сказала Ульяна Терентьевна, подбирая оставленные возжи и хлысть.

Я возвратился къ батюшкѣ, чтобъ съ нимъ проститься. Какою радостью сіяло лицо его!

— Поворачивайте ко мнѣ, Карпъ Иванычъ, сказала Ульяна Терентьевна.

Батюшка по какой-то причинѣ—не помню—не могъ принять этого предложенія и общалъ черезъ нѣсколько дней прїѣхать за мною. Я уѣхалъ одинъ съ Ульяной Терентьевной.

Сплю я, или на яву брежу? готовъ былъ я спрашивать самого себя, быстро несясь по узенькой дорожкѣ среди наклоняющагося по обѣ стороны подъ колесами жита. Переходъ мой отъ долгаго ожиданія къ исполненію моихъ желаній былъ такъ быстръ, что я не успѣлъ опомниться отъ изумленія, и руки мои все еще продолжали дрожать.

— Ты озлябъ, Николаша? спросила ласковымъ голосомъ Ульяна Терентьевна.

Я отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Чего жь ты дрожишь?

— Не знаю. Миѣ кажется, какъ будто я вижу васъ во снѣ....

— Какъ это?

— Какъ будто это невозможно, чтобъ я сидѣлъ подлѣ васъ и ѣхалъ къ вамъ.

— О, милое дитя! сказала Ульяна Терентьевна, взглянувъ на меня, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ ея глаза. Мѣсятъ свѣтилъ прямо въ лицо ей. Чтѣ-то глубоко шевельнулось у меня въ душѣ: этотъ взглядъ былъ миѣ знакомъ. Такъ смотрѣла на меня мать, рассказывая миѣ волшебныя сказки. Я вообще не былъ застѣнчивъ; но этотъ взглядъ совершенно освоилъ меня съ Ульяной Терентьевной.

— Я давно желалъ васъ видѣть, продолжалъ я. — Только имя ваше пронеслось въ нашей сторонѣ, я уже началъ думать о васъ безпрестанно.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ. Она не ожидала отъ деревенскаго, необразованнаго мальчика такого тона рѣчи, какимъ я говорилъ. Но она очень ошибалась. Меня все образовывало — отъ одѣ Державина, которыхъ я зналъ наизусть множество, до дружбы моей съ Катенькою, для которой я былъ, послѣ выхода ея замужъ, повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, какія только знало ея сердце. (*) Все это развило меня необыкновенно.

(*) Относится къ «Исторіи Якова Яковлевича».

— Да, Ульяна Терентьевна, сказалъ я: — вы часто снились мнѣ во снѣ, и никогда еще никто не жаждалъ такъ видѣть васъ, какъ я.

— Да былъ ли ты увѣренъ, что я тебѣ понравлюсь? сказала она, засмѣявшись, и смѣхъ ея былъ необыкновенно пріятенъ.

— Увѣренъ? отвѣчалъ я: — да мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобъ вы были не тѣмъ, чѣмъ я воображалъ васъ.

— А чѣмъ же ты воображалъ меня?

— Я воображалъ васъ такою женщиною, какой я никогда еще не видѣлъ.

— Чтожь это значить?

— Это значить, что у васъ все лучше другихъ: и рѣчи, и жизнь, и обращеніе съ людьми, — однимъ словомъ, все.

— Боже мой! сказала Ульяна Терентьевна: — да ты разсуждаешь какъ старикъ. Который тебѣ годъ?

Я помню, что я отвѣчалъ четырнадцатый, а въ самомъ дѣлѣ я не зналъ, сколько я оставилъ позади себя лѣтъ, и очень рѣдко объ этомъ думалъ.

— Такъ я не ошибся? не правда ли? спросилъ я, глядя въ глаза Ульянѣ Терентьевнѣ. — Вѣдь у васъ все лучше другихъ? Я видѣлъ вашу усадьбу. Боже мой! какую чудною женщиною вы мнѣ тогда представились! Вѣдь вы купили дикое мѣсто и сдѣлали изъ него такую картину. Нѣтъ, я не ошибся въ васъ.

Она усмѣхнулась, и я желалъ бы знать, что она этимъ выразила. Кажется, однакожь, что ей мое восхищеніе нравилось. Она какъ-то веселѣй прежняго потряхивала возжами своей сѣрой лошадки, и мы летѣли по полю какъ стрѣла. Какъ легко было у меня на душѣ! какъ свѣтлы были всѣ умственные мои представленія!

— А какъ ты думаешь, милый философъ мой, сказала Ульяна Терентьевна: — счастлива ли я?

Я взглянулъ на нее съ безпокойствомъ. Этотъ вопросъ былъ неожиданъ и зазвучалъ какъ-то въ разладъ со всѣми тогдашними моими чувствами. Я съ секунду разсматривалъ ея правильныя, предестныя черты, сколько позволяли мнѣ видѣть ихъ огромная шляпка, на которую я очень досадовалъ, и тѣнь, падавшая отъ ея широкихъ полей. Она смотрѣла на меня своимъ вѣжнимъ взглядомъ и улыбалась.

— Счастливы ли вы? спросалъ я. — Теперь, да.

— А прежде?

— Прежде, можетъ быть, вы и страдали. Да конечно страдали, и очень много. Вѣдь я отчасти знаю вашу исторію. Вашъ батюшка....

— Да, да, это тебѣ, конечно, можетъ быть извѣстно.

— Не сказать ли вамъ? продолжалъ я: — скажете ли вамъ, что я думаю? Я думаю, что вы не можете быть несчастны.

— Это почему ты знаешь?

— Есть что-то въ вашемъ лицѣ.... и мнѣ кажется, это вѣрно.... Глаза, которые такъ смотрятъ, и лицо, которое такъ привѣтливо манитъ къ себѣ, не могутъ быть у несчастнаго человека, то есть у такого, которому суждено быть несчастнымъ. Вѣдь несчастье что?

— А что такое, по твоему, несчастье? спросила съ живостью Ульяна Терентьевна, заинтересованная моею глубокомысленною бесѣдою.

— Несчастье, сказалъ я самымъ положительнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о повѣркѣ умноженія:—несчастье бываетъ тогда, когда человека никто не любитъ. А съ вами развѣ можетъ это быть? Развѣ въ состояніи ктонибудь васъ оставить, позабыть, не желать быть съ вами и доставлять вамъ удовольствіе? Я по себѣ сужу. Вы имѣете въ себѣ что-то чудное. Я просидѣлъ бы подлѣ васъ всю жизнь, еслибъ не нужно было мнѣ ѣхать опять въ училище и потомъ заслуживать офицерскій чинъ.

Ульяна Терентьевна взяла меня за руку. Въ ея пожатіи замѣтна была нѣжная дрожь, которая сказала что-то невыразимое моему сердцу. И былъ какъ нельзя болѣе счастливъ: я чувствовалъ, что меня любятъ, что между нами есть уже дружба.

IV.

Я окончательно объясняюсь въ любви Ульянѣ Терентьевнѣ: первое мое знакомство съ нѣмцемъ въ синей курткѣ и превращеніе.

Мы проѣхали черезъ деревушку Ульяны Терентьевны, расположенную, ниже ея усадьбы, на рѣчномъ отлогомъ берегу, и

въѣхали въ липовую рощу, по которой шла извилистая дорожка къ усадьбѣ. Ульяна Терентьевна, какъ я послѣ узналъ, дорожила этою рощею, какъ величайшею драгоценностью, и боялась подумать о пресѣкѣ. Деревья бросали на насъ густую тѣнь, смѣняемую внезапно луннымъ свѣтомъ. Множество свѣтящихся червей блестѣло по обѣ стороны дороги въ темнотѣ. Съ рѣки несся глухой говоръ водяныхъ обитателей. Я дорого далъ бы теперь за минуту того спокойнаго, свѣтлаго восторга, съ какимъ я впивалъ тогда въ себя душистый воздухъ, вглядывался въ таинственную темноту деревьевъ и прислушивался къ этому говору.

Я спросилъ Ульяну Терентьевну, какъ она познакомилась съ моимъ батюшкою.

Она отвѣчала, что очень просто. Она встрѣтилась съ нимъ, на смежныхъ сѣнокосахъ; ей нужно было нѣсколько ульевъ пчелъ; она знала, что у моего батюшки пчелы содержатся въ отличномъ порядкѣ, и спросила, не продасть ли онъ; онъ согласился на это съ большою сосѣдскою любезностью, и съ той минуты они знакомы.

— Батюшка твой очень умный человекъ, прибавила она.

— О, да! подтвердилъ я. — Когдабъ вы послушали, какъ онъ читаетъ Державина!

«О Россѣ, о подвигъ исполнина!

О, всемогущая жена,

Безсмертная Екатерина!

Куда и что еще? уже полна

Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна....

Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,

Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ

И мудрыхъ удивить!»

Ульяна Терентьевна отъ души восхищалась моею декламациею, которой вторили эхо въ тишинѣ рощи и фыркае сѣрой лошади; а я потому вспомнилъ эти стихи, что въ моей новой знакомкѣ было что-то екатерининское. Я смотрѣлъ на нее, какъ на величайшую женщину въ мірѣ, и не было мѣры преданности, которую я къ ней чувствовалъ.

— Я узнала, продолжала Ульяна Терентьевна: — что онъ вдовецъ и что у него есть сыночекъ. Я подумала: «Бѣдный мальчикъ! какое это несчастье, что у него нѣтъ матери!»

— А это большое несчастье? спросилъ я, испугавшись вдругъ отчаяннаго своего положенія.

— Да, мой другъ, отвѣчала она: — почти такое жъ, какъ для взрослыхъ одиночество и бездѣтство.

— А у васъ нѣтъ дѣтей? спросилъ я.

— Этого я не могу сказать. У меня нѣтъ родныхъ, но Богъ ко мнѣ милостивъ. — Я люблю обоихъ моихъ дѣтокъ такъ, какъ больше, мнѣ кажется, любить нельзя.

— Вы говорите о Сенѣ и Наденькѣ?

— А ты уже ихъ знаешь?

— Я все знаю, что только можно было узнать о васъ. Я предчувствовалъ, что буду съ вами знакомъ. Когда разнеслась въ околоткѣ вѣсть о васъ, я почти перезабылъ ариметику; я все думалъ о томъ, какъ бы мнѣ васъ увидѣть.

— Какъ жаль, что я этого не знала! сказала Ульяна Терентьевна.

— А то бы что? спросилъ я.

— А то бы я сама къ тебѣ пріѣхала.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я не шучу.

— Потому только, что я васъ люблю, вы бы ко мнѣ пріѣхали?

— А это развѣ малость?

— Да что за рѣдкость моя любовь? Васъ, я думаю, тысячи людей обожаютъ. Кто только васъ узналъ, тотъ и вашъ на вѣки.

— Нѣтъ, ошибаешься, мой другъ, сказала, качая головой, Ульяна Терентьевна. — Вѣрное сердце — великая находка въ мѣрѣ.

— То есть такое, спросилъ я: — которое никогда не перестанетъ любить?

— Да, отвѣчала она нѣжнымъ голосомъ.

— Я никогда, никогда не перестану любить васъ, воскликнулъ я, какъ пламенный рыцарь: — никогда!

И эхо повторило мое восклицаніе,

Я говорилъ истину. Это была первая любовь моя, и никогда никакое чувство не горѣло въ моемъ сердцѣ чистѣйшимъ и постояннѣйшимъ пламенемъ. «Вѣрное сердце — великая находка въ жизни.» Я чувствовалъ, что мое сердце полно вѣрности, и гордился этимъ. Я зналъ, что я не бездѣлицу приношу въ жертву Ульянѣ Терентьевнѣ: Какъ я счастливъ, что первая жертва моя не была принесена — а могла бы быть — бездушному кумиру! Да, я въ ней не ошибся. Душа моя угадала ее.

Впослѣдствіи узналъ я, что взгляды ея, обращенный на меня въ минуту моего объясненія въ любви, при всей своей нѣжности, при всей теплотѣ своей, выражалъ менѣе, нежели было въ ея сердцѣ. Впослѣдствіи она мнѣ призналась, что сердце ея такъ было взволновано моимъ дѣтскимъ разговоромъ, какъ у человѣка, который, рою простую землю, вдругъ бы открылъ нестоимую золотую розсыпь. Она придавала мнѣ такую цѣну, какой я, при всей любви къ своимъ достоинствамъ, никогда не придавалъ себѣ.

Всѣ эти факты дальнѣйшаго моего знакомства съ этою истинно необыкновенною женщиною я долженъ былъ объявить теперь, — иначе читателю не совѣмъ была бы понятна страстная дрожь, которую я замѣтилъ въ рукѣ ея; не было бы понятно ея дружеское, материнское со мною обращеніе; не было бы понятно участіе, которое она съ этого времени приняла во всемъ, что относилось къ моимъ удовольствіямъ и пользѣ. Боже, сколько благодѣтельныхъ впущеній въ моемъ сердцѣ, сколько благородныхъ понятій въ умѣ моемъ оставила эта дивная женщина! Съ умиленіемъ пишу эти строки, пишу съ чувствомъ сына, молящагося на могилѣ матери.

Но возвращаюсь къ разсказу. Ульяна Терентьевна чаще прежняго начала потряхивать возжами: я думаю, ей поскорѣе хотѣлось показать меня своимъ домашнимъ; да, суля по тому, какъ она ввела меня въ ихъ общество, я именно такъ думаю.

— Ну-ка, сѣрко, сказала она, ободря лошадку, которая фыркала отъ усталости чаще и чаще: — поспѣши къ своему хозяину: я думаю, онъ ждетъ не дождется тебя. Это не моя лошадь: это моего садовника Готфрида, обратилась она ко мнѣ.

— Нѣмца въ синей курткѣ и въ башмакахъ? спросилъ я.

— Нѣмца въ синей курткѣ и въ башмакахъ, отвѣчала она, засмѣявшись. — Готфридъ давній нашъ — домочадецъ, могу

сказать. Панаша мой выписалъ его изъ Штутгарда и платилъ ему большія деньги. Онъ отличный садоводъ и пчеловодъ, а панаша любилъ до пристрастія сады и пчель. Послѣ обстоятельства напаша разстроилась....

«Отецъ Лука больше всѣхъ сказалъ правды — подумалъ я. — Умный человекъ отецъ Лука.»

— Я была уже тогда замужемъ; но мы жили въ одномъ домѣ. По его смерти, я не могла платить Готфриду его жалованья и хотѣла отпустить его. Но онъ просилъ меня оставить его на одной трети прежней цѣны и остался. Потому мы вздумали переѣхать сюда и ограничить больше прежняго свои расходы....

«Да — подумалъ я опять — именно умный человекъ отецъ Лука.»

— Я опять хотѣла отпустить Готфрида, но онъ просилъ меня назначить ему такое жалованье, какое мнѣ угодно, только не отпускать его.

— И вы назначили?

— Да, я плачу ему триста-пятьдесятъ рублей ассигнаціями въ годъ, и это очень недорого по его способностямъ, даже и при моихъ обстоятельствахъ. Его многіе завскаивали; онъ могъ бы тотчасъ найти себѣ прекрасное мѣсто.

— Онъ такъ привыкъ къ вамъ? спросилъ я.

— Больше, нежели привыкъ, сказала Ульяна Терентьевна, улыбувшись какъ-то грустно.

— Онъ такъ васъ любитъ?

— Да, у него очень нѣжное сердце. Не даромъ онъ такой поклонникъ Шиллера. Правда, ты Шиллера, я думаю, не знаешь, да и Штутгардъ знаешь ли ты, въ какомъ государствѣ.

Самолюбіе мое было задѣто, и я, вмѣсто отвѣта, проговорилъ отрывокъ изъ одного географическаго своего урока:

— Штутгардъ, столица Виртембергскаго королевства, на Незенбахѣ, съ тридцатью-пятью тысячами жителей. Прекрасный дворецъ, большая бібліотека, фабрики....

— Хорошо, хорошо, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна: — а Шиллера все-таки не знаешь.

— Да, Шиллера у насъ еще не учили, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ вотъ, если хочешь одолжить моего Готфрида, спроси у него о Шиллерѣ. Онъ готовъ толковать о немъ съ утра до вечера.

Въ это время мы приблизились къ рѣшоткѣ двора Уляны Терентьевны, и намъ отворилъ ворота.... кто же? — Готфридъ. Я узналъ его по синей суконной курткѣ, спускавшейся ниже пояса, наподобіе нынѣшнихъ домашнихъ пальто, и вышитой довольно красиво снурками. Онъ былъ совсѣмъ не старикъ, какъ описывали его сосѣди; ему было лѣтъ сорокъ, только онъ былъ очень блѣденъ и худощавъ; впрочемъ, черты имѣлъ привлекательныя и, какъ теперь я припоминаю, былъ нѣсколько похожъ на Шиллера. Длинные бѣлокурые, немного завитые отъ природы волосы и свѣтло-голубые глаза его чрезвычайно мнѣ понравились. Свѣтъ мѣсяца придавалъ ему взятотъ вечеръ особенную прелесть.

— Gnädige Frau, сказалъ онъ, кланяясь, тихимъ, слабымъ голосомъ: — какъ долго вы сегодня проѣздили по сѣнокосамъ. Самоваръ давно готовъ; я давно жду васъ съ чаемъ.

Но прежде нежели онъ кончилъ, сѣрко проѣхалъ мимо. Готфридъ побѣжалъ за нами и у крыльца помогъ Улянѣ Терентьевнѣ выйти. Я наблюдалъ за нимъ съ особеннымъ любопытствомъ и видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ это дѣлалъ.

— Добрый мой Готфридъ, сказала тогда ласково Уляна Терентьевна, въ отвѣтъ на прежнія его слова: — а ты безъ меня уже и соскучился?

Готфридъ хотѣлъ на это что-то сказать, но видимо замаялся и только отворилъ, съ почтительнымъ наклоненіемъ головы, дверь.

Я послѣдовалъ за Улянкой Терентьевной. Мы вошли въ просторную переднюю, которая показалась мнѣ великолѣпною залою. Готфридъ забѣжалъ впередъ и хотѣлъ отворить намъ съ правой стороны дверь; но Уляна Терентьевна повернула влѣво. Тогда онъ схватилъ свѣчу въ серебряномъ подсвѣчникѣ и отворилъ дверь на лѣвой сторонѣ передней. Мы вошли въ залу, увѣшанную портретами. Готфридъ, поставя свѣчу на столъ, тотчасъ удалился.

Уляна Терентьевна, къ моему удивленію, повернула въ замкъ ключъ и скрылась въ боковой двери, оставя меня одного

въ сообществѣ людей, глядѣвшихъ на меня со всѣхъ сторонъ изъ золоченыхъ рамъ. Я первый разъ въ жизни увидѣлъ живопись. Какъ странно она на меня подѣйствовала! Я чувствовалъ какой-то ужасъ, вглядываясь въ черты лицъ, казавшихся мнѣ живыми. Въ то же самое время душа моя была полна невыразимаго восторга, производимаго на нее художественнымъ сочетаніемъ красокъ. Особенно одинъ портретъ приковалъ къ себѣ мое зрѣніе. Это былъ величественной наружности старикъ въ генеральскомъ мундирѣ стариннаго покроя. Я подумалъ, не отецъ ли это Ульяны Теретьевны; но нѣтъ! въ ея глазахъ совсѣмъ не это выраженіе; а черты лица ея... но онѣ были для меня еще неясны: такъ закрывала ее шляпка и такъ все мое зрѣніе устремлено было на одни прелестные глаза ея, отогрѣвавшіе мою душу отъ училищнаго холода.

Когда я объ этомъ думалъ, Ульяна Теретьевна появилась изъ боковой двери въ такомъ точно темномъ клѣтчатомъ, шелестящемъ платьѣ, какъ я воображалъ, въ такихъ точно блестящихъ, нѣжно скрипучихъ башмачкахъ и даже со связкою ключей въ рукѣ. Но я не думалъ и вообразить не могъ, чтобы она была такъ хороша. Она была уже не въ первой молодости и не имѣла совсѣмъ румянца, но лицо ея и вся голова не уступали въ совершенствѣ очертаній изящнѣйшимъ мраморнымъ изваяніямъ. Я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и не замѣтилъ даже дѣвушки, которая вошла вслѣдъ за нею съ серебрянымъ тазомъ и умывальникомъ.

— Николаша, сказала, своимъ любящимъ голосомъ, Ульяна Теретьевна:— тебѣ слѣдуетъ немножко приварядиться. Такому милому мальчику, какъ ты, неприлично являться въ хорошее общество въ полосатомъ нанковомъ сюртукѣ. Конечно, одежда послѣднее дѣло, другъ мой; но почему же намъ не быть красивѣе съ виду, если можемъ? У меня осталось платье Сени съ твоего возраста. Оно какъ разъ придется по тебѣ. Дѣвушка принесетъ и одѣветъ тебя.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ самому одѣться: батюшка всегда велитъ мнѣ самому одѣваться, сказалъ я, цалуя съ благоларностью ея руку.

Мнѣ такъ же было нестыдно принять отъ нея платье, какъ и отъ родной матери. Я въ душѣ признавалъ себя ея собственностью.

— И прекрасно, сказала она. — Но прежде умойся, а я между тѣмъ приготовлю къ твоему знакомству моихъ дѣтей.

Миѣ подали умыться изъ серебряной посуды, и невозможно выразить, какое произвело это на меня впечатлѣнiе. Я какъ будто очутился въ одной изъ тѣхъ чудныхъ странъ, о которыхъ рассказывала миѣ мать моя. Теперь я равнодушно смотрю и на золото, хотя слишкомъ рѣдко его вижу, но въ то время даже свѣжее, голландское полотенце съ нерасправившимися складками показалось миѣ чѣмъ-то изъ волшебной сказки. А когда я надѣлъ чистое бѣлье, башмаки—чуть ли еще не Уляны Терентьевны — сѣрые панталоны съ лампасами и малиноваго цвѣта курточку съ золотыми снурками и со множествомъ блестящихъ пуговицъ, я чувствовалъ, какъ будто я съизнова родился.

Едва я кончилъ свой туалетъ, какъ вошелъ Готфридъ, осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и спереди, и сзади, обтянулъ панталоны, какъ дѣлають портные, застегнулъ пуговицы въ моей курткѣ и opravилъ на моей шеѣ бѣлый воротничекъ.

Пока онъ былъ этимъ занятъ, я спросилъ его:

— Негг Готфридъ, скажите миѣ, пожалуста, что такое Шиллеръ?

— О, Негг Николаша! воскликнулъ онъ съ радостнымъ удивленiемъ. — Вы хотите знать Шиллера? я вамъ расскажу и покажу Шиллера охотно послѣ, а теперь Gnädige Frau зоветъ васъ къ себѣ.

Я понималъ уже, что значить Gnädige Frau, потому что Якова Яковлевича смѣнилъ въ нѣмецкомъ языкѣ одинъ отставной студентъ и школилъ насъ порядочно. И какъ я былъ доволенъ, что понималъ эти слова! Они удивительно шли къ Улянѣ Терентьевнѣ.

Я послѣдовалъ за Готфридомъ черезъ пѣреднюю.

— Негг Николаша, сказалъ онъ, указывая миѣ на лежавшую на столѣ толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ, похожую на часословъ, по которому я учился: — вотъ Шиллеръ.

Я возымѣлъ о Шиллерѣ почтительное понятiе и хотѣлъ было посмотреть, что это за книга, и есть ли въ ней картинки. Но Готфридъ отворилъ передо мною дверь въ другую комнату, ярко освѣщенную, и я увидѣлъ тамъ, какъ будто въ небесномъ сiянии, Уляну Терентьевну вмѣстѣ съ Наденькою и Сенею. Оставя Шилл.

лера въ покое, я поспѣшилъ въ этомъ маленькій рай: хорошенькая, свѣтлая комнатка, вмѣщавшая въ себя мою Ульяну Терентьевну, показалась мнѣ истинно раемъ.

V.

Я ПРИОБРЕТАЮ ПРАВА ГРАЖДАНСТВА ВЪ СЕМЕЙСТВѢ УЛЯНЫ ТЕРЕНТЬЕВНЫ.

Какъ я вошелъ, какъ поклонился, до этого, надѣюсь, никому вѣтъ надобности; да едва ли я чтонибудь подобное и сдѣлалъ, потому что я помню только, какъ Ульяна Терентьевна, держа меня за руку, говорила своей Наденькѣ:

— Сынъ Карпа Ивановича, счастливца Карпа Ивановича.

Я между тѣмъ разсматривалъ дѣвушку, передъ которою мы оба стояли въ двухъ шагахъ. Она сидѣла между двухъ свѣчъ, и на лицѣ ея какъ будто не было никакой тѣни. Но крайней мѣрѣ внутри у меня было такъ ясно, что все представлялось мнѣ въ видѣ свѣтлыхъ созданій фантазій. Наденька была вся въ бѣломъ и очень походила на Ульяну Терентьевну; только черты ея были, такъ сказать, ступованы, и не знаю, это ли обстоятельство, или, можетъ быть, блескъ бѣлоснѣжнаго ея платья въ яркомъ освѣщеніи и что-то дѣтски-радостное въ ея взорѣ заставили меня подумать, что если въ самомъ дѣлѣ наши души во время сна отдѣляются отъ насъ легкимъ видѣніемъ и бесѣдуютъ съ Богомъ — я часто объ этомъ слышалъ — то душа Ульяны Терентьевны должна быть именно такова.

Видно, моя мысль отразилась въ моемъ взорѣ, потому что глаза Наденьки приняли чрезвычайно насмѣшливое выраженіе, на щекахъ появились ямочки, губы сжались: она готова была захохотать.

Въ ту же самую минуту сбоку послышался громкій мужской голосъ, какого я совсѣмъ не ожидалъ въ этой странѣ кроткихъ и нѣжныхъ фей:

— Ахъ, мамаша! да я въ немъ какъ будто вижу свой портретъ!

Я посмотрѣлъ, кто это такъ мужественно объявляетъ свое притяваніе нѣ сходство со мною, и увидѣлъ Сентю, сидящаго на

низенькомъ табуретѣ у ногъ Наденьки. Она была въ такомъ свѣтѣ, что я, войдя въ комнату, потерялъ было его изъ виду.

«Но съ чего взялъ онъ, что я какъ будто портретъ съ него? — подумалъ я, и на это мнѣ было довольно одного мгновенія — онъ блѣкуръ, а у меня волосы черные; у него лицо широкое и толстый прямой носъ, а у меня носъ съ горбомъ в лицо овальное.»

Сеня сидѣлъ спиною къ зеркалу, а въ зеркалѣ видѣть былъ я и за мной Уляна Терентьевна, которой блѣлая рука покоилась на моемъ плечѣ. Я взглянулъ и самъ удивился, какой я былъ хорошенькій мальчикъ, въ малиновой курткѣ и въ блѣлыхъ воротничкахъ. Уляна Терентьевна какъ будто оцѣнила меня свѣтомъ красоты своей. Зачѣмъ же онъ говорить, что я портретъ съ него? Правда, въ его лицѣ нѣтъ ничего шеврятнаго; блѣнурые волосы его вьются локонами; на большихъ щекахъ играетъ сильный румянецъ; голубые глаза блестятъ добродушіемъ; а золотистые усы, слегка закрученные кверху, возбудили во мнѣ даже зависть. Но все-таки я не захожъ на него и не хотѣлъ бы быть похожимъ... не хотѣлъ бы ни за что.

Я повторяю, что всѣмъ этимъ мыслямъ и впечатлѣніямъ нужно было немного больше времени, чтобы проникнуть въ мою душу, противъ того, сколько нужно какой нибудь вещи, чтобъ отразиться въ зеркалѣ. Онѣ заняли только маленькій промежутокъ между сравненіемъ Сени и слѣдовавшими за нимъ словами Уляны Терентьевны. А Уляна Терентьевна сказала вотъ что:

— Ты разумѣешь, Сеня, красную куртку, которую ты въ дѣтствѣ носилъ? Да это она и есть.

— Она? какъ это?

— Я принаровила наружный видъ Николаши къ нашему дому. Ты знаешь, каковы обычаи здѣшнихъ сосѣдей — простота нравовъ.

— Вы слишкомъ снисходительны, тетя, сказала Наденька, голосомъ тоже такимъ, какимъ бы, по моему мнѣнію, слѣдовало говорить душѣ Уляны Терентьевны.

— На этотъ разъ, отвѣчала Уляна Терентьевна. — Отецъ Николаши умный и зажиточный человекъ, но сына водитъ въ полосатомъ нашивомъ сюртукѣ.

— Что вы? вскричалъ прегромко Сеня.

— Этого красавчика? спросила въ то же время Наденька.

И оба засмѣялись.

Я вспомнилъ, какъ звенить чугунная сковорода, посредствомъ которой на фабрикѣ въ городѣ собираютъ работниковъ къ обѣду, и какъ бы въ густыхъ ея звукахъ потерялся мелодическій звонъ серебрянаго колокольчика, которымъ щеголиха барыня зоветъ свою горничную. Такъ потерялся серебряный смѣхъ Наденьки въ густомъ хохотѣ Сени. А впрочемъ, въ немъ не было для меня ничего неприятнаго. Я самъ смѣялся и въ то же время любовался въ зеркалѣ смѣхомъ Ульяны Терентьевны.

— Я взяла Николашу подъ свое покровительство, продолжала она (а мои глаза гуляли между тѣмъ по розовымъ пальчикамъ Наденьки; я именно такими ихъ воображалъ; она перелистывала книгу, глядя на свою тетку). — Такая жемчужина не должна потеряться въ сору деревенской жизни.

— Чтѣжь вы, тѣтя, разотрете ее, распустите ее въ кислотѣ и выпьете, какъ Клеопатра, о которой мы сегодня читали? сказала Наденька.

И я съ этой же минуты составилъ о ней мнѣніе, что она большая насмѣшница.

— Нѣтъ, я ее оправлю въ чистѣйшее золото, другъ мой, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— И оправа будетъ дороже жемчужины? быстро проговорила Наденька.

«О, да она въ самомъ дѣлѣ насмѣшница!» подумалъ я, и ожидалъ, что скажетъ на это Ульяна Терентьевна.

— Нѣтъ золота, которое сравнилось бы съ ея блескомъ, душа моя, сказала она, тономъ матери, вступившейся за сына.

Какъ я былъ ей благодаренъ! Но наденькины нападки мнѣ нравились, — не знаю, почему.

— Ахъ, тѣтя, какъ вы еще молоды! воскликнула она какъ шаловливый ребенокъ.

— Мамаша никогда не состарится, я въ этомъ увѣренъ, сказалъ очень серьезно Сеня.

Я посмотрѣлъ на него: неужели онъ такъ рѣзко, такъ грубо шутить надъ Ульяной Терентьевной! но взглядъ его былъ такъ

невиненъ. Дерзкій мальчикъ! я тотчасъ подумалъ: «Неужели Сена глупъ?» Мысли мои не знали узлы, и я ни о чемъ не затрундялся судить втихомолку по своему:

— Да, отвѣчала Ульяна Терептьевна, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и между тѣмъ, какъ одна рука ея лежала на моемъ плечѣ, другая разбѣянно приподнимала на лбу мои волосы и приглаживала ихъ въ сторону. Я слѣбался уже ея любимцемъ, котораго она, по видимому, готова была не отпустить отъ себя: — да, Сена, ты очень хорошо выразилъ свою мысль: душа наша вѣчно молода, и прекрасное въ ней не можетъ перестать быть прекраснымъ.

Я обратилъ глаза на Наденьку, что она на это скажетъ, и отъ меня не укрылось мгновенное выраженіе ея взгляда, брошеннаго на Сеню: въ этомъ взглядѣ было столько смѣху, что еслибъ его переложить въ звуки, то онъ наполнилъ бы всю комнату.

— А я, тѣтя, все-таки удивляюсь, сказала она: — какъ вы еще молоды!

— Ахъ ты, старушка! не дай Богъ постарѣть такъ твоимъ чувствамъ, какъ твоей умъ!

Эти слова были сказаны Ульяною Терептьевною съ ласкою, съ участіемъ и съ легкимъ упрекомъ. Мой слухъ былъ необыкновенно чутокъ къ тончайшимъ нотамъ ея голоса.

— А вы таки молоды, твердила Наденька, играя книгою и выглядывая изъ за нея, какъ изъ за ширми. — Ахъ, какъ вы молоды!

— Да что же ты хочешь этимъ сказать? спросила, разсмѣявшись, Ульяна Терептьевна.

Какъ хорошъ былъ этотъ быстрый глазокъ, выглядывавшій на нее изъ за книжки! Это чувствовалъ, кажется, и Сена: онъ слѣдилъ за всѣми его продѣлками и отъ души смѣялся.

Что, однако же, отвѣчала Наденька? Наденька спряталась за книгу и пропѣла за нею, какъ за кулисами:

Что прелесть, что краса?
Мгновенный цвѣтъ....

Все это казалось мнѣ такъ занимательнымъ, какъ театральное представленіе. А между тѣмъ я понималъ, что дѣло шло

все обо мнѣ. Я какъ будто былъ приведенъ на судъ передъ хорошенькую дѣвушку, и мнѣ было любопытно знать, чѣмъ онъ рѣшится.

— Нѣтъ, Наденька, сказала Ульяна Терентьевна: — я нашла тебѣ брата. Ты посмотри ему въ глаза.

— Да, милый барашекъ! продолжала наемѣшливо Наденька. — Подойди ко мнѣ, хорошенькій кудлашка; сядь подлѣ меня, прелестная мопочка!

— Не обижайся, Николаша, сказала мнѣ Ульяна Терентьевна: — она у насъ шутница по ремеслу. За это мы ее и хлѣбомъ кормимъ.

Но у меня и мысли не было обидѣться. Я полюбилъ Наденьку со всѣми ея проказами, и, еслибъ она вмѣсто *милый, хорошенькій*, прибавила *глупенькій* и т. п., я съ такимъ же удовольствіемъ подошелъ бы къ ней и сѣлъ подлѣ нея на маленькой софѣ, какъ это сдѣлалъ я теперь.

Готфридъ въ это время успѣлъ поставить на столъ полносъ съ чайнымъ приборомъ, а подлѣ стола, на табуретѣ, самоваръ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ добровольно взялъ на себя услуги по чайной части, равно какъ и многія другія въ домѣ. Исполнивъ свою обязанность, онъ сѣлъ на стулъ у самой двери въ передней и, протянувъ голову впередъ, смотрѣлъ на Ульяну Терентьевну, которая присѣла къ столу и занялась чашками.

Я сидѣлъ между нею и Наденькой; голова Сени видна была мнѣ черезъ столъ. Я находилъ, что у него главная, свѣжая, румяная голова, и прощалъ ему громкій, чугунный смѣхъ, когда Наденька называла меня барашкомъ, кудлашкою и мопочкою. Я былъ счастливъ и слѣдовательно великодушенъ.

— Вы хотѣли меня сконфузить, обратился я къ Наденькѣ: — да не удалось. А я такъ васъ сконфужу, если захочу.

— Хорошенько, хорошенько отплати ей; Николаша, сказала Ульяна Терентьевна.

Сенъ тоже понравился дебютъ мой, и онъ сказалъ:

— Если тебѣ удастся это, кудлашка (онъ съ этого времени ужъ иначе не называлъ меня, развѣ еще барашкомъ или мопочкою, хотя я находилъ, что къ нему всѣ эти имена идутъ гораздо больше), — если тебѣ удастся это, то и возьму тебя завтра на охоту.

— Какое счастье видѣть убійство! замѣтила Наденька.

Но я никогда еще не былъ на охотѣ, и обѣщаніе Сени заинтересовало меня.

— Чѣмъ же ты сконфузишь ее? спрашивалъ онъ.

Я взглянулъ вопросительно на Ульяну Терентьевну.

— Смѣло! сказала она, мигнувъ мнѣ слегка бровью.

Я посмотрѣлъ на Наленьку и на Сеню и засмѣялся. Сеня не понималъ ни моего взгляда, ни моего смѣху; но Наденька схватила мою руку и вскричала:

— О, ужасъ! какіе у него ногти на рукахъ! Откуда это такой котенокъ? Сеня, дай мнѣ ножницы. Можно ли хоть минуту терпѣть его съ такими когтями.

Сеня вскочилъ и подалъ ей ножницы. При этомъ онъ наступилъ на хвостъ собакѣ, которая прежалобно завывала.

— *Vive l'adresse!* воскликнула Наденька и засмѣялась почти такимъ очаровательнымъ смѣхомъ, какой я воображалъ при первомъ заочномъ знакомствѣ съ нею.

Она привялась стричь мнѣ ногти, и уже не было помину о моей угрозѣ, да и я самъ позабылъ о ней. Эти прелестные розовые пальчики, о которыхъ я мечталъ, еще не видѣвъ ихъ, держатъ мою руку. Право, дѣти счастливѣе взрослыхъ относительно дѣлъ съ женщинами: съ ними все фамиллярно, къ нимъ довѣрчивы; имъ всюду пропускъ. Только они по большей части бываютъ погружены въ свой желудокъ и ничего путнаго не чувствуютъ. Я былъ не таковъ, и очень благодаренъ за то природѣ.

— Чему васъ учать въ училищѣ? спросила Наденька, наклонясь ко мнѣ такъ близко, что душистые локоны ея почти касались моей щеки.

● Я исчислилъ ей все предметы, начавъ съ ариѳметики, которую, по трудности, я считалъ главною наукою, и кончивъ чистописаніемъ.

— А стиховъ у васъ не учать?

— То есть въ классѣ? въ классѣ не учать.

— А гдѣ же?

— Дома: ученики сами переписываютъ одинъ у другого стихи.

Дѣйствительно, мы переписывали, по собственному побужденію, цѣлыя поэмы Пушкина и Жуковского и знали наизусть множество стиховъ.

— А скажи мнѣ какіе нибудь.

Я помню, что я выбралъ «Эолову Арфу» Жуковского. Это стихотвореніе случилось мнѣ слышать въ высшемъ классѣ гимназій, которая помѣщалась въ одномъ домѣ съ училищемъ. До сихъ поръ мнѣ живо представляется ученикъ, декламировавшій его. Онъ былъ хорошъ собою и читалъ тѣмъ гибкимъ басомъ, который составляетъ переходъ отъ дѣтскаго голоса къ мужескому. «Эолова Арфа» сдѣлала на меня такое сильное впечатлѣніе музыкальностью неслыханнаго мною дотошъ размѣра, что я возвратился въ свой классъ весь взволнованный; мною овладѣло невыразимое томленіе, и до тѣхъ поръ я не могъ успокоиться, пока не досталъ хрестоматіи, въ которой была напечатана эта баллада, и не выучилъ ея наизусть.

И вотъ я принимаю самый величавый, приличный вдохновенному барду видъ и, окинувъ оживленнымъ взглядомъ собраніе — при чемъ я взглянулъ и на Готфрида, какъ будто говоря: «Смотри и ты на меня, Готфридъ, и слушай, какъ я буду декламировать» — я началъ:

«Владыка Морзены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Орталъ.
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатая замокъ съ холма возвышалъ.
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по значнымъ окрестнымъ холмамъ», и т. д.

Никогда еще я не имѣлъ такихъ достойныхъ и милыхъ слушателей и никогда такъ хорошо не декламировалъ: присутствие Ульяны Терентьевны и Наденьки вдохновляло меня. Я внимательно наблюдалъ, какое впечатлѣніе производитъ моя баллада на публику, и когда описывалъ пиры Ордала и «рогатыхъ оленей», которыхъ онъ «съ отважными псами гонялъ по холмамъ», то обращался къ Сенѣ, положившему свой подбородокъ на столъ; когда рассказывалъ, какъ «чертоги пировъ» ордаловыхъ убраны были оленьими рогами, шлемами, кольчугами и шитами

предковъ , то обводилъ глазами стѣны , на которыхъ кромѣ советки, вышитой Наденькою, и большого зеркала ничего не было; когда рисовалъ «младую Минвану», то смотрѣлъ на Наденьку, какъ будто лица въ ней красокъ для своей поэзи; а когда дѣло дошло до несчастной любви и до ожиданій за гробомъ , тутъ глаза мои обратились къ Ульянѣ Терентьевнѣ : она , казалось мнѣ, лучше всѣхъ пойметъ эти возвышенныя строфы; наконецъ печальную развязку трогательной исторіи :

«И мчить ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго цѣвца»

я подарилъ Готфриду, какъ человѣку, живущему вдали отъ своей родины, на чужбинѣ. Потомъ понизивъ таинственно голосъ и глядя вверхъ, какъ будто вижу что-то въ воздухѣ, я изобразилъ двѣ легкія тѣни, которыя

«Сліявшись летать,
Къ знакомой имъ сѣни,
И дубъ шевелится, и струны звучать.»

Я уже видѣлъ и прежде, что мои стихи и моя декламация были неожиданностью для самой Ульяны Терентьевны. Когда я кончилъ, она обняла мою голову и, прижавъ къ груди, крѣпко поцаловала, за что и я очень чувствительно облобызалъ ея бѣлую какъ мраморъ руку, и едва это сдѣлалъ, какъ увидѣлъ, что двѣ розовыя, прехорошенькія ручки схватили меня за уши, повернули мою голову какъ суповую чашку, и передъ моими глазами изъ двухъ верхкаха очутились глаза Наденьки, — быстрые, глубокіе, прозрачные какъ родникъ глаза. Она смотрѣла на меня съ секунду и съ словами : «ахъ, милый барашекъ!» поцаловала меня отъ всей души. Счастливое дѣтство! какъ я блаженъ былъ, какъ тихо блаженъ отъ этого поцалуя!

Сеня тоже хотѣлъ что-то сдѣлать, видя, какъ меня цалуютъ; но въ это время Готфридъ подошелъ къ столу; на глазахъ у него блесгли слезы. Стихами ли моими онъ былъ тронутъ, или ласками, которыя мнѣ оказывали, не знаю; только лицо его выражало такое умиленіе, какое когда либо было описано въ романахъ добродушнаго Лафонтена; онъ протянулъ ко мнѣ дрожащую руку и сказалъ :

— Негг Николаша! bravo! bravo, Негг Николаша!

Я думалъ, что онъ хочетъ поцаловать мою руку, и потому взялъ его черезъ столъ за воротникъ куртки и поцаловалъ, čímъ онъ остался очень доволенъ и удалился на свое мѣсто; откуда по прежнему принялся смотрѣть на Ульяну Терентьевну.

— Ай да кудлашка! восклицалъ Сеня, помѣстясь противъ меня на стулѣ и мѣшая въ стаканѣ чай. — Право, мамаша, у васъ чутье на людей отличное. Готфрида приняли подъ свое покровительство — глазъ не сводить съ васъ, какъ съ меня моя собака. Ты, Готфридъ, эгимъ не обижайся: собака есть образецъ вѣрности. Это, я думаю, и въ твоёмъ Шиллерѣ написано. Теперь вотъ подцѣпили гдѣ-то другое чудо....

— Какъ можно, чтобъ въ такой книгѣ написано было о собакахъ? сказалъ я, перебивая болтовню Сени.

— Въ какой? сказалъ онъ.

— Да въ Шиллерѣ, отвѣчалъ я спокойно.

Всѣ засмѣялись.

— Конечно, сказалъ я; — у нѣмцевъ книги нѣмецкiя; но все же....

Еще большій смѣхъ. Даже Готфридъ качался на своемъ стулѣ.

— Шиллеръ, душа моя, поэтъ такой, какъ твой Жуковскiй, сказала Ульяна Терентьевна.

— Даже лучше, прибавила Наденька.

— Въ самомъ дѣлѣ? лучше Жуковского?

— Да, Николаша. Ты далеко ушелъ въ нѣмецкомъ языкѣ?

— Двадцать листковъ умѣю переводить, отвѣчалъ я.

— Ну, этого довольно. Мы съ Готфридомъ выучимъ тебя понимать одну пьеску Шиллера. Увидишь тогда, каковъ онъ.

— Я готовъ сiю минуту учиться! сказалъ я, посмотрѣвъ на Наденьку, на Ульяну Терентьевну и на Готфрида.

— Нѣтъ, пей лучше чай, сказала, ставя передо мной чашку, Ульяна Терентьевна.

И точно, я увидѣлъ, что это гораздо лучше. Я порядочно проголодался, и чай со сливками и съ прекраснымъ бѣлымъ хлѣбомъ увлекъ меня не меньше, какъ и «Элова Арфа».

Но я не предчувствовалъ, какое еще готовится мнѣ наслаждение въ этомъ волшебномъ замкѣ. Послѣ чаю, Наденька присѣла къ фортепяно и, желая видно отблагодарить меня за стихи,

начала играть и пѣть тоже какую-то балладу: Миѣ случалось слышать въ домахъ у сосѣдей бречавье на какихъ-то цымбалахъ вмѣсто фортепьяно и пѣвнѣ въ родѣ

«Приди ко мнѣ въ чертогъ золотой»;

но полный, чистый звукъ музыкальнаго инструмента еще не касался моего слуха. Къ этому прибавьте обработанный, гибкій, одушевленный чувствомъ голосъ и тогда судите, какое долженъ былъ испытать впечатлѣннѣе мальчикъ, который приходилъ въ волненіе отъ баллады Жуковскаго. Я онѣмѣлъ, я окаменѣлъ: вотомъ я началъ плакать, и что только когда либо запало въ мою душу нѣжнаго, трогательнаго, возвышеннаго, все это въ ней оживало и заговорило. Я плакалъ, припоминая голосъ моей матери, который болѣе не отзовется ко мнѣ изъ темной могилы; я плакалъ, припоминая пѣсни соловья, который каждую весну пѣлъ у меня подъ окномъ, пока я не былъ отправленъ въ училище; я плакалъ о Яковѣ Яковлевичѣ, угаснувшемъ, можно сказать, при первомъ звукѣ любви, въ первый мигъ увѣрованія, что его любятъ; я плакалъ отъ восторга, думая объ Ульянѣ Терентьевнѣ и объ ея чудной поэтической любви ко мнѣ; я плакалъ наконецъ самъ не зная отчего. Замѣтивъ это, Наденька перестала играть и пѣть; но я бросился передъ ней на колѣни и съ такимъ жаромъ умолялъ ее продолжать, какъ будто съ прекращеніемъ музыки должна была прекратиться и жизнь моя. И сколько разъ она ни переставала играть и пѣть, я умолялъ ее снова и снова. Ульяна Терентьевна наконецъ испугалась раздраженія моихъ чувствъ и почти насильно увела меня, плачущаго, спать.

VI.

НА СВѢТЛОМЪ ГОРИЗОНТѢ ПОКАЗЫВАЕТСЯ ТУЧА.

Постель для меня была приготовлена въ залѣ, на кушеткѣ, которая какъ будто была сдѣлана по моему росту. Ульяна Терентьевна велѣла мнѣ тотчасъ раздѣваться и спать; потомъ еще разъ прижала къ груди мою голову, нѣжно поцаловала меня, и назавтра мнѣ не надо было погасить свѣчу и удалиться, приятно шелестя платьемъ в слеска скривя башмаками.

Я остался одинъ подъ надзоромъ сѣдого генерала, который видѣвъ былъ мнѣ и сквозь слезы. Взглянувъ на него раза два, я подумалъ, что глупо плакать въ присутствіи такого важнаго человѣка, и отеръ слезы. Потомъ я взялъ свѣчу и обошелъ всю комнату, разсматривая картины. Всего дольше я простоялъ передъ изображеніемъ молодой женщины, сидѣвшей въ точеныхъ креслахъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Она и ея малютка смотрѣли на меня такъ ласково, съ такою любовью, что я отъ души пожелалъ имъ сойти съ полотна и явиться мнѣ настоящими людьми. Тутъ было также два пейзажа: одинъ представлялъ заходящее солнце въ лѣсу и двоихъ путешественниковъ, которые спѣшили добраться, на усталыхъ лошадяхъ, до ночлега. Мнѣ было страшно за нихъ, потому что небо было покрыто багровыми густыми облаками, обѣщавшими къ ночи сильную грозу. Другой изображалъ сельскій видъ и пляску поселянокъ, подъ скрипку слѣпотаго старичка. Я подумалъ, что эта сцена, вѣрно, написана со стиховъ Державина:

«Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тѣсскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки російски
Подъ свирѣлью пастушка?»

Я внимательно разсматривалъ пейзажъ, отыскивая въ немъ черты державинскаго стихотворенія, и хоть, можетъ быть, художникъ больше былъ занятъ воздушною перспективою, нежели веселою группою, но воображеніе мое видѣло, какъ эти дѣвушки движутся, точно живыя, на картинѣ, —

«Какъ, склонясь главами, ходять,
Башмачками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ, —
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди иѣжныя дышать», и пр. и пр.

Не знаю, скоро ли я кончилъ бы обзоръ картинъ, еслибъ въ подошелъ опять къ генералу. Онъ, казалось, смотрѣлъ на меня теперь суровѣе прежившаго и такъ живо, что я невольно поду-

малъ: «Что, если онъ вдругъ на меня прикрикнетъ? какъ я испугаюсь!» Я зналъ, что это невозможно, но тутъ же самъ себѣ говорилъ мысленно: «однакожь!», и, отступя задомъ отъ картины, я поскорѣй раздѣлся, прочиталъ коротенькую молитву наизусть (потому что часослова со мною не было), погасилъ свѣчу и, не осмѣлясь взглянуть на портреты при луиномъ свѣтѣ, легъ поскорѣе въ постель.

Кушетка была на пружинахъ; я сперва испугался, когда подо мной что-то начало двигаться, какъ живое; но, приподнявшись и ошупавъ рукою свое ложе, я подумалъ, что это видно такой пѣмецкій пухъ, и успокоился.

Теперь овладѣла мною новая тревога. Я думалъ: что, если все это сонъ? Вѣдь случалось же мнѣ во снѣ ловить чудесныхъ сингирей, которые свистятъ какъ свирѣль. Я запиралъ ихъ въ клѣтку, насыпалъ коноплянаго сѣмени, видѣлъ, какъ они клюютъ, слушалъ ихъ восхитительный свистъ — и вдругъ просыпался. Что, если встрѣча наша съ Ульяной Терентьевной, этотъ пѣмецъ съ бѣлокурыми длинными волосами, золотящимися въ лучахъ мѣсяца, эти картины, эта Наденька съ ея пѣснями и музыкой, малиновая куртка и всѣ чудеса, какія видѣлъ я въ этотъ вечеръ, — что, если все это сонъ? Можетъ быть, мы преспокойно ѣдемъ въ своей бричкѣ по полю, я уснулъ подъ звяканье желѣза; можетъ быть, въ эту же секунду раздастся подъ моимъ ухомъ голосъ батюшки: «Пріѣхали!» и все исчезнетъ. Я щипалъ себя за ногу, чтобъ удостовѣриться въ своемъ бодрствованіи, — удостовѣрялся, потомъ опять думалъ, что, можетъ быть, я и щипаю себя во снѣ; наконецъ въ самомъ дѣлѣ уснулъ.

Долго я спалъ или коротко, не знаю, только меня вдругъ разбудилъ голосъ Наденьки. Я очень ясно слышалъ, какъ она вскрикнула у меня за стѣною. Вслѣдъ за тѣмъ хлопнула дверь, щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и все опять утихло.

Я былъ сильно этимъ встревоженъ. Въ голосѣ Наденьки не было и тѣни веселости, которая оживляла каждое ея слово. Напротивъ, въ немъ выражалось страшное негодованіе, къ какому я не считалъ ее даже способною. Что это значить? спрашивалъ я самъ себя мысленно и, разумѣется, не отвѣчалъ ничего. Я подумалъ, не пора ли вставать, но мѣсяцъ свѣтилъ на меня прямо въ окно; я чувствовалъ, что была еще глубокая ночь,

закрывъ глаза, чтобъ не видѣть портретовъ, и скоро опять уснулъ.

Мнѣ пригрезился страшный сонъ: будто бы Сеня сошелъ съ ума и хочетъ потопить лодку, въ которой онъ каталъ по рѣкѣ Наденьку. Увидѣвъ это съ берега, я бросаюсь въ воду и — просыпаюсь. Яркій утренній свѣтъ наполнялъ уже комнату. Женщина съ ребенкомъ кротко мнѣ улыбулась изъ золоченыхъ рамъ своихъ; самъ генералъ, казалось, былъ доволенъ, что такая прекрасная погода; «дѣвушки руссійски» плясали бычка вдвое веселѣе вчерашняго, и я уже нисколько не беспокоился насчетъ двоихъ путешественниковъ, застигнутыхъ въ лѣсу ночью.

Едва я одѣлся въ половину, какъ послышался легкій стукъ въ дверь и явился ко мнѣ серебряный умывальникъ. Онъ такъ сверкалъ, отражая прямо падавшіе на него лучи утренняго солнца, что за искрами свѣта, разсыпавшагося вокругъ него, я почти не видалъ горничной: онъ двигался ко мнѣ какъ будто по щучьему велѣнью. Умываюсь, разумѣется, какъ тутъ и Негг Готфридъ просунулъ въ дверь сперва свою шиллеровскую, добродушно улыбающуюся физиономію, потомъ синюю куртку и наконецъ чулки и башмаки съ большими мѣдными пряжками. Мнѣ слѣдовало молиться Богу, но — странно! — при нѣмцѣ я считалъ это неудобнымъ. Съ другой стороны меня стѣсняло присутствіе генерала, который, казалось, никакъ не вѣрилъ, чтобъ я былъ путный мальчикъ, и подозрительно слѣдилъ за всѣми моими движеніями. Кромѣ того у меня не выходилъ изъ головы ночной крикъ Наденьки. Я произнесъ молитву мысленно, застегивая пуговицы въ курткѣ и стараясь какъ можно меньше быть разсѣяннымъ, и такимъ образомъ успокоилъ свою совѣсть.

— Негг Готфридъ, спросилъ я потомъ: — въ которой комнатѣ вы спите?

— Я сплю въ саду, отвѣчалъ онъ: — у меня тамъ чудесная спальня. Я вамъ покажу ее, Негг Николаша, какъ пойдете въ садъ.

Но мнѣ не было нужды до его спальни: я хотѣлъ только знать, не слыхалъ ли онъ ночью крику и не случилось ли какого цибудь несчастія въ домѣ.

— Здоровы ли дамы? спросилъ я.

— О, ја! отвѣчалъ онъ. — *Gnädige Frau* воротилась уже давно съ прогулки и ждетъ васъ съ чаемъ. Дайте, я вамъ поправлю воротнички.

Я поспѣшилъ въ «семейную комнату» — такъ она называлась — гдѣ я провелъ вчерашній вечеръ, и мимоходомъ увидѣлъ на столѣ развернутаго Шиллера. Я съ любопытствомъ взглянулъ въ него, что онъ мнѣ скажетъ, но онъ смотрѣлъ такимъ же черствымъ сухаремъ, какъ и нѣмецкая хрестоматія, надъ которою мы бились съ своимъ студентомъ. *Wozu, zugück, heraus* прыснули мнѣ въ глаза какъ осколки изъ подъ молота каменотеса, и я ничего больше не видѣлъ.

Готфридъ между тѣмъ отворилъ дверь. Сени въ семейной комнатѣ не было: онъ ушелъ съ своими собаками на охоту. Ульяна Терентьевна и Наденька приняли меня съ восхитительными ласками и посадили на софѣ между собою. Наденька преобильно тербила меня за уши и щипала за щеки, такъ что уши и щоки мои разгорѣлись, какъ жаръ; но я не сердился на нее. Я желалъ бы быть мячикомъ въ ея рукахъ и былъ бы очень счастливъ, падая къ ней съ воздуха.

— Ты вчера былъ такъ разстроены своимъ плачемъ, сказала Ульяна Терентьевна: — что тебѣ нуженъ былъ больше сонъ, чѣмъ ужинъ. Вотъ твоя порція жаркаго. Не иѣшай ему, Наденька, ѣсть.

— Наденька, сказалъ я, называя ее какъ сестру: до такой степени я чувствовалъ себя своимъ въ этомъ семействѣ: — что съ вами случилось сегодня ночью?

Я былъ углубленъ въ жаркое, но посмотрѣлъ на нее наискось однимъ глазомъ и замѣтилъ, что она слегка покраснѣла.

— Что случилось? отвѣчала она веселымъ голосомъ. — То же, что и съ тобой, я думаю: спала всю ночь до самого разсвѣта.

— Мнѣ показалось, что вы вскрикнули, сказалъ я и опять посмотрѣлъ на нее такъ, чтобъ она не замѣтила.

Она покраснѣла больше прежняго, но въ голосѣ ея не замѣтно было никакого смущенія.

— Это видно тебѣ приснилась «младая Миввана», сказала она, смѣясь.

Я былъ очень любопытенъ и желалъ бы знать, что именно заставило Наденьку вскрикнуть; но я чувствовалъ, что мнѣ

не слѣдуетъ продолжать своихъ распросы, и засмѣлся сайъ въ отвѣтъ на смѣхъ Наденьки. Почему не слѣдуетъ, этого я не сумѣлъ бы объяснить, — довольно того, что я чувствовалъ.

Такъ это дѣло и кончилось; но часто послѣ того я доискивался причины ночной тревоги и дѣлалъ всѣ-возможныя догадки, кромѣ той, которая сама собой пришла мнѣ въ голову впоследствии.

Я также спрашивалъ себя часто послѣ: отчего Ульяна Терентьевна не сказала ни слова во время моего допроса, и отчего я не рѣшился взглянуть въ то время на нее? Она наливала тогда мнѣ чай сквозь ситечко. Я замѣтилъ, что чай лился самою тонкою струею, и догадывался, что она смотрѣла черезъ меня на Наденьку. Я не рѣшился, однакожь, перехватить ея взгляда и вперилъ все свое вниманіе въ жаркое. Жаркое было очень вкусно. Мнѣ попало на зубъ зерно дробы, и я вспомнилъ объ «отличномъ стрѣлкѣ». Тутъ мнѣ пришло на мысль, что я полумалъ, когда увидѣлъ его вчера вечеромъ, на низенькомъ табуретѣ, у ногъ Наденьки, и на этотъ разъ я повелъ рѣчь, нисколько не стѣсняясь.

— Наденька, сказалъ я: — вчера вы, кажется, проводили очень пріятно время съ Сенею, до нашего пріѣзда.

— Отчего жъ это тебѣ кажется? спросила она.

— Я тотчасъ это увидѣлъ, какъ только взглянулъ на васъ обоихъ. Хотите, я скажу, о чемъ вы говорили?

— Хочу, скажи.

— Вотъ о чемъ. Вѣдь вы Сенею давно любите?

Наденька засмѣялась.

— Что за глупый мальчикъ, тѣтя! сказала она. — Какъ ему приходится этакое въ голову?

— А вѣдь правда? спросилъ я.

— Ну, положимъ. Что же потомъ?

— И онъ васъ любить, не такъ ли?

— О, это совершенная истина! Онъ любитъ меня такъ, какъ ты эту куропатку, даже больше.

— Наденька, сказала Ульяна Терентьевна: — грѣхъ тебѣ шутить надъ такимъ чувствомъ.

— Я не шучу, тѣтя, отвѣчала Наденька. — Но, Боже мой! что это за странный завелся у насъ въ домъ мальчикъ? Тѣтя, не правда ли, что онъ просто чудакъ?... Ну, говори далѣе.

— Далѣ вотъ что, продолжалъ я. — Вы напрасно сравниваете себя съ куропаткой: вы знаете, что онъ васъ любитъ больше, чѣмъ я самыя лучшія конфеты.

— О, разумѣется! сказала Наденька. — Но продолжай: я готова слушать твою болтовню.

— И вы его любите. Любите?

— Да, — пробовала по крайней мѣрѣ.

— Что же?

— Не въ состояніи!

— Наденька, сказала опять Ульяна Терентьевна, тономъ упрека: — я знаю, что ты шутишь, но мнѣ, право, больно слышать отъ тебя такія слова и въ шутку.

— Вы хотите, тетя, чтобъ я шутила, отвѣчала съ живостью Наденька. — Хорошо, я шучу. Все, что мы будемъ говорить, пускай будетъ шутка. Вѣдь и вся жизнь наша — шутка, по словамъ Шекспира.

— А кто такой этотъ Шекспиръ? спросилъ я.

— Это нашъ пріятель. Я когда нибудь познакомлю тебя съ нимъ, когда ты будешь того стоить.

— Старикъ?

— Да, ему ужь лѣтъ двѣсти будетъ.

— Двѣсти?

— Навѣрное.

Я засмѣялся, и Наденька засмѣялась. Я взглянулъ на Ульяну Терентьевну, и она улыбается; взглянулъ на нѣмца, который сидѣлъ по вчерашнему на своемъ стулѣ, протянувъ къ намъ голову и глядя на Ульяну Терентьевну, — улыбается и нѣмецъ. Миѣ было весело.

— Итакъ? сказала вопросительно Наденька.

— Итакъ, вы вчера, сидя здѣсь, говорили о томъ, какъ вы другъ друга любите, и были очень счастливы.

— Ахъ, Николаша, какой ты глухой мальчикъ! воскликнула она, смѣясь. — Тетя, ну, не страшный ли мальчикъ? А вѣдь правда. Сеня вчера разочувствовался, какъ будто путный. Мы припомнили наше дѣтство, какъ онъ, бывало, пріѣзжаетъ изъ пансіона домой и съ какимъ наслажденіемъ проводитъ между нами нѣсколько дней. Но это, я думаю, оттого, что monsieur Вичезъ былъ очень скупъ и не давалъ ему никогда до-сыта ѣсть.

— Полно, Наденька, сказала Ульяна Терентьевна, подавая ей чашку. — Ты очень хорошо знаешь, что его радовало. У него от природы самое нежное сердце.

— А умъ еще нежнее, шепнула мнѣ Наденька.

— Я помню, продолжала Ульяна Терентьевна: — какъ было блестять его глазенки, когда онъ тебя увидитъ....

Наденька опять шепнула:

— Онъ зналъ, что у меня для него есть пирожное.

— Онъ и тогда уже любилъ тебя, Наденька.

— Его любовь неизмѣнна, какъ аппетитъ, продолжала шептать проказница.

— Ахъ, да, тетенька! сказала она съ чувствомъ: — было время, что и я его любила.

— Было!

— Но крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось, и я была очень счастлива обманомъ своихъ чувствъ.

— Отчего же обманомъ?

— Даже вчера, тѣтя.... пускай слышитъ глупенькій мальчикъ: я не хочу передъ нимъ таиться.... даже вчера мнѣ представилась въ чудномъ свѣтѣ наша будущность. Сеня такъ нежно смотрѣлъ на меня, съ такимъ чувствомъ пожималъ мнѣ руку, съ такой душой говорилъ о васъ....

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ называлъ васъ своею благодѣтельницею, своимъ добрымъ гениемъ; онъ былъ весь проникнутъ благодарностью къ вамъ за меня.

— Да, у него чудное, несравненное сердце! сказала съ восхищеніемъ Ульяна Терентьевна.

Готфридъ, казалось, былъ того же мнѣнія.

— Онъ, тѣтя, возвысился даже до поэзіи въ выраженіи своихъ чувствъ. Онъ говорилъ, что вы сдѣлались ему понятны только чрезъ меня, что вы вложили въ меня все, что было у васъ лучшаго въ душѣ.

— Да, я знала, что онъ меня обвинитъ, сказала Ульяна Терентьевна. — Безъ меня онъ былъ бы жалкое, заброшенное существо. Понимаютъ ли опекуны, то есть тѣ, которые у него были бы опекунами, когда бъ не я, — какъ отогрѣть ребенка,

какъ приготовить его къ жизни, какъ обезпечить его на будущее? Даже отецъ его только мѣшалъ моему на него вліянію. И очень рада, я счастлива, что хоть одному существу замѣнила мать.

— Одному, тѣтя? сказала Наденька.

— Да, потому что только онъ мое созданіе; а тебя воспитывали твои мамаша. И только смотрѣла и училась у нея, какъ воспитываются дѣти.

Я вслушивался съ напряженнымъ вниманіемъ въ этотъ разговоръ. Взаимныя отношенія Сени, Наденьки и Ульяны Терентьевны были теперь мовми семейными дѣлами.

— Такъ вотъ какъ это было? сказалъ я, обращаясь къ Наденькѣ. — Какъ бы я желалъ быть вашимъ братомъ и учиться вмѣстѣ съ вами! Гдѣ же теперь ваша маменька?

Наденька указала на небо.

— И моя тамъ, сказалъ я. — Вѣрно, онѣ сошлись и подружжились между собой.

— Отчего ты такъ думаешь? спросила она.

— Я совершенно увѣренъ, отвѣчалъ я: — что онѣ должны такъ полюбить другъ друга на небѣ, какъ мы на землѣ. Вы думаете, я такъ, случайно очутился подлѣ васъ? Эго онѣ такъ устроили.

— Николаша! сказала Наденька, съ живостью:—ты глупый мальчикъ, но говоришь иногда прекрасныя вещи!

— И подлѣ васъ, Ульяна Терентьевна, прибавилъ я, цалуя ея руку, при чемъ не могъ не подивиться, какъ была она бѣла и прелестна!

— И подлѣ васъ, Негг Готфридъ, сказалъ я, чтобъ порадовать добраго нѣнца.

Дѣйствительно, я полюбилъ его уже за то, что онъ такъ привязанъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Готфридъ былъ въ восхищенія и кивалъ мнѣ головою, какъ гипсовая кукла. Ульяна Терентьевна молча пожала мнѣ руку.

Я очень былъ доволенъ, что въ эту минуту не было на лицѣ Сени: мнѣ было бы неловко обойти его выраженіемъ своего удовольствія, а между тѣмъ онъ не внушалъ мнѣ никакой симпатіи. Я, впрочемъ, не чувствовалъ къ нему и отвращенія. Онъ былъ для меня какъ бы пробѣломъ въ книгѣ.

Наденька опять взяла нить разговора :

— Онъ ваше созданіе, тѣтя? Нѣтъ, не говорите этого. Изъ рукъ такой артистки не выходятъ такія слабыя произведенія.

— Ты меня пугаешь, Наденька, сказала Ульяна Терентьевна. — Неужели ничтожное обстоятельство, ребячество, минутная забывчивость могли вдругъ измѣнить твои понятія и чувства?

Я не понималъ, что разумѣеть подъ этимъ Ульяна Терентьевна; и Готфридъ тоже, — если судить по его высоко поднятымъ бровямъ и сморщенному лбу.

— Ничтожное, тѣтя? отвѣчала Наденька. — Нѣтъ, оно показало мнѣ всю бездну, въ которую я готова была погрузиться. Мнѣ съ неба посланъ чистый ангелъ, который озарилъ меня своимъ свѣтомъ.

Я не зналъ, о какомъ это ангелѣ говоритъ она, но отложилъ распросы до удобнѣйшаго времени, потому что руки Ульяны Терентьевны дрожали отъ внутренняго волненія. Я ждалъ, что она скажетъ.

— Наденька, сказала она: — ты еще находишься подъ вліяніемъ временнаго оскорбленія и потому не можешь судить о всегдашнихъ, постоянныхъ твоихъ чувствахъ. Обождемъ немного: время покажетъ тебѣ твое заблужденіе.

— То, что я говорю теперь, отвѣчала Наденька: — прошло уже не разъ сквозь мою душу, только никогда не представлялось мнѣ въ такой ясности, какъ сегодня. Еслибъ онъ хоть не былъ такъ чувствителенъ и вѣженъ вчера!... Въ немъ, тѣтя, нѣтъ и искры небснаго огня: въ немъ одно грубое земное....

— Боже мой, Наденька! сказала Ульяна Терентьевна: — я слушаю тебя съ ужасомъ! Какъ! въ ту минуту, когда должно было осуществиться мое лучшее ожиданіе, ты все готова разрушить?

— Я благодарю Бога за себя и за васъ, отвѣчала Наденька. — Вы хотѣли устроить наше счастье противъ перваго его условія — противъ гармоніи душъ.

— Ты не можешь этого сказать, чтобъ его душа не гармонировала съ твоею. Твоя, пожалуй, выше настроена; но гордость неприлична нравственной высотѣ: ты могла бы....

— Да у него, тѣтя, нѣтъ никакой души! воскликнула съ жаромъ Наденька, и это — надо признаться — не возвысило ее въ моихъ глазахъ.

Я бы никогда не позволялъ себѣ такого выраженія о воспитанникѣ и любимцѣ Ульяны Терентьевны.

— Стыдись, мой другъ, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— Я готова такъ думать, тѣтя, продолжала Наденька, немного покраснѣвъ: — потому что имъ управляетъ не душа. Если она и есть у него, то спитъ непробуднымъ сномъ....

— Разбуди ее.

— Разбудить ее развѣ труба архангела, тѣтя. Если не могли ничего сдѣлать вы, воспитательница, съ ребенкомъ, то что сдѣлаетъ жена съ совершеннолѣтнимъ? Вы взваливаете мнѣ на плечи бремя выше силъ моихъ.

— Нѣтъ, другъ мой, сказала Ульяна Терентьевна, съ такою протостью, которой я даже не ожидалъ отъ нея въ эту минуту: — сохрани меня Богъ отъ этого. Я могу только указывать, совѣтовать, радоваться и горевать. Твое счастье для меня такъ же дорого, какъ и его. Я думала, что ты оцѣнишь въ немъ высокую честность, безкорыстіе, великодушіе, нѣжное сердце. Всѣ эти свойства очень рѣдки на свѣтѣ — повѣрь моей опытности — и, пускаясь въ жизнь, хорошо обезопасить себя дружбою такого человѣка.

— Онъ, тѣтя, меня не любитъ, сказала печально Наденька.

— Онъ?

— Да, онъ меня не любитъ: теперь я вижу очень ясно. Онъ не любитъ и не можетъ любить такой женщины, какъ я. Но положимъ, что онъ былъ бы привязанъ ко мнѣ такъ, какъ только можно ожидать отъ его натуры — тѣтя, не оскорбляйтесь этимъ: онъ созданъ, какъ хотите, изъ грубаго матеріала. Положимъ, говорю: да какова будетъ моя жизнь съ человѣкомъ, для котораго я совсѣмъ не то, чѣмъ бы желала быть?

Ульяна Терентьевна молчала.

— Наденька, сказалъ я: — отчего жь это вы вдругъ перемѣнили свои мысли? И вчера видѣлъ васъ совсѣмъ вною.

— И тебѣ до этого дѣло! отвѣчала она. — Право, ты бѣзтолковый мальчишка!

— Пускай, но отчего, однашени?

— А какъ ты думаешь? Оттого, что тебя увидѣла. Теперь я влюблена въ тебя. Довольно съ тебя этого?

— Я въ восхищеніи, только вы старше меня и не можете выйти за меня замужъ, а за Сеню могли бы.

— Замужъ, замужъ! повторила Наденька, передразнивая меня. — И ты ленечешь, что другіе; суешься не въ свое дѣло.

— Хорошо, сказалъ я: — вы меня любите — я согласенъ — а за Сеню все-таки подите замужъ, чтобъ утѣшить Ульяну Терентьевну.

— Нѣтъ, будь ужъ такъ великодушень, позволь мнѣ совѣтъ не выходить замужъ, пока ты выростешь. Мы тогда разомъ утѣшимъ тѣтю.

Я подумалъ немного и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Наденька, я не могу на васъ жениться: сердце мое принадлежитъ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Эту фразу я почерпнулъ въ одномъ старинномъ романѣ, который мнѣ удалось прочитать.

Объ засмѣялись и обняли меня; но въ лицѣ Ульяны Терентьевны было грустное выраженіе. Она страдала за своего Сеню, и мнѣ было жаль ее. Тутъ я вспомнилъ о музыкѣ и попросилъ Наденьку повторить вчерашнее пѣніе.

— Нѣтъ, я не люблю плаксъ, отвѣчала она.

— Напрасно вы думаете, что я вчера плакалъ отъ вашей музыки, возразилъ я, ея тономъ.

— А отчего же?

— Догадайтесь сами. А вотъ Ульяна Терентьевна, я знаю, что догадается.

При этомъ я поцаловалъ ея руку, которая нѣжно пожала мои пальцы. Я былъ увѣренъ, что Ульяна Терентьевна знала, отчего я плакалъ.

— Ахъ ты, цыпленокъ! сказала Наденька: — какъ онъ важничаетъ! какъ будто у него въ самомъ дѣлѣ есть еще какое нибудь чувство, кромѣ слуха. Не буду жь играть.

— Я скажу тебѣ, Наденька, когда сѣсть за фортепяно, сказала Ульяна Терентьевна. — Твоя музыка будетъ намъ скоро нужна, а теперь я не расположена къ ней.

— Что же мы будемъ дѣлать? сказалъ я. — Покажите мнѣ домъ. Какія тамъ у васъ еще комнаты?

На это согласіе было изъяснено тотчасъ.

Мы предоставили чайный приборъ Готфриду и пошли по комнатамъ. Ихъ было немного. За семейною комнатою слѣдовала спальня Ульяны Терентьевны, за нею спальня Наденьки, далѣе гостиная, выходящая въ залу, а потомъ комната Сени, увѣшанная ружьями, патронташами и литографіями лошадей. Она мнѣ понравилась больше обѣихъ дамскихъ спаленъ, несмотря на то, что тамъ плющъ, раскинутый на рѣшоткѣ передъ кроватями и бросавшій на бѣлыя одѣяла прозрачную тѣнь, привелъ меня въ восхищеніе. Особенно мнѣ понравилось то, что передъ кроватью Сени, вмѣсто ковра, раскинута была барсова шкура. Въ эту минуту онъ мнѣ представлялся очень мужественнымъ и воинственнымъ человѣкомъ, какимъ я воображалъ въ будущемъ себя.

Я далъ себѣ слово устроить у себя такой точно кабинетъ, когда вырасту и заслужу офицерскій чинъ. Но мнѣ было грустно смотрѣть на убранство кабинета Сени. Я перенесся воображеніемъ въ то время, когда у него будетъ жена, и мнѣ казалось, что она должна для него сдѣлаться когда нибудь тягостнымъ существомъ, и мнѣ самому сдѣлалось грустно отъ перемѣны наденькиныхъ чувствъ.

VII.

ЗА МЕНЯ ПРИНИМАЮТСЯ НЕ ШУТА.

Разсказъ мой сложился такъ, что сдѣлался похожъ на начало повѣсти. Я боюсь, чтобъ читатель не позабылъ, что я общалъ ему, и не сталъ ожидать отъ меня развитія завязки на общемъ основаніи повѣстей и романовъ. Спѣшу предупредить его, что весь интересъ этого сочиненія сосредоточивается для меня въ личности Ульяны Терентьевны, — этой души, созданной для того, чтобы приводить въ гармонію нестройныя явленія жизни, чтобы искать прекраснаго, чувствовать его всюду, вѣрять въ него, благоговѣть передъ нимъ, обманываться, страдать, но всегда оставаться съ убѣжденіемъ, что оно неразлучно съ человѣческою натурою и разлито во всемъ твореніи Божіемъ. Я буду очень несчастливъ, если, взявшись написать біографію своей наставницы, не волюю въ нее той теплоты чувства, какою исполт

инно мое сердце въ эту минуту, когда я вижу передъ собой эту дивную женщину съ ея блѣдыми, антично очертанными лицомъ и глазами, въ которыхъ много, много выражается. Все, что она дѣлала, что говорила, все, что я зналъ о ней, облечено въ мое въ воображеніи чудною прелестью, и потому о самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ ея жизни, о самыхъ простыхъ ея поступкахъ, обо всѣхъ мелочахъ ея домашняго быта я пишу съ такимъ наслажденіемъ, которое едва ли будетъ другимъ по-вѣстно. Я бы желалъ быть съ своимъ читателемъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, чтобы рѣчь моя была для него подобна тихимъ бесѣдамъ въ небольшомъ кружку близкихъ людей, за вечернимъ чаемъ, когда дневныя заботы кончены, когда чувствуешь себя обезпеченнымъ отъ всякаго тягостнаго дѣла и когда довѣрчивымъ изліаніемъ чувствъ вознаграждаешь себя за дневное принужденіе въ сношеніяхъ съ чуждыми нашей натурѣ людьми. Только въ такомъ расположеніи души образъ Ульяны Терентьевны представился бы ему въ той меланхолической прелести, въ какой онъ мнѣ представляется. И неужели одному мнѣ такъ родственно это прекрасное видѣніе? Я убѣжденъ, что многіе среди холода жизни встрѣчали теплое пожатіе руки, сочувствующій взглядъ, оживляющее слово, братскій или материнскій пріемъ. Посмотрите на героиню моего разсказа: въ ней вы увидите знакомое лицо, которое убаюкивая наклоняется надъ человѣкомъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ чувствуетъ себя ребенкомъ, когда онъ забываетъ свои важныя, трудныя, тяжкія, печальныя обязанности, или отдаленные планы, или волнующія страсти, и нуждается, какъ въ насущной пищѣ, въ кроткой, снисходительной, ничего отъ насъ не требующей ласкѣ. Въ эти минуты наша фантазія изъ отрывочныхъ впечатлѣній чувствъ составляетъ для насъ успокоительный, материнскій образъ добра, любви и красоты, который когда либо трогали нашу душу, и слабѣ сна, сходящаго на усталыя вѣки, этотъ плѣнительный образъ овладѣваетъ ею и возвращаетъ ей увялающую въ житейской хлопотливости свѣжесть. Неужели кому нибудь непонятны слова мои? неужели только къ моей постели — въ тѣ минуты, когда я становлюсь ребенкомъ — подходятъ несмысленными инстинктами это несуществующее для глазъ, но облеченное въ дѣйствительность для души видѣніе? Нѣтъ, у каждого, въ комъ не притуплены чувства, есть благодѣтельная фобя, которая убаю-

квартъ его послѣ тяжкихъ, разрушительныхъ ощущеній сердца: неизбѣжныхъ въ колдовотѣ жизни. Для меня такою феею была и будетъ до конца моего существованія Ульяна Терентьевна. Вотъ почему каждое слово мое о ней есть благодарность, каждое воспоминаніе проникнуто умиленіемъ и всѣ ея поступки для меня обвѣяны дыханіемъ поэзіи.

И вижу ее въ тотъ моментъ, до котораго доведена разсказъ мой, грустною; но она была грустна только для моего тогдашняго взгляда. Теперь, когда я смотрю на нее съ полнымъ уразумѣніемъ ея личности, она мнѣ представляется прислушивающею къ музыкѣ своего сердца. Мнѣ кажется — нѣтъ, я совершенно увѣренъ, что ея сердце, опытное въ жизни — къ несчастью, оно было слишкомъ опытно — предсказывало ей уже тогда рядъ горестныхъ чувствованій; но въ то же время, сквозь его ропотъ, слышны были ей неумолкающія ноты благодарности создателю міра за сладостное ощущеніе бытія, котораго не заглушаетъ въ человѣкѣ никакая горестъ. Ульяна Терентьевна принадлежала къ тѣмъ натурамъ, въ которыхъ по преимуществу развито это ощущеніе; оно-то дѣлало ее выше всѣхъ превратностей, всѣхъ неудачъ жизни, оно заставляло ее быть вѣрною своему назначенію и среди разрушенія одного плана строить новый съ тѣмъ же терпѣніемъ, съ тою жъ любовью, съ тою жъ неуклонною энергіею. Я знаю, что у нея планъ моего воспитанія задуманъ былъ въ первыя минуты нашего знакомства; но полнаго его развитіе и окончательное утвержденіе совершились въ ней именно въ то время, когда душа ея сильно страдала предчувствіемъ грядущихъ горестей. Это тѣмъ удивительнѣе для меня, что эти горести не въ такой мѣрѣ терзали ея душу послѣ, когда онѣ осуществились, какъ въ то время, когда онѣ явились темными, невѣдомыми страшилищами ея живому воображенію. Такъ сильно было въ этой женщинѣ начало жизни, такъ полна она была внутренней дѣятельной силы, такъ необходимы были для ея сердца материнскіе подвиги!

Показывая мнѣ комнаты, Ульяна Терентьевна остановилась у одного комода и вынула изъ него бѣлый передникъ. Какъ я удивился, когда этотъ передникъ былъ поцѣпленъ мнѣ на шею, обхватилъ мой станъ и обтянулъ почти всего меня какъ чехломъ! На мои вопросы не дано было никакого объясненія, и если бы Ульяна Терентьевна не была такъ серьезна, то я бы

подумалъ, что это сдѣлано только для того, чтобъ заставить Наденьку хохотать и увѣрить, что она въ жизни не видѣла смѣшнѣе гусеницы. Къ переднику приданы были старыя дамскія перчатки, которыя мнѣ было приказано надѣть; потомъ Наденька надвинула мнѣ на глаза картузь и подвела къ зеркалу. Я все еще не понималъ, въ чемъ дѣло; но когда увидѣлъ въ зеркалѣ, что Ульяна Терентьевна надѣваетъ въ другой комнатѣ свою широкополую, нестерпимую для меня шляпку, и догадался, что мнѣ предстоитъ садовая работа, и очень обрадовался.

Наденька осталась читать какую-то книгу, а мы вышли въ садъ, гдѣ насъ встрѣтилъ Готфридъ, такъ же, какъ и я, въ передникъ и въ перчаткахъ. Ульяна Терентьевна просила его принять меня къ себѣ въ науку, и я подумалъ, что едва ли я не лучше самого Готфрида ископаю землю и посажу какое угодно растение; но не въ томъ было дѣло. Я очутился въ ботаническомъ саду и въ первый разъ въ жизни увидѣлъ, что множество лѣсныхъ и садовыхъ растений не для всѣхъ представляетъ такую путаницу, какъ для меня. Готфридъ принялся съ усердіемъ объяснять мнѣ начала ботаники. Я никакъ не могъ вообразить, чтобъ онъ былъ такой умница; но еще больше дивился я замѣчаніямъ Ульяны Терентьевны и тонкости, съ какою она разбираетъ каждую травку. Я слушалъ обоихъ съ жалостью, и можете себѣ представить, каково было мое чувство, когда передо мной открылся цѣлый растительный міръ, котораго стройность, богатство и разнообразіе мнѣ никогда не приходили въ голову!

Когда я замѣтилъ столько растевій, сколько нужно было для перваго урока, мнѣ отвели особый уголокъ, въ которомъ я ископалъ одну грядку и обдѣлалъ ее по наставленію Ульяны Терентьевны. Трудъ этотъ исполнилъ я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что заступъ и грабли мои были красивы какъ игрушка. Они принадлежали собственно Ульянѣ Терентьевнѣ, которая, какъ я узналъ, часто работала съ Наденькою въ саду. Когда грядка была готова, мнѣ было приказано пересадить на нее тѣ растенія, которыхъ я узналъ названія, исторію и свойства. Я гордился своимъ приобрѣтеніемъ и прыгалъ отъ радости. Съ какою улыбкою смотрѣла на меня Ульяна Терентьевна!

— Готфридъ, сказала она: — былъ ли ты въ дѣтствѣ такимъ счастливымъ мальчикомъ?

— O, mein, gnädige Frau, отвѣчалъ Готфридъ съ живостью : — у меня не было такой покровительницы. Я былъ круглый сирота и сперва поступилъ въ науку къ часовому мастеру; но послѣ заболѣли у меня глаза; я долго лечился въ общественной больницѣ, а потомъ пошелъ работникомъ къ садовнику. Я тяжело работалъ отъ восхода до захода солнца, и никто не бросилъ на меня даже благосклоннаго взгляда.

— Бѣдный Готфридъ! сказала Ульяна Терентьевна, обращаясь ко мнѣ.

— Неужели никто никогда? спросилъ я.

— Нѣтъ, Негг Николаша, отвѣчалъ онъ: — послѣ я былъ очень счастливъ. Я получилъ мѣсто садовника въ публичномъ саду и женился на прекрасной дѣвушкѣ.... Это былъ ангелъ кротости и красоты.

При этомъ Готфридъ посмотрѣлъ съ такимъ чувствомъ на Ульяну Терентьевну, какъ будто передъ нимъ былъ портретъ его жены.

— Бѣдный Готфридъ! повторила Ульяна Терентьевна.

— Отчего же бѣдный? спросилъ я.

— Оттого, что онъ здѣсь, а она тамъ.

— Какъ, онъ ее оставилъ? зачѣмъ же?

У Готфрида на глазахъ навернулись слезы.

— Умерла! сказалъ я и, чтобъ утѣшить его, прибавилъ: — и моя матушка умерла, Готфридъ, а все-таки я счастливъ.

— И онъ не ропщетъ на свою судьбу, сказала Ульяна Терентьевна.

— О, нѣтъ! сказалъ Готфридъ (онъ очень часто употреблялъ о! и вообще рѣчь его казалась мнѣ такою, какъ будто онъ хочетъ подражать Державину): — о, нѣтъ! я не ропщу на судьбу; у меня есть свое счастье.

— Я люблю Готфрида за то, сказала Ульяна Терентьевна: — что онъ всегда спокоенъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ веселъ, но онъ никогда не бываетъ грустенъ, и жить на свѣтѣ ему, кажется, очень пріятно.

— О, ја! отвѣчалъ Готфридъ: — этимъ я обязанъ Шиллеру. Когда я былъ глупымъ мальчикомъ, онъ научилъ меня думать и воображать все прекрасное; когда я полюбилъ, я въ немъ нашелъ для своей любви выраженіе; когда меня постигло несчастье,

онъ заставлялъ меня столько плакать, что я не могъ умереть отъ горя. Безъ него я непременно бы умеръ. Онъ сохранилъ мнѣ жизнь и всегда будетъ украшать ее. Mein Gott! да что такое была бы жизнь безъ Шиллера? засохшая глина, въ которой не примется ни одно растеніе....

— Ну, ужь когда онъ заговорилъ о Шиллерѣ, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна: — такъ мы здѣсь пустимъ въ землю корни, прежде нежели онъ кончитъ. Прощай, Готфридъ, намъ еще предстоитъ одинъ урокъ до обѣда. Сегодня мы будемъ обѣдать въ павильонѣ.

— Вы рѣдко удостоиваете его этой чести, сказалъ онъ.

— Мнѣ жаль цвѣтовъ и твоихъ легкихъ, Готфридъ, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— Какъ легкихъ? спросилъ я.

— Готфридъ, отвѣчали мнѣ: — счтаетъ своею обязанностью всякій разъ украшать павильонъ цвѣтами, когда мы обѣдаемъ, и во все время обѣда угощать насъ серенадами. Онъ очень хорошо играетъ на флейтѣ; но у него слабая грудь, и мнѣ всегда жаль его, когда онъ много играетъ.

— Gnädige Frau, сказалъ своимъ тихимъ, но восторженнымъ тономъ Готфридъ: — мое дыханіе принадлежитъ вамъ, — не оскорбитесь моею смѣлою рѣчью....

— Нисколько, Готфридъ, отвѣчала Ульяна Терентьевна: — я знаю, что ты мнѣ служишь не изъ денегъ.

— О, nein! воскликнулъ онъ.

— И я цѣню высоко твою преданность. Но побереги себя хоть ради Шиллера, если не ради меня. Довольно будетъ, если ты намъ сыграешь одну арію.

— Gnädige Frau! возразилъ Готфридъ: — это все равно, еслибъ сказать голодному: довольно съ тебя одной тарелки супу. Я не могу никогда до-сыта наиграться, когда знаю, что не мѣшаю вамъ заниматься дѣломъ и не надобно свою флейту. Еслибъ вы позволили, я бы игралъ передъ вами до тѣхъ поръ, пока вся душа моя перешла бы въ звуки, и умеръ бы играя.

— Это-то и худо, Готфридъ. Но такъ и быть, сегодня мы будемъ слушать твою музыку.

Готфридъ почтительно поклонился и, казалось, былъ очень счастливъ. — счастливецъ обыкновеннаго.

Мы воротились въ домъ.

— Какой славный человекъ вашъ Готфридъ! сказала я: — мнѣ онъ очень нравится. Но зачѣмъ вы его держите въ такомъ почтительномъ отдаленіи? Смотрите, онъ не смѣлъ надѣть шляпы во все время, пока мы были въ саду.

— Объ этомъ ты спроси у него, Николаша, а не у меня, отвѣчала Ульяна Терентьевна. — Когда я видѣла его въ первый разъ, онъ говорилъ со мной съ открытой головою, и съ того времени я, можно сказать, не видала его больше въ шляпѣ. Даже когда сидитъ на козлахъ — онъ добровольно исправляетъ въ моихъ прогулкахъ роль кучера — и тогда не иначе поворачиваетъ ко мнѣ голову, какъ спявъ шляпу. Мы живемъ теперь гораздо проще прежняго и онъ сдѣлался какъ бы нашимъ семьяниномъ, во ничего похожего на фамильярность онъ никогда не высказалъ. Почтенное созданіе! Ты полюбишь его современемъ еще больше.

Мы застали Наденьку все еще за книгою. Какъ мнѣ сдѣлалось досадно, когда я, взглянувъ на корешокъ, не былъ въ состояніи понять даже заглавіе этой книги! И почувствовала, какъ мало я образована въ сравненіи съ Наденькою или съ Ульяной Терентьевной, и во мнѣ родилась необыкновенная жажда знаній.

— Наденька, сказала Ульяна Терентьевна: — теперь твоя музыка намъ очень будетъ пригодна.

— Ахъ, тетя! догадываюсь, отвѣчала Наденька: — вы хотите учиться съ нимъ по гречески. Этому мальчику иначе ничто не пойдётъ въ голову. Удивительный мальчикъ!

— По гречески! повторилъ я: — это, я думаю, очень трудно: да и зачѣмъ знать мнѣ греческій языкъ, когда я не знаю еще по нѣмецки? Мнѣ хочется читать сочиненія Шиллера, которыя сдѣлали столько добра Готфриду.

— Боже, поймѣетъ ли когданибудь этотъ ребенокъ? сказала Наденька. — Учиться по гречески значить у насъ — учиться подъ музыку, милый малютка. Греки для такихъ головъ, какъ твоя, придумали вспомогательное средство при ученіи: подъ музыку вашъ братъ хоть чтонибудь пойметъ такъ, какъ понимать сдѣдуетъ. Снимай-ка своей фартухъ — полно тебѣ представлять правдѣнне въ саванѣ.

Ульяна Терентьевна взяла съ полки какую-то книгу и увела меня, оглядывающагося на Наденьку, въ залу. Я боялся, что генералъ помѣшаетъ мнѣ быть внимательнымъ во время урока; но онъ на этотъ разъ смотрѣлъ на меня одобрительно, какъ будто былъ доволенъ, что я наконецъ попалъ въ добрыя руки.

Что же это за книга въ рукахъ у Ульяны Терентьевны? Наружность ея довольно пасмурна: на черномъ корешкѣ какая-то нѣмецкая надпись. Неужели Шиллеръ не долженъ быть въ другомъ переплетѣ, кромѣ темнаго? Но это былъ не Шиллеръ. Ульяна Терентьевна развернула книгу, заглянула въ нее и спросила меня, знаю ли я, кто были греки. Я тотчасъ попотчевалъ ее Данаями, Кадмами, Тезеями и цѣлымъ рядомъ войнъ; я думалъ, что моя ученость, почерпнутая изъ руководства ко всеобщей исторіи, удивитъ ее и приведетъ въ восхищеніе; но она очень спокойно улыбнулась и начала мнѣ рассказывать, гдѣ была Греція, какой видъ, какое мѣстоположеніе она имѣла, начала описывать мнѣ ея климатъ, горы, рѣки, моря и первыхъ обитателей съ такою ясностью, какъ будто говорила объ устройствѣ своей бесѣдки. Совсѣмъ не такъ, какъ гласило руководство ко всеобщей исторіи. Да въ немъ и сотой доли не было того, что я слышалъ отъ Ульяны Терентьевны. Особенно меня удивило, когда она припалась описывать разные обычаи древнихъ грековъ, ихъ религію, законы, торговлю. «Боже мой! — думалъ я — да откуда она все это знаетъ?»

Между тѣмъ намъ слышалась тихая музыка Наденьки. Какъ эта музыка оживляла пейзажи гористыхъ странъ, по которымъ Ульяна Терентьевна водила мое воображеніе! Люди, съ своими судилищами, ремеслами, искусствами, въ своихъ странныхъ одеждахъ и непохожемъ на наше вооруженіи, двигались передо мною какъ живые. Въ одинъ часъ я узналъ Грецію больше, нежели изъ десяти выученныхъ слово-въ-слово уроковъ. Но что же это дѣлаетъ Наденька? или, лучше, что съ нею дѣлается? Она какъ будто жалуется на судьбу свою: такъ грустна ея музыка. Она! — можетъ ли она быть недовольна жизнью подлѣ Ульяны Терентьевны?

«Ахъ, Ульяна Терентьевна! — думалъ я въ глубинѣ своего сердца, глядя въ ея тихіе, успокоительные глаза — знаете ли вы, случалось ли вамъ спрашивать, что чувствуетъ оцѣпенѣвшій на

холодномъ стеклѣ окна мотылекъ, когда утреннее солнце начнетъ согрѣвать его радужныя крылышки? то самое чувствую я подѣ лучами вашихъ любящихъ взглядовъ! я именно это чувствую! и ваша дикая, гористая, вся въ лѣсахъ и утесахъ, Греція съ своими первыми обитателями оживляется для меня отъ дыханія вашей любви, какъ отъ присутствія въ пей благой богини Цереры, о которой вы такъ прекрасно мнѣ рассказываете. Нѣтъ, не Шиллеръ и не Жуковскій вложили такую прелесть въ эти стихи, которые вы мнѣ читаете о ея благодѣтельномъ посѣщеніи Греціи: это ваше сочувствіе всему доброму въ человѣчествѣ сдѣлало ихъ Цереру такимъ свѣтлымъ созданіемъ. Вы лучше всѣхъ понимаете ее, потому что вы бы сами точно такъ смягчили сердца грубыхъ звѣролововъ и научили ихъ искусствамъ и любви, какъ Церера.» Я не знаю, этими ли самыми выраженіями я тогда думалъ; но чувствовалъ я именно то, что здѣсь высказалъ.

А Наденька между тѣмъ говоритъ своею музыкою, что жизнь очень бѣдна — я совершенно понимаю ея мысли въ этихъ тихихъ, медленныхъ, унылыхъ нотахъ — что сердце человѣческое слишкомъ чувствительно на страданія, и что человѣкъ во все свое существованіе мечется, въ томительной жаждѣ счастья, ищетъ его вездѣ по всему свѣту; но какъ ни широкъ свѣтъ, какъ ни наполненъ онъ людьми, какъ ни манитъ человѣка призраками блаженства, какъ ни гоняется за ними человѣкъ, а кончитъ тѣмъ, что заключится онъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ немъ одномъ станетъ искать и пріюта и счастья. Вотъ какія чудныя вещи говорила наденькина музыка. Какая грустная фантазія! Я слушаю рассказъ Ульяны Терентьевны и стихи, которыми она поясняетъ рѣчь свою, и новые рассказы, поясняющіе стихи, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать вмѣстѣ съ Наденькою то, чего я никогда еще не чувствовалъ. Я придвигаюсь къ Ульянѣ Терентьевнѣ, я кладу свою руку на ея нѣжную руку, которая придерживаетъ ласты книги, — я не знаю, зачѣмъ я это дѣлаю и что я хочу этимъ сказать. Музыка наполняетъ мою душу непонятнымъ томленіемъ. Я опускаю голову на свою руку и чувствую, что голова моя горитъ. Но Боже, какъ я счастливъ, что въ этой безотчетной грусти я могу опереться ею на такую добрую, вѣрную руку, какъ рука Ульяны Терентьевны!

— Что съ тобой, Николаша? спрашиваетъ она встревожен-

нымъ голосомъ, какимъ спросила бы у меня мать моя. — У тебя голова болитъ ?

— Нѣтъ, отвѣчаю я, приполнимаясь и глядя на нее съ улыбкою, чтобъ разсѣять ея безпокойство. — Мнѣ стало жаль Наденьки. Вы слышите, что она играетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ она то чувствуетъ, что говоритъ ея музыка?

— Въ эту минуту — да, отвѣчала, немного подумавъ, Ульяна Терентьевна. — Теперь она не можетъ быть вполнѣ счастлива. Я знаю, что у нея дѣлается въ душѣ, и вотъ она невольно высказываетъ свои чувства.

— А что же у нея въ душѣ? Она горюетъ о Сени? Она забрала себѣ въ голову, что онъ ее не любитъ. И съ чего она это взяла?

— Пойдемъ къ ней, сказала, вмѣсто отвѣта, Ульяна Терентьевна. — Съ исторіею мы на первый разъ познакомились довольно.... Но что это такъ долго нѣтъ съ охоты Сени?

И я беру со стола книгу, которая, по видимому, научила Ульяну Терентьевну такимъ прекраснымъ вещамъ, и несу за вѣю. Генералъ провожаетъ насъ благосклоннымъ взглядомъ; женщина съ ребенкомъ кротко намъ улыбается; путешественники улвоили свой шагъ, пробираясь по лѣсной дорогѣ, а «дѣвушки російски» говорить плечами какъ нельзя веселѣе,

Въ это время послышались быстрые ноты, какъ будто для нихъ пляски, и въ одну минуту все въ душѣ моей измѣнилось. Наденька, когда я вошелъ въ семейную комнату, показалась мнѣ такимъ веселымъ созданіемъ, какое когда либо было озарено солнечнымъ свѣтомъ, пробивавшимся въ окна сквозь кусты акацій. И хотѣлъ было спросить у нея, что за тоска нашла на нее, когда мы сидѣли въ залѣ, да и позабылъ, заслушавшись веселой ея музыки. Какъ она была хороша, когда въ самыхъ выразительныхъ мѣстахъ взглядывала на меня и дѣлала глазами и головою движеніе, еще усиливавшее выразительность! Еще нѣсколько быстрыхъ аккордовъ, еще нѣсколько полнывающихъ сердце нотъ — и кончено. Наденька вскочила съ табурета, схватила меня за руки и закружилась со мной по комнатѣ; потомъ, запыхавшись отъ моей неповоротливости, упала въ кресла и отъ души смѣялась, глядя на Ульяну Терентьевну и заставляя ее тоже смѣяться. Что за граціозное, что за игривое это было суще-

ство! и какъ, однакожъ, гармонировала ея живость съ характеромъ Ульяны Терентьевны, въ которомъ все было подведено подъ какую-то строгую мѣру. Это была рѣзвый плутокъ, бѣгушій вверхъ по изящной бѣломраморной колоннѣ.

— Теперь пойдемъ со мной гулять по саду! сказала Наденька черезъ минуту, и не успѣвъ я оглянуться, какъ она была уже въ соломенной швейцарской шляпкѣ и въ перчаткахъ. Она протянула мнѣ руку, и мы пустились бѣжать съ цѣю по садовымъ дорожкамъ, приводя въ зависть цвѣты, кусты и все, что насъ вилѣло. Мы бѣжали, пока у насъ стало дыханія; наконецъ должны были итти шагомъ поневолѣ. Наденька называла меня мѣшкомъ и говорила, что я не умѣю даже бѣгать; но это была неправда, и она хорошо это знала.

Я показавъ ей свое новое владѣнiе. Она спросила у меня имена посаженныхъ мною растений, но никакъ не хотѣла похвалить меня, а назвала дикаремъ, который насилу узналъ, какъ дѣлается садовая грядка. Пужды нѣтъ, что я дикарь; пускай это будетъ моя пустыня: я не промѣняю ее на самую великолѣпную столицу. И если Наденька любитъ меня за мое дикарство, такъ я и не хочу быть ничѣмъ другимъ. А что она меня любитъ, этого не скроютъ никакія ея насмѣшки надо мною.

— Посмотри, что дѣлаетъ Готфридъ, сказала Наденька. — Бѣлый Готфридъ! ему только и житья на свѣтѣ, что у насъ. Ну, кто бы позволилъ ему такъ ребячиться?

Готфридъ, въ концѣ сада, увѣшивалъ гирляндами цвѣтовъ спустившіяся низко къ землѣ вѣтви старой липы, подъ которою устроена была стеклянная бесѣдка. Чтобы не подрывать эффекта, который онъ надѣялся сдѣлать своею цвѣточною иллюминаціей, мы посмотрѣли на его работу изъ за кустовъ и побѣжали опять по саду. Долго мы такимъ образомъ гуляли, пока замѣтили на крыльцѣ бѣлый платокъ Ульяны Терентьевны, которымъ она намъ махала. Мы воротились къ ней оживленные, събѣжие, радостные. Она намъ объявила, что пора обѣдать. А Сени все еще не было, и это тѣмъ больше безпокоило Ульяну Терентьевну, что западная сторона неба была въ тучахъ и обѣщала сильную грозу.

— Онъ, тѣтя, пріютится гдѣ нибудь въ берлогѣ у медвѣдя, сказала Наденька: — и очень пріятно проведетъ время. — по крайней мѣрѣ такъ пріятно, какъ мы въ его отсутствіе.

— Какъ можно говорить такъ язвительно, Наденька? сказалъ я. — Что, еслибъ кто надъ вами вздумалъ такъ насмѣхаться?

— Еслибъ кто, да не ты : ты и насмѣхаться не умѣешь, отвѣчала она и проскользнула въ комнату.

Ульяна Терентьевна продолжала съ безпокойствомъ смотрѣть на тучу, въ которой изрѣдка вспыхивала молнія.

— Зачѣмъ вы такъ безпокоитесь? сказалъ я : — большой бѣды случиться не можетъ. Сеня вѣдь мужчина : что ему гроза на охотѣ?

— Со мной дѣлается что-то странное, отвѣчала Ульяна Терентьевна : — я чувствую теперь себя какъ будто на морѣ, и эта туча какъ будто пророчить моему кораблю страшную бурю. Мнѣ кажется, какъ будто въ этихъ вспышкахъ далекой молніи кроются удары, которые раздробятъ въ щепы нашъ домикъ. Какая великаискская туча! Смотри, какъ она широко распускаетъ въ обѣ стороны крылья. Одного взмаха этихъ крыльевъ довольно, чтобъ снести всю мою усадьбу съ мѣста, какъ кучу сухихъ осеннихъ листьевъ. Но Боже мой! что мнѣ пришло въ голову? Николаша, не обращай на это вниманія. Отсутствие Сени перепутало мои мысли, и мнѣ представляются страшилища тамъ, гдѣ видна одна красота творенія Божія. Посмотри внизъ по рѣкѣ — какъ хорошъ этотъ луговой пейзажъ, весь золотой отъ солнечнаго свѣта и отъ противоположности съ нависшими надъ нимъ тучами. А рѣка? черная какъ будто на географической картѣ. Этотъ видъ хорошъ во всякую пору дня.

Пейзажъ былъ дѣйствительно прелестный, но я смотрѣлъ на тучу и въ каждомъ темномъ пятнѣ ея видѣлъ таинственныхъ страшилищъ, которыя пугали воображеніе Ульяны Терентьевны. Мнѣ казалось, что я никогда еще не видалъ такой грозной тучи. Мѣстами она была черна какъ вороново крыло, мѣстами переходила въ цвѣтъ кремня, мѣстами блестяла отраженіемъ солнечныхъ лучей. Мнѣ казалось, что она выступаетъ впередъ съ мрачною улыбкою, восхищаясь мыслью объ опустошеніяхъ, которыми она ознаменуетъ путь свой.

— Все готово! все готово! пропѣла весело Наденька, показавшись въ дверяхъ.

Она подала Ульянѣ Терентьевнѣ зонтикъ и , взявъ ее подъ руку , повела къ готфридовой бесѣдкѣ. Я послѣдовалъ за ними , оглядываясь на страшную тучу.

VIII.

ДѢЛА УСТРОИВАЮТСЯ КЪ ОБЩЕМУ УДОВОЛЬСТВІЮ, НО Я ЧУВСТВУЮ, КЪ ЧЕМУ ОНИ КЛОНЯТСЯ.

Боже мой! какое это было чудное время! Я сижу между Ульяпой Терентьевной и Паденькой; на бѣлой скатерти передъ нами выложены цвѣтами наши вензеля. Съ одной стороны солнечный свѣтъ падаетъ сквозь зелень неправильными лоскутками, движущимися по волѣ вѣтра, на полъ, на мебель, на обѣденную посуду и вспыхиваетъ цѣлымъ снопомъ искръ на блестящихъ выпуклостяхъ стульевъ, тарелокъ и серебряныхъ ложекъ; съ другой — вишна полная грозы туча; она подступаетъ къ намъ ближе и ближе; уже слышенъ далекій громъ; но готфридова флейта покрываетъ его неясный гулъ и отвлекаетъ наше вниманіе отъ грозы. Гдѣ же Готфридъ? Онъ у насъ надъ головою, въ густотѣ вѣтвей, которыя служатъ бесѣдкѣ потолкомъ и кровлею. Какое наивное созданіе! И какъ онъ доволенъ своею ролью! Это высказывается въ его аріяхъ. Я ожидалъ отъ него чего нибудь въ родѣ тоски по родинѣ. Напротивъ, ему, кажется, хочется, чтобъ мы закружились подъ его флейту, какъ «дѣвушки россійски» на картинѣ.

А гроза между тѣмъ приближается. Уже солнце перестало пробиваться сквозь зелень въ бесѣдку; вѣтеръ треплетъ вѣтвями обѣ стекла; громъ перекатывается въ облакахъ, какъ будто тамъ въ высотѣ бѣгутъ сто греческихъ колесницъ, о которыхъ мнѣ рассказывала Ульяна Терентьевна. Неужели Готфридъ не перестанетъ играть и во время грозы? Мнѣ это кажется даже страшно: какую жалкою пищалкою сдѣлалась его флейта, когда на небѣ раздались полныя громовыя ноты, какихъ не брала ни одна труба на землѣ! Нѣтъ, Готфридъ, перестань....

«Пе-ре-стань!» загремѣлъ съ трескомъ громъ, и бѣдный Готфридъ долженъ былъ остановиться. Въ ту же минуту хлынулъ такой ужасный дождь, какъ будто все небо превратилось въ лейку. Неужели Готфридъ останется на деревѣ, чтобъ уподо-

биться мокрой воронь? Этотъ вопросъ я предлагалъ сперва самому себѣ мысленно, а потомъ Наденькѣ вслухъ.

Наденька отвѣчала мнѣ, что о Готфридѣ беззакониться нечего, потому что онъ сидитъ у себя въ спальнѣ. Фантастическій нѣмецъ настлалъ полъ между трехъ деревьевъ и устроилъ посреди вѣтвей висячій павильонъ съ стеклянною крышею и парусивными стѣнами, которые въ теплую погоду опускались ниже поля, а въ холодную поднимались на свои мѣста, посредствомъ блоковъ. Я живо былъ заинтересованъ такимъ воздушнымъ жилищемъ и воображалъ, какъ хорошо тамъ спать, когда луна свѣтитъ сквозь стеклянный потолокъ, а вѣтеръ шелеститъ кругомъ листьями.

«Ахъ, Готфридъ, какой ты славный человѣкъ! — думалъ я — Но вѣдь это тебя сдѣлала такимъ Ульяна Терентьевна. Безъ нея ты и съ своимъ Шиллеромъ недалеко бы ушелъ.»

Какой страшный громъ и вѣтеръ! И начинаю бояться, чтобъ молнія не вздувала раздробить въ щепы липу, подъ которою мы сидимъ, какъ это она сдѣлала съ старою сосною въ нашемъ лѣсу. Какъ шумятъ деревья! Я не желалъ бы на этотъ разъ, чтобъ наша липа была такъ густа; мнѣ все кажется, что она не устоитъ на своихъ корняхъ противъ напора вѣтра. Неужели намъ угрожаетъ опасность быть ею задавленными? неужели мое блаженство такъ кратковременно? Въ воображеніи моемъ рисовались уже самыя мрачныя картины, и я не знаю, что было бы со мной, еслибъ Ульяна Терентьевна не заняла меня распросами о томъ, гдѣ я живу въ городѣ и съ кѣмъ знакомъ. Я рассказывалъ ей о Катѣ и о томъ, какъ я съ нею сошелся. Объ моихъ слушательницахъ были заинтересованы Катей, ея миловидностью, ея благороднымъ характеромъ и добротою; но гораздо больше занялъ ихъ почтенный Яковъ Яковлевичъ. Наденька заставляла меня представлять его походку, движенія и тонъ рѣчи, въ чемъ — надо сказать — упражнялось все наше училище, въ которомъ я былъ не послѣднимъ актеромъ. Здѣсь, однакожъ, смущалъ меня громъ — я не могъ вполне развернуться, какъ будто былъ близко возлѣ кого нибудь сильнаго и грознаго. Но съ этого времени для Наденьки не было пріятнѣе потѣхи, какъ заставлять меня играть роль Якова Яковлевича. Не думаю, однакожъ, чтобъ я дѣлалъ это охотно, безъ одного обстоятельства. Именно — когда рассказывалъ о немъ въ первый разъ, Ульяна Терентьевна слушала меня съ глубокимъ вниманіемъ, а Наденька безпрестанно хохотала.

« Неужели мой Яковъ Яковлевичъ только смѣшонъ ? » подумалъ и съ огорченіемъ и, взглянувъ на нее, замѣтилъ на ея щекахъ двѣ слезы. Она отерла ихъ платкомъ и принялась хохотать снова. Это меня съ нею примирило : я видѣлъ, что Яковъ Яковлевичъ для нея то же, что и для меня. Но черезъ минуту я уже опять сомнѣвался, не показалось ли мнѣ, что Наденька плачетъ : я считалъ ее неспособною къ слезамъ. Какъ бы то ни было, но комическія мои представленія не имѣли и тѣни насмѣшки : они были только оживленіемъ личности Якова Яковлевича; я не давалъ ему умирать; онъ жилъ и дѣйствовалъ посреди насъ. Какъ меня радовало, что мои дамы его полюбили ! мнѣ не приходило и въ голову, что для него въ могилѣ это ничего не значитъ; онъ вознаграждался въ моемъ сердцѣ за свою унылую, безцвѣтную, отчужденную жизнь. Бѣдный Яковъ Яковлевичъ !

Громъ наконецъ умолкнулъ, дождь пересталъ, и мы, сбѣясь надъ страхомъ Ульяны Терентьевны — я рассказалъ Наденькѣ, что она мнѣ говорила при наступленіи грозы — воротились въ домъ. А Сени все еще не было. Мы объ этомъ молчали, но я зналъ, что Ульяна Терентьевна каждую минуту чувствовала его отсутствіе. Наденька попросила ее сѣсть за фортепьяно и принялась учить меня танцевать мазурку. Я объявилъ ей, что я мазурку давно танцую : меня научила Катя подъ гитару своего Ивана Васильича ; но какъ мой танецъ разсмѣшилъ Наденьку ! она увѣряла, что еслибъ я былъ ручной медвѣжонокъ, то доставилъ бы своему хозяину большой сборъ мѣдныхъ грошей. Боже мой ! когда эта дѣвушка останется мною довольна ? А какія чудныя у нея ножки ! Нѣтъ, Катя, со всей своей доброю, должна была остаться на заднемъ планѣ въ моемъ сердцѣ. Грація всѣхъ формъ и движеній Наденьки производила на меня, такъ сказать, гальваническое дѣйствіе : въ ея присутствіи я дѣлался стройнѣе ; природа какъ будто исправляла меня по этому прекрасному образцу; невозможно было противиться чудному ваіанію ея манеръ, тона голоса и легкой походки; и если Яковъ Яковлевичъ Бруль когда-то выказывался въ моей фигурѣ, то судите, какъ она была способна, дѣйствіемъ противоположнаго чувства, заключить въ себѣ этотъ плѣнительный образчикъ человѣческой природы. Я сдѣлалъ быстрые успѣхи въ танцахъ, и хотя Наденька, по своему обыкновенію, оставалась мною недовольна, но я чувствовалъ, что я уже другой человѣкъ, и ея па, ея осан-

ка, ея движения продолжали совершенствоваться меня даже во снѣ. Много было писано о ничтожности физической красоты, но Боже, какую составляет она немаловажную для насъ потребность.

Дамы, казалось, только и думали, что обо мнѣ. Послѣ танцевъ, Наденька принесла изъ своей комнаты прекрасное переплетеннаго — и уже не въ черной цвѣтъ — Шиллера, и показавъ мнѣ прелестныя гравюры, которыми онъ былъ наполненъ, заставила меня выучить съ ея голоса наизусть нѣсколько стиховъ, при чемъ, разумѣется, я заслужилъ отъ нея имя попугая. Но Ульяна Терентьевна восхищалась моею памятью и съ особеннымъ удовольствіемъ толковала мнѣ значеніе каждаго слова и смыслъ стиховъ. Дѣло въ нихъ все шло о Греціи: мы читали и учили *Das Eleusische Fest*. Тутъ были на сценѣ и мифологія, и поэзія, и древняя жизнь грековъ. Я былъ огреченъ совершенно, и съ этого времени уже все эллинское начало интересовало меня живѣйшимъ образомъ.

За этимъ занятіемъ засталъ насъ Готфридъ съ своимъ самоваромъ. Съ какимъ наслажденіемъ вслушивался онъ въ стихи своего Шиллера, которые произносила Наденька голосомъ души Ульяны Терентьевны! Даже самоваръ его былъ, казалось, равнодушенъ къ этимъ стихамъ. Да, онъ не былъ равнодушенъ къ нимъ; онъ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ обыкновенно бываютъ самовары, какъ и Готфридъ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ обыкновенно бываютъ его сорта люди. Если въ готфридовомъ самоварѣ была хоть капля жизни — а въ этомъ мудрено сомнѣваться — то онъ естественно долженъ былъ усовершенствоваться свои способности, находясь постоянно въ такомъ обществѣ. Онъ былъ далеко не похожъ на самовары, слушающіе въ трактирахъ каляканье купчиковъ, или на помѣшачьи самовары вообще, изучившіе уборку сѣна, яровые и овинные поспѣвы и тому подобную премудрость: въ его шипѣніи было что-то поэтическое, что-то шиллеровское.

Und es waltet und siedet und brauset und ziescht,
Wie wenn Wasser mit Feuer sich mengt....

Этихъ стиховъ я до сихъ поръ не могу слышать безъ того, чтобъ не вспомнить готфридова самовара. Въ домѣ Ульяны Терентьевны все было для меня опоэтизировано, даже и самъ Сена,

который вдругъ прскакалъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи своихъ псовъ, и соскочилъ передъ окномъ на землю.

— Чей это конь? сказала Наденька, между тѣмъ какъ Ульяна Терентьевна спѣшила навстрѣчу своему любимцу. — Ахъ, да это конь Дубинина! Я говорила, Николаша, что онъ приютится гдѣ нибудь въ берлогѣ у медвѣдя — смотри, такъ вѣдь и вышло!

Сеня вошелъ въ комнату съ Ульяной Терентьевной, которая нѣжно опиралась ему на плечо рукою, производя въ моей душѣ безотчетную ревность. Онъ былъ очень веселъ и подалъ Наденькѣ руку съ такимъ торжествомъ, какъ будто получилъ орденъ или какъ будто его произвели въ майоры. (Я не зналъ, какой онъ имѣлъ чинъ, но онъ мнѣ казался капитаномъ.)

— Здравовъ ли Дубининъ? спросила она.

— Скажите лучше: Дубинины, отвѣчалъ Сеня: — Антонъ Ивановичъ теперь не одинъ: къ нему возвратилась дочь изъ пансіона. Чудная дѣвушка!

— Вотъ чтó! Оттого-то вы такъ и веселы?

— Оттого такъ и веселъ, Надежда Александровна, сказалъ Сеня, садясь къ столику.

— На ловца звѣрь бѣжитъ. А какой породы это звѣрь? я думаю, лисица? Только нѣтъ: ея папаша похожъ на волка.

— Наденька, сказала Ульяна Терентьевна: — ты въ чужихъ людяхъ прослыла бы злоязычною. Можно ли не щадить никого ради игры словъ?

— Скоро я буду имѣть право требовать, чтобъ о Дубининыхъ отзывались съ уваженіемъ, сказалъ важно Сеня.

Мы всѣ посмотрѣли на него вопросительно.

— Да, мамаша, продолжалъ Сеня: — кажется мнѣ, что я скоро буду имѣть это право. Премилая дѣвушка! Я благодарю Бога, что гроза загнала меня въ этотъ домъ, ато бы я долго не зналъ, что въ нашемъ сосѣдствѣ есть такое сокровище. Меня приняли такъ дружески, что я не могу довольно нахвалиться. И вообразите, какой сюрпризъ для меня. Вхожу въ домъ — все переишло! новые обои, новая мебель и самъ старикъ Дубининъ какъ-то поновѣлъ. Выбѣсто пожатія руки, онъ обнялъ и поцаловалъ меня. Чтó съ нимъ? но онъ тотчасъ объявилъ мнѣ о своей радости. И въ самомъ дѣлѣ, есть чему радоваться: чтó за фигу-

ра! что за цвѣтущая красота! что за любезность въ разговорѣ! Черезъ минуту я уже чувствовалъ себя у нихъ своимъ. Вамъ это страннымъ покажется, мамаша, но, право, сердце мое съ перваго взгляда на эту обворожительную дѣвушку отдалось ей на вѣки. Просто Ромео и Джульета, — да и все тутъ! Налейте мнѣ стаканъ чаю.

Я смотрѣлъ на Наденьку — что съ нею будетъ дѣлаться. Она была видимо взволнована. Сеня это замѣтилъ также и торжествовалъ, — но недолго. Наденька вскочила съ своего мѣста, подошла къ своей теткѣ и, вѣжливую ее обнявъ, поцаловала.

— Тѣтя, сказала она, прильнувъ головой къ ея плечу: — милая, безцѣнная тѣтя, теперь я совершенно счастлива. Ахъ, какъ мнѣ было тяжело сегодня все утро! Все мое желаніе быть вашею, жить и умереть съ вами, существовать для васъ.... Но слѣдовало ли мнѣ таить отъ васъ то, что я вамъ высказала? Теперь между нами нѣтъ ничего противнаго нашей дружбѣ; теперь я принадлежу вамъ болѣе, чѣмъ когда либо.

— Сеня, сказала она, съ глазами, блиставшими одушевленіемъ: — я желаю тебѣ отъ всей души счастья и буду любить твою жену, сколько это нужно отъ доброй родственницы и подруги твоего дѣтства! Ты думаешь, я не люблю тебя? Нѣтъ, я тебя люблю уже по одному тому, что ты созданіе моей тѣти, и что она любитъ тебя какъ сына. Но, право, мы не были бы счастливы на другихъ условіяхъ, кромѣ нынѣшнихъ. Ты этого не знаешь, а я глубоко чувствую! Дай мнѣ пожать твою руку, какъ брату и товарищу. Я отъ всей души желаю тебѣ семейнаго счастья и буду его поддерживать, сколько это отъ меня будетъ зависеть.

У Сени было доброе сердце: рѣчь Наденьки, дышавшая живѣйшимъ чувствомъ, нашла въ его сердцѣ отвѣтъ. Онъ подавъ ей руку и сказалъ слѣдующія слова, дѣлающія честь если не его уму, то его сердцу:

— Наденька! ты благородное и прямодушное созданіе, но съ твоимъ характеромъ ты никогда не будешь хорошею женою, — право, не будешь. Ты слишкомъ начитана, и потому всѣ твои чувства перешли въ голову. Книги тебя сдѣлали причудливою; ты воображаешь себя мужчиною такимъ существомъ, какихъ на свѣтѣ не водится. Они водятся только въ твоёмъ Шиллерѣ. Я самъ

радуюсь не меньше твоего, что мы поняли другъ друга, пока еще не поздно.

— А какъ, однакожь, это грустно! сказала Ульяна Терентьевна, подавая Сенѣ стаканъ чаю.

— Ничего нѣтъ въ этомъ грустнаго, мамаша, отвѣчалъ онъ, безпечно покручивая свои роскошные усы. — Вы увидите не дальше, какъ завтра, что это за прелестная дѣвушка. Дубинины общались посѣтить насъ. Они нетерпѣливо желаютъ съ вами познакомиться.

— И съ вами, прибавилъ онъ, обратясь къ Наденькѣ: — вы думаете, я равнодушно о васъ отозвался Марьѣ Антоновнѣ? Напротивъ, мнѣ ничто не мѣшаетъ понимать и цѣнить ваши таланты.

— И съ тобою, кудлашка, обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, я этому не вѣрю, отвѣчалъ я: — батюшка мой въ ссорѣ съ Дубининымъ.

— За имѣніе? это ничего. Теперь Дубининъ готовъ обнять и разцаловать весь свѣтъ: въ такомъ онъ восхищеніи! и если онъ встрѣтится здѣсь съ твоимъ батюшкой, то непременно это и сдѣлаетъ. Предобродушнѣйшій старикъ!

— Если такъ, то я буду любить вашу жену какъ и Наденьку, сказалъ я.

— Ты уже меня женишь? Ахъ, проказникъ! погоди-ка еще: не былъ въ душѣ у Марьи Антоновны.

Тутъ я рѣшился потѣшить Сеню и сказалъ:

— И я не былъ, но знаю, что за такого молодца, какъ вы, всякая дѣвушка пойдетъ съ радостью.

Сеня отъ всего сердца засмѣялся, а я зло подумалъ въ душѣ: «Всякая, кромѣ такой, какъ Наденька.»

Однакожь, судьба Наденьки начала занимать съ этого времени мои мысли. Я не хотѣлъ согласиться, чтобы Сеня сказалъ объ этомъ важномъ предметѣ правду; но сколько ни видалъ я молодыхъ людей, ни одинъ, по моему мнѣнію, не былъ достоинъ счастья сдѣлаться ея мужемъ. Все это былъ народъ тупой и безцвѣтный въ сравненіи съ нею. Я очень жалѣлъ, что я такъ молодъ, — ато бы я рѣшился, за неизмѣнимъ лучшаго мужа, предложить Наденькѣ мою руку. Я чувствовалъ, что могу

всему у нея научиться и сдѣлаться современемъ вполнѣ достойнымъ постояннаго ея общества. Съ этими мыслями и слушала рассказы Сени объ охотѣ и Дубинныхъ, о новомъ экипажѣ, который они привезли изъ Москвы, гдѣ Марья Антоновна воспитывалась въ пансіонѣ, о ея прекрасной прическѣ и о томъ, что она единственная наследница денегъ и имѣнія своего папаша. Сеня былъ въ полномъ разливѣ своихъ чувствъ; Ульяна Терентьевна смотрѣла на него съ восхищеніемъ; Наденька интересовалась всѣми подробностями о своей будущей знакомкѣ и о прекрасныхъ вещахъ, которыя она показывала Сенѣ; а мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе за Наденьку. Не знаю почему, мнѣ казалось, что ея путь въ жизни совсѣмъ не такъ простъ и спокоенъ, какъ сенинъ, — что ей предстоитъ долгое странствованіе по свѣту и много, много горя.

Къ счастью, скоро подали ужинъ, и сенина дичь разогнала жон ирраціональныя мысли. Мы всѣ были очень веселы и разошлись спать взаимно довольные другъ другомъ.

Готфридъ сдѣлался моймъ камердинеромъ, и я не думаю, чтобъ Ульяна Терентьевна поручила ему постоянно обо мнѣ заботиться: нѣтъ! мнѣ управляло то чувство, съ которымъ онъ ухаживалъ за цвѣтами, ею посаженными, — въ этомъ я не сомнѣваюсь. Мнѣ самому онъ нравился потому, почему намъ нравится простой деревенскій прудъ, въ которомъ отразится мѣсяцъ, или дикія горы, озаренныя розовымъ солнечнымъ свѣтомъ. Не прудъ и не горы мы любимъ, а любимъ отраженное ими сіяніе величественныхъ свѣтилъ, которое никогда не наскучитъ. Такъ я любилъ въ Готфридѣ отраженіе поэтической личности Ульяны Терентьевны, и онъ былъ дорогъ моему сердцу, и мы были съ нимъ нѣжными друзьями. Безъ этой дружбы онъ бы не рѣшился, а я бы не позволилъ ему — снять съ меня башмаки, чулки и все платье и уложить меня въ постель. Съ какою доброю улыбкою закутывалъ онъ меня въ одѣяло! Я теперь знаю, что въ его сердцѣ шевельнулось въ это время сильнѣе обыкновеннаго чувство, съ которымъ бездѣтныя люди извѣстныхъ лѣтъ смотрятъ на всякаго хорошенькаго ребенка. Онъ прикасался къ моимъ плечамъ и ногамъ съ женскою нѣжностью. Можетъ быть, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что Негг Николаша сдѣлался новымъ и самымъ прочнымъ звеномъ между нимъ и Ульяной Терентьевной, и что въ его любви къ этой Беат-

риче настала, нѣкоторымъ образомъ, тотъ періодъ, какой наступаетъ въ любви супружеской съ рожденіемъ дѣтей. Я тогда еще не зналъ, до какой степени онъ любитъ Ульяну Терентьевну и какъ способенъ любить онъ, воспитанный однимъ Шиллеромъ. Для него она была все. Видѣть ее и служить ей было отрадою его жизни и сдѣлалось неотмѣнимымъ условіемъ его существованія. Всего этого я въ то время еще не смыслилъ, — но смотрѣлъ на Готфрида съ безотчетнымъ уваженіемъ и, чтобъ показать ему, что я цѣню его услуги только изъ дружбы, обнялъ и воцаловалъ его. Готфридъ былъ этимъ истинно обрадованъ и, уходя отъ меня со свѣчою, обернулся въ дверяхъ и еще разъ посмотрѣлъ на меня. Женщина съ ребенкомъ на рукахъ тоже бросила въ это время на меня самый кроткій взглядъ и скрылась въ темнотѣ, какъ нѣжное видѣніе моей матери, часто являвшееся мнѣ во снѣ.

Я думалъ, что Ульяна Терентьевна спокойна и удовлетворена своимъ семействомъ. Нѣтъ, она нуждалась въ изліяніи чувства, томившаго ея душу: вѣдѣла, что бы ее заставило измѣнить своей регулярной жизни и не спать, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ? Я началъ сладко забываться подъ вліяніемъ взгляда, брошеннаго на меня кроткимъ изображеніемъ женщины, какъ вдругъ комната моя наполнилась свѣтомъ. Я былъ очень удивленъ, увидавъ передъ собою Ульяну Терентьевну, всю въ бѣломъ, и смотрѣлъ на нее какъ на ночное привидѣніе. Но одной секунды было достаточно, чтобъ мое сердце оживилось другимъ чувствомъ. Она пришла взглянуть на меня еще разъ — я понималъ всю важность этого поступка. Я былъ очень счастливъ, что рано умѣлъ понимать и цѣнить подобныя вещи.

Я могъ бы ужъ привыкнуть къ Ульянѣ Терентьевнѣ и равнодушнѣ принимать ея ласки; но нѣтъ! никогда, ни послѣ многихъ лѣтъ нашего знакомства, я не могъ видѣть самаго легкаго доказательства любви ея ко мнѣ безъ того, чтобы къ моему сердцу не прилилъ теплый ключъ крови. Любовь ко мнѣ этой женщины была истинно необыкновенна и необыкновенное производила на меня дѣйствіе. Я любилъ нѣжно Наденьку, и Наденька меня любила, но это было совсѣмъ не то. Для меня и для Ульяны Терентьевны сдѣлалось даже потребностью видаться безъ свидѣтелей; до такой степени мы были въ нашей любви существами родственными, составляющими одно отдѣльное цѣлое.

Войдя ко мнѣ, она поставила на столикъ, у моего изголовья, свѣчу и опустилась колѣнами на коверъ, передъ моей кушеткою, облокотясь на мою постель локтями, поддерживая обѣими ладонями свою голову и прямо глядя мнѣ въ глаза. Зачѣмъ она избрала такую позицію? Право, мнѣ кажется, что ей въ это время хотѣлось быть маленькой дѣвочкой, моей ровесницей, и она этой позиціей выразила свое неясное для нея самой желаніе.

— Ульяна Терентьевна, сказалъ я со слезами на глазахъ: — я вижу и чувствую, что вы меня очень любите.

— Очень, отвѣчала она самымъ простодушнымъ тономъ, какимъ бы говорила маленькая дѣвочка, моя родственница: — очень, Николаша: больше, нежели ты думаешь.

— Нѣтъ, я совершенно понимаю ваши чувства! воскликнулъ я.

— Напрасно ты думаешь, что совершенно понимаешь ихъ, отвѣчала она. — За что, ты думаешь, я тебя люблю? или нѣтъ, почему бы мнѣ такъ сильно тебя любить? Не отвѣчай на это, потому что ты не знаешь, гдѣ начало этому чувству.

— А гдѣ же? сказалъ я, приподнявъ голову и опершись ею на руку.

— Я хочу, чтобъ ты зналъ меня больше, и потому пришла поговорить съ тобой; именно теперь я чувствую въ этомъ потребность.

— Теперь? повторяю я и ловлю всякій малѣйшій отвѣтъ чувства на лицѣ Ульяны Терентьевны.

— Мнѣ хочется тебѣ пожаловаться, Николаша, на свою судьбу и похвалиться милостью ко мнѣ Провидѣнія, продолжаетъ она.

Но, Боже мой! какъ ея голосъ могъ принять такое дѣтское, такое простодушно-нѣжное выраженіе!

— Такъ я не ошибся, сказалъ я: — что вы много страдали въ жизни?

— Много, мой другъ, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— Вашъ паненка....

— Нѣтъ, меня раньше и со всѣмъ другого рода постигло несчастье. Твоя мамаша жила дружно съ батюшкою?

— О, да! онъ всегда плачетъ по ней, когда мы служимъ за упокой ея души панихиду. А вы неужели...

— Да, я никогда не была въ ладу съ своимъ мужемъ, или, лучше сказать, онъ не былъ въ ладу со мною. Но я тебѣ скажу еще ужаснѣйшую вещь. Тебя любила твоя мамаша?

— Меня! я думаю, столько жъ, какъ и вы; да! я думаю, что она меня сильно любила.

— А меня нѣтъ, Николаша.

— Возможно ли это? вскричалъ я съ удивленіемъ, потому что ничего подобнаго еще не слыхивалъ.

— Бѣдный ребенокъ! сказала Ульяна Терентьевна: — какъ ты ни молодъ, но надо тебѣ узнать, что и такія вещи случаются на свѣтѣ.

— Расскажите же мнѣ, ради Бога, какъ это могло случиться! спросилъ я.

— У меня была меньшая сестра, отвѣчала она: — маменька видѣла въ ней свой портретъ и любила ее до такой степени, что испортила даже ея характеръ. Но не въ томъ дѣло. Я была красивѣе своей сестры. Это всѣ видѣли, это видѣла и маменька и — странное дѣло! — не могла слышать равнодушно, если меня хвалили.

— А сестра ваша?

— О, это было самое безпечное созданіе. Ей никакого не было до того дѣла, хороша ли она, или нѣтъ. Она ничего не принимала близко къ сердцу; ее ничто никогда не тревожило; она играла жизнью и играя вышла замужъ, и я увѣрена, что мужъ отъ нея въ восхищеніи, потому что это — предоброе и преселое созданіе.

— Гдѣ же она?

— Далеко на Кавказѣ. Пишетъ, что у нея куча дѣтей и что она совершенно довольна своею жизнью. Такъ и слѣдуетъ быть, потому что жизнь для нея — праздникъ. Это самая счастливая натура.... Но, прибавила Ульяна Терентьевна, немного помолчавъ: — я не желала бы быть ею и за спасеніе отъ всѣхъ страданій, какія я перенесла.

— О, нѣтъ! сказалъ я: — я бы охотно освободилъ васъ отъ вашихъ страданій, хоть бы вы должны были отдать за это всю красоту свою.

— Ты меня не понялъ, Николаша, сказала Ульяна Терентьевна, засмѣявшись: — изъ моихъ страданій родилось все счастье, или, лучше, опора счастья теперешней моей жизни.

— Какъ это, Ульяна Терештьевна ?

— Я съ дѣтства была одна и никѣмъ нелюбима.

— Никѣмъ ? а батюшка ?

— Батюшка не обижалъ меня, батюшка меня ласкалъ ; но это еще не значить любить. Мы разставались другъ съ другомъ безъ сожалѣнiя , а встрѣчались тоже безъ особенной радости. Намъ не о чемъ было говорить. Чтѣ занимало его , то меня совсѣмъ не занимало ; а чтѣ бы я могла ему сказать , того онъ никогда не расположенъ былъ слушать. Такъ мнѣ казалось, и думаю, что я не ошибалась. Батюшка изъ бѣдныхъ людей успѣлъ мало по малу службою, трудами и удачными денежными оборотами скопить себѣ значительный капиталъ. Это было его торжество , этимъ онъ гордился , объ этомъ постоянно думалъ и это же было причиною его смерти. Онъ былъ честный, благородный, добрый человекъ и онъ былъ мнѣ отецъ, но мы были съ нимъ чужие. Ко всему этому нужно было еще что-то : тогда бы мы были вполне отецъ и дочь ; а этого-то и неоставало. Я думаю, что вообще между дѣтьми и родителями потому мало мы видимъ нѣжной привязанности, что родители не употребляютъ всего своего ума и всей души на воспитанiе дѣтей ; да , это такъ.

— Но погодите, сказалъ я :— васъ непременно должна была любить одна особа — та, которая васъ воспитывала. Воображаю, въ какомъ она была восхищенiи отъ вашихъ успѣховъ.

— Нѣтъ, Николаша, никто не былъ въ восхищенiи отъ моихъ успѣховъ. Меня никто не училъ , мною никто не занимался съ любовью.

— Какъ же вы все это знаете , о чемъ сегодня мнѣ столько толковали ?

— Меня отдали въ пансионъ ; тамъ научили меня языкамъ и музыкѣ — вотъ и все мое воспитанiе. А дома уже и потомъ замужемъ, будучи одна, одна и одна, я принялась читать и учиться и въ этомъ нашла истинное утѣшенiе.

— Я хочу-таки, чтобъ васъ хоть кто нибудь любилъ , сказалъ я :— хоть недолго, хоть нѣсколько лѣтъ ; но невозможно жить безъ любви, — право, мнѣ такъ кажется. Вашъ мужъ, когда былъ вашимъ женихомъ, вѣрно любилъ васъ отъ всей души.

— Онъ былъ моимъ женихомъ только недѣлю.

— А прежде вы его знали?

— Нѣтъ, никогда и не видала.

— И вы могли отдаться человѣку, вамъ неизвѣстному?

— Я думала, что хуже мнѣ не будетъ, какъ дома. Онъ старикъ, думала я, человѣкъ благоразумный и спокойный; онъ будетъ любить и беречь меня какъ дочь. Вышло напротивъ. Въ немъ я нашла прямого гонителя. Но объ этомъ я не хочу рассказывать. Довольно того, что твоя Ульяна Терентьевна была жестоко и безпрестанно оскорбляема. Я думаю, что я бы умерла, но меня спасъ Сеня.

— Сеня? повторялъ я.

— Да; онъ былъ жалкимъ, заброшеннымъ мальчишкой, воспитанникомъ лакеезъ, которые составляли всегдашнее его общество. Я рѣшилась обратить этого мальчика въ человѣка, и это стоило мнѣ большихъ трудовъ и самоотверженія; но зато я въ первый разъ испытала чувство нѣжной привязанности. Все, что въ этомъ мальчикѣ показывалось добраго, всякое его знаніе, всякое правило поведенія, — все это было мое. Я полюбила его нѣжно какъ мать и до сихъ поръ такъ люблю его.

— Я удивляюсь, что вы могли полюбить сына Бога знаетъ чьего, сказалъ я.

— Какое мнѣ до того дѣла, чей онъ сынъ? отвѣчала Ульяна Терентьевна. — Я родила его въ глубинѣ моего сердца, я создала его вновь, создала изъ ничего; онъ мой потому, что безъ меня онъ не былъ бы самимъ собою. Развѣ я тебѣ мать или родственница? однакожь, ты въ одни сутки сдѣлался мнѣ ближе всѣхъ.

— И самой Наденьки?

— И самой Наденьки; потому что она — исполненіе, а ты — возможность; а во сколько разъ возможность выше исполненія? во столько, во сколько безконечное выше конечнаго.

— Что это значить? сказалъ я.

— Это значить, отвѣчала, смѣясь, Ульяна Терентьевна: — что я вообразила тебя Шиллеромъ и позабыла, что для тебя еще не всякій языкъ понятенъ.

— Однакожь, я желалъ бы понять это, сказалъ я, и столько разъ повторилъ мысленно слова Ульяны Терентьевны, что до сихъ поръ помню ихъ, а понялъ все-таки очень нескоро — черезъ нѣсколько лѣтъ, когда начиталъ эту мысль въ Шиллерѣ.

— Въ Наденькѣ я имѣю друга и товарища, продолжала Ульяна Терентьевна: — а ты для меня то, что для женщины всего дороже.... ты—дитя мое; съ тобою вмѣстѣ будутъ расти и цвѣсти лучшія мечты моего сердца. Я чувствую, что ты именно то, чего мнѣ надо, и ты не можешь не быть такимъ, какимъ я хочу тебя сдѣлать, потому что ты меня любишь. Да, мой другъ, я вознаграждаюсь за свои страданія, за свою жалкую жизнь этимъ чувствомъ любви, которую мои бѣдствія развили во мнѣ. Я должна была или умереть, или образовать въ душѣ своей такую жизнь, въ которую никто не можетъ вторгнуться и терзать меня. Съ того времени я поняла, что счастье только и состоитъ въ этомъ. Если я украшаю нашъ домъ и садъ, то неужели ты думаешь, что это я дѣлаю для себя? Я хочу, чтобъ дѣти моего сердца были поселены на землѣ прекрасно, чтобъ они были обставлены соотвѣтственно моимъ чувствамъ. Вотъ для чего я и хлопочу и придумываю все, что по моимъ средствамъ возможно, для улучшенія нашего быта.

— Ульяна Терентьевна, сказалъ я: — я думалъ, что я васъ совершенно зналъ, а теперь вы мнѣ кажетесь еще добрѣе, еще благороднѣе. Еслибъ я былъ камень, то и тогда бъ вы обратили меня въ человѣка.

Этотъ панегирикъ она приняла съ простотою ясной души, самою себя видящей. Не перемѣнила своего положенія, она наклонила немного впередъ голову и сдѣлала губами движеніе, что хочетъ поцаловать меня, и я поцаловалъ ее такъ, какъ будто моя меньшая сестра пришла пожелать мнѣ спокойной ночи. Въ это время исчезла для меня въ ея личности возвышенность ума, уничтожавшаго меня въ моемъ собственномъ о себѣ миѣніи. Я видѣлъ въ Ульянѣ Терентьевнѣ только простое, кроткое существо, которое всего больше нуждается въ любви Николаши. Нѣтъ, не мужское дѣло воспитывать дѣтей: ихъ дѣло профессорствовать. Женщинѣ ввѣренъ драгоценный долгъ питать и согрѣвать юную, раскрывающуюся душу. Женщина безъ намѣренія, безъ системы формируетъ молодое сердце въ прекраснѣйшій слѣпокъ, размягчая его массу материнскою любовью и ласкою. Боже мой! забуду ли я когда нибудь этотъ вечеръ, и по пробужденіи въ вѣчности не будетъ ли онъ моимъ первымъ воспоминаніемъ?

«Отчегожь именно теперь ей нужно было пожаловаться мнѣ на судьбу свою?» спрашивалъ я самъ себя, когда она, поправивъ на мнѣ одѣяло, удалилась, прекрасно скрипя башмаками. Многое приходило мнѣ въ голову, но ни на чемъ не могъ я окончательно остановиться, тѣмъ болѣе, что мысли мои съ каждой минутой дѣлались неповоротливѣе. Наконецъ я уснулъ самымъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ, какимъ никогда не засыпаетъ юноша, волнуемый любовью или поэтическими грезами, и какимъ никогда не спитъ человѣкъ въ среднихъ лѣтахъ, когда онъ позади видитъ несбывшіяся надежды, впереди — безсиліе, а въ настоящемъ чувствуетъ только вычетъ изъ жизни.

IX.

НОВЫЯ ЛИЦА. ДѢЛО ИДЕТЬ ВПЕРЕДЪ.

Какой приливъ жизни! сколько новыхъ ощущеній! сколько радостей! Сказать ли, на кого я былъ похожъ, проснувшись на слѣдующее утро? Я былъ похожъ на невѣсту, которая наканунѣ испытала все упоеніе взаимныхъ признаній. Теперь я былъ не одинъ — ребенокъ, непринadleжавшій ни къ дѣтямъ, ни ко взрослымъ: для меня существовала маленькая дѣвочка Ульяна Терентьевна, эта дѣтская душа, такъ сильно и иѣжно чувствующая. Она была моя навѣки. Я всегда и во всякомъ случаѣ могу къ ней обратиться за совѣтомъ, за участіемъ, за утѣшеніемъ. То ли именно я тогда чувствовалъ, то ли думалъ — не знаю; можетъ быть, мои сердечныя, невысказанныя рѣчи складывались совѣмъ въ другія формы, которыхъ мнѣ теперь не припомнить, — только состояніе души моей было самое торжествующее.

Какимъ взглядомъ обвелъ я свою комнату, — эту милую комнату, въ которой я наново былъ рожденъ любовью Ульяны Терентьевны! Все ожило отъ моего взгляда, все со мной заговорило, и самъ я къ каждому знакомому уже предмету обратился мысленно съ рѣчью. Эти картины были для меня живыми товарищами моего счастья, которыхъ мнѣ не забыть до смерти. Во всемъ, что со мной происходило, онѣ принимали самое дружеское участіе.

Взглянулъ я теперь на генерала — въ его лицѣ было уже совсѣмъ другое выраженіе. Казалось, онъ перебиралъ въ умѣ всю свою жизнь и никогда, ни въ одну ея эпоху, не могъ припомнить такого счастливаго созданія, а почему? потому, что не было другой Ульяны Терентьевны и не видалъ онъ ни въ комъ такой теплой любви къ ближнему, какою она меня наградила. Солнце, только что подынявшееся въ уровень съ окномъ, свѣтило ему прямо въ лицо, и онъ, казалось, думалъ, что только оно такъ грѣетъ, такъ благодѣтельно лелѣетъ молодыя растенія, какъ согрѣла меня у души своей Ульяна Терентьевна. Да, онъ это думалъ, онъ не могъ думать иначе.

Взглянулъ я на женщину въ точеныхъ креслахъ — она еще лучше самого генерала понимала, какъ меня любить Ульяна Терентьевна, и что я значу для ея души, и почему ей непременно нужно любить меня такъ, какъ она любитъ. Никто такъ не чувствуетъ, къ какой любви способно человѣческое сердце, какъ мать, держащая на колѣняхъ своего ребенка.

А «дѣвушки россійскія»? какъ онѣ ни веселы, какъ ни страстно дышать подъ жемчугами златыми ихъ нѣжныя груди, но онѣ бы позавидовали тому чувству, которое высоко подвинуло мою дѣтскую грудь.

И какъ ни спѣшатъ путешественники сквозь темный лѣсъ, но нигдѣ не найти имъ такого успокоительнаго пріюта, какой нашелъ я въ домѣ Ульяны Терентьевны.

Мнѣ казалось, что мои отношенія къ ней сдѣлались понятны не только дѣвушкѣ, которая подавала мнѣ умываться, но и серебряному умывальнику, который теперь еще ясное отражалъ въ себѣ мои радостные глаза, розовыя, загорѣлыя щоки и бѣдую шею. Я удивляюсь, какъ я могъ чтонибудь замѣчать, кромѣ Ульяны Терентьевны, къ которой приваждены были всѣ мои мысли и чувства; а между тѣмъ никогда еще глаза мои не были, могу сказать, такъ открыты на весь внѣшній міръ, никогда люди и природа не впечатлѣвали себя такъ сильно въ моей душѣ. Поэтому вы услышите отъ меня такія подробности о новыхъ лицахъ, показавшихся въ этотъ день въ домашнемъ кругу Ульяны Терентьевны, какъ будто я видѣлъ ихъ только вчера.

Послѣ чаю, мы едва начали свой день музыкою — Наденька учила меня гаммамъ — и ботаникою, подъ руководствомъ Гот-

Фрида, какъ приближалъ къ намъ Сеня съ радостными восклицаніями: «Бдуть! бдуть!» Намъ не нужно было спрашивать, кто бдетъ: мы знали, что это Дубинины. Ульяна Терентьевна поспѣшила въ домъ, чтобъ встрѣтить вмѣстѣ съ Сенею гостей, но мы остались въ саду въ своихъ фартукахъ, перчаткахъ, посреди леекъ и лопатокъ, что, кажется, доставило Готфриду особенное удовольствіе. Занятія наши, однакожь, были скоро прерваны, потому что Сеня велъ къ намъ Марью Антоновну, чтобъ показать ей, какъ онъ говорилъ, «своихъ чернорабочихъ». Мы должны были оставить свои гряды, освободиться отъ фартуковъ и провожать гостю по саду. Она была миловидная дѣвушка и, не будь подлѣ нея Наденьки, могла бы показаться прелестною; но Наденька блистала посреди садовой зелени какъ настоящая богиня Флора. Мнѣ не нравилось, что у Марьи Антоновны былъ острый носикъ и очень тонкія губы. Мнѣ было даже досадно на эти недостатки: безъ нихъ она была бы на мой вкусъ вдвое милѣе. Я также осудилъ бы въ ней издѣшную живость движеній, но и Наденька была необыкновенно жива въ своихъ пріемахъ; только у Наденьки все выходило какъ-то мягко, а у той какъ будто вмѣсто мускуловъ были стальные пружинки. А впрочемъ, Марья Антоновна была очень милая дѣвица: высокаго роста, съ богатою русою косою, съ голубыми, немножко, правда, зеленоватыми, глазами и съ голосомъ необыкновенно ласковымъ. Она спросила у Наденьки обо мнѣ: «это вашъ братецъ?» съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она отъ всей души желала, чтобъ я былъ братцемъ Наденьки.

Наденька отвѣчала, что нѣтъ, но что мы очень близкіе знакомые.

— Они знакомы со вчерашняго дня! перебилъ, засмѣявшись, Сеня.

— Если измѣрять знакомство временемъ, сказала Наденька.

— А чѣмъ же еще? спросила Марья Антоновна, наклоня немножко на сторону голову и посмотрѣвъ на нее совершенно такъ, какъ канарейка.

— Близость и далекость знакомства, сказала Наденька, немножко педантически: — не зависятъ ни отъ времени, ни отъ пространства....

Она что-то хотѣла сказать, но Марья Антоновна зачликала какъ птичка, съ необыкновенною живостью:

— Ахъ, да! эту мысль часто повторяла madame Fichu... Вѣдь вы не знаете, кто madame Fichu?

— Догадываюсь, отвѣчала Наденька — и посмотрѣла на меня.

Какъ она лукаво посмотрѣла!

— Кто же?

— Содержательница вашего пансіона.

— А вы ее знаете?

Наденька засмѣялась.

— Я волшебница, сказала она: — мнѣ извѣстно ваше прошедшее и будущее.

— Ахъ, какъ бы я желала знать свое будущее! сказала Марья Антоновна, необыкновенно нѣжнымъ голоскомъ, и при этомъ бросила на Сеюю томный взглядъ, который я очень хорошо замѣтилъ.

Отъ меня не укрылось также и то, какъ посмотрѣлъ на нее, въ отвѣтъ, Сеня. Съ этой минуты я ужь нарекъ ихъ мысленно мужемъ и женою.

— Извольте, я вамъ скажу, отвѣчала Наденька:—то, о чемъ вы теперь думаете, сбудется, и очень скоро.

На это Марья Антоновна нашла необходимымъ засмѣяться, потомъ слегка покраснѣть и потомъ поцаловать Наденьку. Все это сдѣлано было очень мило, только такъ, какъ будто она или подражала кому нибудь въ своихъ пріемахъ, или долго ихъ пробовала передъ зеркаломъ, запершись у себя въ комнатѣ, пока довела до послѣдняго совершенства. Въ Наденькѣ, напротивъ, все было свое и все дѣлалось ехромпту.

Разговоръ перешелъ къ предметамъ постороннимъ. Мы показывали гостѣ цвѣты и кустарники. Она всѣмъ любовалась и восхищалась, по видимому, отъ души, только нѣсколько разъ вспоминала о неизвѣстной намъ madame Fichu, которая какъ будто держала всѣ ея мысли на привязи.

Я слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ съ такимъ любопытствомъ, что еслибъ она была меньше занята кудрями и усами Сеи — онъ ей, по видимому, казался совершенствомъ красоты

— то ей бы было отъ моихъ неотвязныхъ взглядовъ очень неловко. Мнѣ хотѣлось напередъ рѣшить, каково съ нею будетъ намъ жить въ одномъ домѣ, но не могъ, просто не могъ. Въ ней было что-то неуловимое, что-то такое, чего никакъ нельзя опредѣлить, и все, что она говорила, все, что высказывалось въ ея наружности, производило на меня впечатлѣніе совершенно новое; ничего подобнаго я до сихъ поръ еще не испытывалъ, — именно, впечатлѣніе *неопредѣленности*. Я не чувствовалъ къ ней ни симпатіи, ни антипатіи, и это меня мучило. Сердце мое какъ будто потеряло способность чувствовать, чего еще никогда со мной не случалось. «Боже мой, да что же она такое?» спрашивала я самъ себя мысленно, съ такимъ безпокойствомъ, какъ будто мнѣ самому предстояло на ней жениться. Я смотрѣлъ на Наденьку испытующимъ взоромъ, какъ на живой термометръ; но Наденька при ней потеряла часть своей выразительности. Наденька была съ нею любезна до приторности, какъ будто тоже воспитывалась у madame Fichu, и мало по малу до такой степени сдѣлалась непохожею на ту Наденьку, которая за часъ еще была со мной такъ прямодушна, такъ искренна, что я не могъ ей надивиться. Мнѣ бы слѣдовало вспомнить, что я въ ея глазахъ былъ ребенокъ, и притомъ ребенокъ, котораго она любить и въ котораго добрыя чувства вѣруеть, а теперь она сошлась съ дѣвушкой незнакомою и воспитанною въ непохожихъ на ея понятіяхъ. Но нѣтъ, это не то: это происходитъ именно отъ неопредѣлительности характера, которою Марья Антоновна одарена въ ужасающей степени. Мнѣ она казалась похожею на кусокъ чего-то до такой степени холоднаго, что всякая теплота подлѣ нея должна была простынуть; ея душа представлялась мнѣ такими потемками, что всякій свѣтъ и блескъ уничтожались отъ одного къ ней приближенія. Все это я чувствовалъ такъ сознательно, какъ чувствовалъ бы морозъ зимою или непроглядную темноту ночью: А между тѣмъ щочки и глазки Марьи Антоновны горѣли и блистали всею силою молодости и отличнаго здоровья; разговоръ ея былъ оживленъ увлеченіемъ, истинно сердечнымъ. Она была чувствительна къ каждому цвѣтку, которыми ей хвалились, къ каждому красивому уголку окрестностей, которыя ей показывали. Только я бы получилъ лучшее понятіе о ея чувствахъ, еслибъ она не смотрѣла такъ на Сеню. Какъ она на него смотрѣла! И не знаю почему мнѣ не понравилось,

что она, любуясь окрестностями, осѣдомилась, всѣ ли эти поля и лѣса принадлежать къ Каратаевкѣ. А когда Сеня объявлялъ ей, что вся зарѣчная сторона, которую она видитъ, составляетъ его собственность, и что у него столько и столько десятинъ земли и лѣсу, это, какъ мнѣ показалось, доставило ей гораздо больше удовольствія, нежели всѣ георгины, воспитанныя искусною рукою Готфрида.

Какъ развернулся сегодня Сеня! какъ онъ сдѣлался ловекъ! онъ даже похорешѣлъ со вчерашняго дня, онъ просто сдѣлался молодыкомъ и красавцемъ. Но все, однакожъ, Марья Антоновна, во моему наблюденію, смотрѣла на него какъ-то странно. Я видѣлъ ясно, что она его любитъ; но Наденька не такъ смотрѣла бы на него, хоть бы любила въ десять разъ больше. Нѣтъ, я напрасно сказала, что я не чувствовала ни симпатіи, ни антипатіи къ этой дѣвушкѣ: я чувствовалъ, или по крайней мѣрѣ начиналъ чувствовать, къ ней антипатію. Я желалъ, чтобъ она скорѣй уѣхала и чтобы моя Наденька освободилась отъ страшнаго холода, которымъ вѣяло отъ этой дѣвушки, и удалилась отъ непроглядной тьмы, которая душа ея затмѣвала, какъ мнѣ казалось, все къ ней прикасающееся. Я былъ, поэтому, очень доволенъ, когда мы, обойдя весь садъ, повернули къ дому. Но и тамъ было мнѣ не легче. Я встрѣтился тамъ лицомъ къ лицу со старикомъ Дубининымъ.

Я видалъ прежде, и довольно часто, Дубинина; иногда мыл гостил у него съ батюшкой; я очень хорошо помнилъ его черные курчавые волосы, его высокій ростъ, толстый, пороткій, шарообразный на концѣ носъ, круглыя, твердыя на видъ, какъ бронза, щоки и веселые, насмѣшливые глаза; но—странно!—до сихъ поръ я какъ-то не обращалъ на него вниманія. Онъ былъ для меня чѣмъ-то въ родѣ цифры въ задачѣ. Дубининъ в 12. Дубининъ 180, Дубининъ в миллионъ—производили на мой умъ одинаковое впечатлѣніе. Теперь я какъ будто увидалъ его въ первый разъ или какъ будто искусный живописецъ нарисовалъ его передо мною самыми яркими красками и представилъ не только его крѣпкому, лоснящемуся лицу, но даже его повязанному широкимъ бантомъ кляччатому платку, его темно-зеленому скюртуму и огромнымъ, отлично вышитымъ сапогамъ особенную выразительность. Какой громадный человекъ былъ этотъ Дубининъ! какъ онъ былъ крѣпко сложенъ! каждый палецъ на рукѣ

его казался мнѣ великаномъ, и во всемъ убранствѣ комнаты Ульяны Терентьевны, отъ изящной мебели до дверныхъ скобокъ, не было, казалось мнѣ, ничего такого толстаго и твердаго, какъ ногти на большихъ его пальцахъ.

Я былъ небольшого роста, но, когда вошелъ въ комнату и взглянулъ на Дубинина, я почувствовалъ себя самымъ крошечнымъ человекомъ и назвалъ себя мысленно *homunculus*. Какъ это слово пришло мнѣ въ голову въ такой отдаленности отъ учителя и учителя латинской грамматики, не знаю, но привожу его для точности изображенія тогдашняго состоянія своей души. Я не могъ даже поклониться, какъ слѣдовало кланяться такому великому мужу, и сдѣлалъ самый маленькій, ничтожный, какъ и я самъ, поклонъ. Все, однако же, я поклонился, хотя могъ бы этого и не сдѣлать, какъ подумаю о произведенномъ на меня Дубининымъ впечатлѣнiи.

— Ба, ба, ба! закричалъ Дубининъ: (Онъ именно закричалъ, потому что голосъ его былъ громокъ какъ труба). — Да чтожь это у васъ за мальчикъ, *сосѣдушка*?

Этимъ именемъ онъ называлъ Ульяну Терентьевну, и—Боже!— какъ оно не шло къ ней! Она *сосѣдушка*? Ульяна Терентьевна? Нѣтъ, чтобы быть *сосѣдушкой*, которая бы пришлась какъ разъ по тону и голосу, какими произнесено было это слово, надобно было быть сестрой Дубинину, или самимъ Дубининымъ въ женскомъ платьѣ. *Сосѣдушка*!

Онъ, однакожь, не нуждался въ ея отвѣтѣ и продолжалъ:

— Да это сынишка нашего М., кажись? Что это вы, матушка, Ульяна Терентьевна (еще лучше!), не пенсийонъ ли у себя заводите? Ха, ха, ха!

«Боже мой! какой грубиянъ этотъ Дубининъ!» думалъ я.

Мнѣ казалось, что Ульяна Терентьевна должна была бы обидѣться не только каждымъ словомъ, но каждымъ звукомъ его рѣчи. Но Ульяна Терентьевна отвѣчала ему самымъ ласковымъ голосомъ:

— Вы ни на что не можете взглянуть, Антонъ Ивановичъ, чтобъ не смѣяться. У васъ самая счастливая натура.

Я между тѣмъ подошелъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ, которая сидѣла на софѣ, и очень былъ радъ, когда спряталъ себя за нею

отъ взоровъ Дубинина такъ, что только голова моя выглядывала изъ за ея плеча.

— Да нельзя, сосѣдушка, какъ посмотришь на Божій миръ, сказалъ Дубининъ: — люди, право, какъ-то мудрено живутъ, а ужъ никто мудренѣе васъ; ужъ вы меня извините, матушка Ульяна Терентьевна, а я по сосѣдски скажу вамъ, что мудрено изволите жить.

— Чтожъ въ моей жизни мудренаго? отвѣчала благосклонно Ульяна Терентьевна: — мнѣ кажется, напротивъ, я живу такъ просто, какъ только можно придумать.

— Правду изволили сказать! продолжалъ Дубининъ и засмѣялся такъ добродушно — хотя ужасно громко — что нельзя было, глядя на него, не смѣяться.

И всѣ мы смѣялись, и онъ, кажется, былъ этимъ очень доволенъ.

— Правду изволили сказать: какъ только можно придумать. Кому? вамъ! ха, ха, ха!

— Да укажите же мнѣ, Антонъ Ивановичъ, хоть какуюнибудь несообразность въ моей жизни, сказала Ульяна Терентьевна, и я удивляясь ея благосклонности: — я готова съ вами спорить и доказывать вамъ, что я права, а неправы тѣ, кому жизнь моя кажется мудреною.

Я смотрѣлъ черезъ плечо Ульяны Терентьевны на Дубинина, что онъ на это скажетъ, что можетъ онъ сказать противъ жизни Ульяны Терентьевны, которая мнѣ казалась образцовою, восхитительною жизнью. Но, къ удивленію моему, Дубининъ повѣсилъ задумчиво голову и только пропустилъ сквозь зубы слѣдующіе загадочные звуки:

«Хти, хти, хти, хти!»

Я сперва не понималъ, что это за слова, но черезъ минуту догадался, что это сокращеніе междометія *ахти!*

— Вы меня приводите въ отчаянье, Антонъ Ивановичъ, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна: — откройте мнѣ, что васъ такъ печалитъ въ моей жизни.

Дубининъ поднялъ голову, но уже не улыбался. Онъ смотрѣлъ на Ульяну Терентьевну съ выраженіемъ глубокомысленнымъ и почти строгимъ, какъ будто онъ былъ ея дядя или дѣдушка.

— Да вотъ хоть бы этотъ домъ, сударыня! любо, дорого смотрѣть, да вѣдь это капиталъ. Пожилъ бы да пожилъ вашъ племянникъ на денежки, которыя вы убили на усадьбу.

— Племянникъ мой и безъ того имѣеть средства жить.

— Вѣдь вы всѣ избы въ деревнѣ и всѣ дворы на-ново отстроили? продолжалъ Дубининъ, какъ будто ему ничего не отвѣчали.

— Зато моя деревня не развалина. Крестьяне мои сберегутъ здоровье въ удобныхъ и просторныхъ избахъ, скоть у нихъ будетъ крѣпче и рослѣе въ чистыхъ и теплыхъ хлѣвахъ, и выйдеть на повѣрку, что мое имѣннице будетъ приносить доходу втрое больше того, что оно у васъ приносило.

— Будеть или нѣтъ, это еще какъ Богъ пошлетъ. Скоть вашъ, пожалуй — чего, конечно, оборони Богъ — ляжетъ въ оливъ падежь, избы и теплые хлѣвы сгорятъ — не приведи Господь — отъ одной искры, и крестьяне ваши будутъ тѣ же мужики, что и въ старыхъ избахъ, а денежки ваши въ ломбартѣ черезъ восемнадцать лѣтъ удвоились бы, анъ вашему племяннику было бы чѣмъ дѣтокъ воспитывать. Вотъ онъ расчетець каковъ, сосѣдушка! Да и не пожаловался бы онъ на васъ тогда. Хтъ, хти, хти!

— Онъ во всякомъ случаѣ не будетъ на меня жаловаться: я употребила на его имѣнне свои деньги такъ, какъ умѣла лучше. Больше этого отъ человѣка требовать нельзя. Но въ этой жизни, которую я для него и для себя устроила, есть еще выгоды — и важныя — которыхъ вы не видите.

— Свои? повторилъ Дубининъ, не слушая Ульяны Терентьевны. — Это еще хуже.

— Отчего же?

— Оттого, сударыня, что Богъ вѣсть, какъ придется чело-вѣкомъ жить на вѣку. Вотъ мы съ сосѣдомъ М., съ отцомъ вашего пенційонера, были пріатели, а теперъ встрѣчаться въ одномъ домѣ не хотимъ.

— Что касается до этого, отвѣчала Ульяна Терентьевна: — то я скорѣй повѣрю, что моя собственная рука поссорится со мной, чѣмъ Сеня.

Съ какой любовью, съ какою вѣрой посмотрѣла она при этомъ на Сеню, который показывалъ въ это время гостѣй свой

кабинетъ и богатая ружья. Гостя, казалось, была отъ нихъ въ такомъ же восхищеніи, какъ и отъ цвѣтовъ въ саду. Она это всего была въ восхищеніи.

— Такъ, такъ, сосѣдушка, сказалъ помолчавъ, въ размышленіи, Дубининъ : — а все бы пусть лежала на черной день копейка.

И опять испустилъ тихое и печальное свое восклицаніе :
«Хти, хти, хти, хти!»

Оно въ самомъ дѣлѣ было печально, и Дубининъ показался мнѣ въ это время человѣкомъ очень чувствительнымъ. Особенно расположило меня въ его пользу то, что онъ съ какимъ-то сожалѣніемъ — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось — вспомнилъ о бывшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ своихъ съ моимъ батюшкой. За это я прощалъ ему даже то, что онъ называлъ меня *пенционеромъ*, хотя и чувствовалъ, что это очень глупо.

Но какая добрая Ульяна Терентьевна! Я до сихъ поръ не зналъ, сколько она сдѣлала добра для Сени и вмѣстѣ съ тѣмъ для своихъ крестьянъ. Мнѣ никто не сказалъ, какъ она отстроила свою деревню. И рѣшила воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ осмотрѣть ее.

— А сколько бишь вы платите своему нѣмцу? спросилъ вдругъ Дубининъ.

— Я вамъ говорила уже : сто цѣлковыхъ, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— Дармоѣду сто цѣлковыхъ! Вѣдь сто цѣлковыхъ деньги!

— Напрасно вы такъ думаете : онъ мнѣ очень полезенъ.

— *Полезенъ!*

Это слово Дубининъ произнесъ такимъ тономъ, которому я не нахожу названія. Но, кажется, онъ самъ не намѣренъ былъ придавать ему такой странной выразительности : оно у него вырвалось противъ воли.

— Какія фантазіи у людей знатныхъ! продолжалъ онъ тономъ добродушія, который былъ ему очень свойственъ : — но почему же не позволить себѣ маленькой прихоти? Семень Петровичъ рассказывалъ мнѣ, какъ вы вчера поймали гдѣ-то въ полѣ сынишку моего сосѣда и обратили его сразу въ генеральскаго ребенка. Право, его узнать нельзя. Волшебница вы, Ульяна Терентьевна, да и только. Изъ моей усадьбы сдѣлали петербург-

скую дачу; живете на большую ногу. Глядѣть на васъ весело, а все бы лучше, когдабъ приберегли на черной лемъ копейку. Я это по дружбѣ, по сосѣдски вамъ говорю, сударыня.

— Я и не сомнѣвалась никогда въ вашемъ добромъ расположеніи, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту лицо Дубинина было самымъ выразительнымъ изображеніемъ добродушія. Что онъ грубіанъ и задора, это я зналъ давно, но никогда не считалъ его злымъ человѣкомъ.

— Но мы вамъ ужъ наскучили, сказалъ онъ, поднимаясь. — Машенька, или какъ бишь ты учила звать тебя : Мари... ха, ха, ха ! пора намъ домой. Ей такъ у васъ пріятно, что она бы просидѣла до вечера.

— Мы надѣемся, что Марья Антоновна часто будетъ дарить насъ этимъ удовольствіемъ, сказала Ульяна Терентьевна.

— Позвольте, сосѣдщина, и отъ васъ того же надѣяться. — До сихъ поръ вы рѣдко ко мнѣ жаловали, — а все-таки я благодаренъ за отличіе отъ другихъ; теперь я семейный человѣкъ — милости просимъ.

Маша впорхнула какъ мотылекъ въ нашу комнату, чтобы проститься съ Ульяной Терентьевной и увѣрить ее, что она бы не разсталась съ ея очаровательнымъ домомъ и обществомъ. (Но домомъ прежде: все это такъ и толкало меня, — я ничего не пропускать безъ вниманія.)

Съ какою ловкостью, съ какою даже граціею подалъ ей Сень шляпку и зонтикъ ! Право, онъ былъ молодецъ. Я ему завидовалъ. Счастье удивительно развизываетъ человѣка, а онъ былъ теперь очень счастливъ. Это выражалось въ каждомъ его движеніи.

Ульяна Терентьевна была, по видимому, необыкновенно довольна его торжествомъ. Когда гости уѣхали, онъ тотчасъ обратился къ ней и расцаловалъ ея руки съ чувствомъ самаго нѣжнаго сына.

— Что вы скажете, мамаша ? спросилъ онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

— Прелестная, милая дѣвушка ! отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— И она меня любитъ.

— Ты увѣренъ?

— Какъ въ вашей любви!

— Благослови тебя Господь, если такъ, сказала Ульяна Терентьевна, поцаловавъ его въ лобъ.

Онъ опять перецаловалъ ея руки и весело выбѣжалъ изъ комнаты, щелкнувъ мимоходомъ пальцами передъ своимъ носомъ. Собаки побѣжали за нимъ, прыгая на него сзади и раздѣляя по своему его радость.

X.

ДУБИНИНЪ И БАТЮШКА. СЕНЯ ТОРЖЕСТВУЕТЪ.

Зачѣмъ выбѣжалъ Сеня изъ комнаты, не знаю, но догадываюсь, что ему хотѣлось проводить глазами экипажъ Дубининыхъ по дорогѣ, видной съ высокаго берега на далекое разстояніе. Я былъ доволенъ его отсутствіемъ: я хотѣлъ знать, что скажетъ Наденька о новой своей знакомкѣ. Къ удивленію моему, она разлилась въ похвалахъ Марѣ Антоновнѣ. «Прелесть! очарованіе! что за манеры! что за любезность! что за сердце!» Въ простотѣ души, я принималъ всѣ эти восклицанія въ буквальномъ смыслѣ. Но Ульяна Терентьевна вывела меня изъ заблужденія.

— Ты, Наденька, неправа, сказала она. — Чего ты хочешь отъ молодой дѣвушки, воспитанной какою нибудь madame Fichu, по найму, безъ материнскаго надзора? По мнѣ, такъ Марья Антоновна — дѣвица, достойная всякаго уваженія.

— Оно и воздается ей, отвѣчала Наденька.

— Мнѣ кажется, продолжала Ульяна Терентьевна: — ты составила себѣ ошибочное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ людей.

— Можеть быть, отвѣчала Наденька: — только не о Дубининыхъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ мой умъ, какъ бы ни мало была я проникательна, но люди эти такъ рѣзко бросаются въ глаза, что я смѣло могу произнести о нихъ свой судъ.

— Не слышишь другъ мой: можешь ошибиться.

— Это, тѣтя, можно сказать и обо всякомъ другомъ сужденіи; но надобножь отдавать себѣ отчетъ въ наблюденіяхъ, чтобъ повѣрять ихъ опытомъ.

— Хорошо: чѣмъ же тебѣ кажутся Дубинины?

Я удвоилъ вниманіе.

— Отецъ — человѣкъ безъ сердца и золь попросту, безъ за-тѣй, а дочь — дѣвушка тоже безъ сердца, но зла уже не попросту: она зла утонченно, — *обворожительно-зла*. По мнѣ, овъ во столько разъ лучше ея, во сколько грабитель на большой до-рогѣ лучше грабителя, прикрытаго личиною добраго человѣка.

— Боже мой! Наденька! воскликнула Ульяна Терентьевна съ какимъ-то испугомъ. — Можно ли доходить до такихъ край-ностей въ антипатіи къ людямъ, въ которой ты сама себѣ не можешь дать отчета? Ты не полюбила обоихъ Дубининыхъ съ перваго взгляда, а за что — до сихъ поръ не можешь сказать.

— Я не полюбила ихъ за то, отвѣчала Наденька: — что ихъ не за что полюбить.

— Да чего же ты отъ нихъ требуешь? прервала ее съ жи-востью Ульяна Терентьевна. — Развѣ ты въ состояніи любить въ другихъ только свои достоинства?

— Нѣтъ, тѣтя; я въ состояніи любить человѣка безъ всякихъ особенныхъ достоинствъ, какъ, наиримѣръ, этого мальчика (она указала на меня). Но мнѣ противна, смертельно противна эта не-симпатичность, которая проглядываетъ въ каждомъ словѣ Дуби-ныхъ. Ихъ въ нашемъ быту, въ нашихъ удовольствіяхъ, въ на-шихъ интересахъ ничто не заняло. Мы, въ ихъ глазахъ, похожи на мраморныя куклы, выставленныя въ магазинѣ съ надписью на ярлычкахъ: что мы означаемъ то-то и стоимъ столько-то.

— Ахъ, Наденька! перебила опять Ульяна Терентьевна съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: — вѣдь это только грубость по-нятій....

— Да, да! вскричала Наденька, какъ будто обрадовавшись счастливому выраженію, которое не приходило ей на память: — *грубость понятій*, и этого довольно, чтобъ уничтожить всю пре-зельность сообщества такихъ людей!

— Но, другъ мой, ты сама себѣ противорѣчишь....

— Я знаю, что вы хотите сказать, тѣтя. Нѣтъ, я принимаю ваши слова въ обширномъ смыслѣ. Грубость понятій, по моему,

значить — отсутствіе всякой поэзіи въ жизни. Если угодно. Дубинины не злы, а только грубы; но этикъ и всё злые люди не злы: они только грубы, — только!

— Нѣтъ, Наденька, это натяжка, сказала, покачавъ головой, Ульяна Терентьевна. — Но положимъ. Все, однако же, ты смѣшиваешь вмѣстѣ двѣ различныя личности.

— Вы говорите о Марьѣ Антоновнѣ? Ахъ, тѣтя! неужели вы такъ мало проницательны? Нѣтъ, вы только снисходительнѣе меня. Вы вообще снисходительны къ людямъ, а я признаюсь, не понимаю, какъ могло образоваться въ васъ это чувство. Марья Антоновна получила въ наслѣдство отъ отца всю его грубость, всю эту тенденцію къ *веществу* и апатію къ тому, что собственно составляетъ *человѣка*. Она только научилась восхищаться нѣкоторыми предметами, которыми восхищаться принято; но въ душѣ она ко всему, кромѣ себя, равнодушна.

— Какъ! ты отвергаешь въ ней даже способность любить?

— Нѣтъ, эти люди тоже любятъ, какъ и другію, но только особеннымъ образомъ. Напримѣръ, я не скажу, что Марья Антоновна не любитъ Сеню: она его любитъ; но для меня такая любовь едва ли была бы пріятнѣе ненависти. Доброму Сенѣ, конечно, не придетъ этого въ голову, и онъ будетъ счастливъ.

— Что же ты этимъ хочешь сказать?

— Вотъ что. Душонка Марьи Антоновны состоитъ изъ двухъ истиннотвъ, — я не скажу: чувствъ — слишкомъ много чести: изъ самосохраненія и стремленія къ помѣщенію себя между другими созданіями какъ можно пріятнѣе, по-просту — къ достиженію доступныхъ для такой душонки удовольствій.

— Ахъ, ты глупенькая! сказала, засмѣявшись, Ульяна Терентьевна: — да мы всё вертимся на этихъ двухъ началахъ.

— Всѣ, только мы не замкнуты въ самихъ себѣ: у насъ есть симпатія ко всему творенію Божію, — вотъ въ чемъ разница. Разница невелика, но она составляетъ все отличіе *человѣка* отъ не-человѣка и даетъ начало всему прекрасному и великому въ *человѣчествѣ*! Въ Дубининыхъ этого нѣтъ: они любятъ и ненавидятъ только по отношенію къ первымъ двумъ началамъ. По этому-то я и могу сказать о нихъ:

«Душѣ противны вы, какъ гробы!»

Какой живописный жестъ сдѣлала при этомъ рукою Наденька! Я не помню, въ тѣхъ ли самыхъ выраженіяхъ высказывала

она свою антипатію къ Дубянинымъ, какими я выражалъ ея чувство, по воспоминавію общаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ разговоромъ: но стихъ, и тонъ, какимъ онъ былъ произнесенъ, и жестъ, которымъ онъ сопровождался, и разгорѣвшіяся щоки и блестящіе глаза Наденьки, — все это живо въ памяти моего слуха и воображенія, какъ будто сцена происходила передо мной вчера.

На Ульяну Терентьевну, однакожь, разговоръ этотъ производилъ, какъ я замѣтилъ, тяжелое впечатлѣніе, и потому я былъ доволенъ, что приходъ Сени прервалъ его.

— Новые гости! сказалъ онъ: — Карпъ Ивановичъ!

При этомъ имени я покраснѣлъ: мнѣ было стыдно предстать предъ батюшку въ новомъ костюмѣ. Наденька и Ульяна Терентьевна значительно переглянулись, и я покраснѣлъ больше прежняго: мнѣ показалось, что онѣ иначе объяснили себѣ мое смущеніе.

Въ это время послышался стукъ таратайки, подѣхавшей къ крыльцу, и скоро закрипѣли въ передней новые батюшкины сапоги. Батюшка привезъ изъ городка Н. чудные сапоги, какихъ онъ еще никогда не заказывалъ. Когда онъ ихъ примѣривалъ и прошелся по комнатѣ, я былъ восхищенъ ихъ скрипомъ, и теперь былъ очень радъ, что Ульяна Терентьевна увидитъ его въ такихъ отличныхъ сапогахъ.

Какъ величаво вошелъ батюшка въ залу! какое въ немъ выражалось чувство собственнаго достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительность къ Ульянѣ Терентьевнѣ! На немъ былъ сивій сюртукъ, который онъ надѣвалъ очень рѣдко, и потому этотъ сюртукъ былъ постоянно новъ, какъ будто еще только на прошлой недѣлѣ вспрыскивалъ и утюжилъ его человекъ Дубянина, а между тѣмъ это одно изъ древнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Сѣдые курчавые волосы батюшки, упавшіе мягкими локонами на его загорѣлыя, румяныя щоки, очень согласовались съ синимъ цвѣтомъ. Не меньше прилаивала ему красы и бѣлая косынка, которою повязана была его шея. Батюшка былъ очень приятный и даже красивый мужчина въ этомъ костюмѣ. Мнѣ было весело смотрѣть, какъ онъ «подошелъ къ ручкѣ» Ульяны Терентьевны, спросилъ о ея здоровьѣ и потомъ очень пріятно поклонился Наденькѣ.

Съ какой радостью я подбѣжалъ бы къ нему! но новый мой костюмъ держалъ меня въ оцѣпенѣннн. Батюшка устремилъ на меня долгій взглядъ и, кажется, читалъ въ глубинѣ души моей. Мнѣ было передъ нимъ очень неловко.

— Что это ты, Николай, сказалъ онъ наконецъ (Онъ называлъ меня уменьшительнымъ именемъ только когда былъ мною совершенно доволенъ): — откуда это ты взялъ павлиньи перья?

— Карпъ Ивановичъ, прервала его Ульяна Терентьевна: — погодите, вы совѣмъ его сконфузили. Пожалуйте со мной на минуту въ эту комнату.

Батюшка еще обвелъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, однакожъ, не сказалъ ничего и ушелъ за Ульяной Терентьевной. Они провели тамъ нѣсколько минутъ, и я съ нетерпѣннмъ ожидалъ конца ихъ разговора. Между тѣмъ Наденька старалась меня утѣшить похвалами моему отцу. Я думаю, что у нея была эта цѣль, когда она дѣлала сравненн между нмъ и Дубянинымъ, и это заставило меня убѣдиться больше прежняго, что у нея самое нѣжное сердце — иначе она не сказала бы мнѣ — я думаю, что не сказала бы — что она желала бы видѣть его портретъ рядомъ съ портретомъ отца Ульяны Терентьевны. Я въ ту же минуту усомнился въ ея искренности, но былъ тронутъ ея добротою, и мысль ея мнѣ очень понравилась. Глаза мои невольно устремились на стараго генерала, и какъ ни мало вѣрилъ я словамъ Наденьки, но ихъ было довольно, чтобъ я открылъ въ его лицѣ сходство съ батюшкой. У него, правда, были черты товше и изящнѣе, но выраженн лица было почти тоже самое, особенно когда я представилъ въ воображенн положенн головы и взглядъ батюшки въ то время, когда онъ читаетъ Державина. Въ это время онъ всегда бывалъ очень величественъ.

Я пожалъ и поцаловалъ у Наденьки руку, что, кажется, она приняла съ удовольствнмъ. Вдругъ слышу громкн слова, батюшки:

— Ульяна Терентьевна! вы удивительная, благороднѣйшая женщина, и Господь наградитъ васъ по великой своей милости!

Вслѣдъ за тѣмъ отворилась дверь, и Ульяна Терентьевна возвратилась къ намъ съ батюшкой. Онъ посмотрѣлъ на меня теперь такимъ взглядомъ, что я невольно былъ увлеченъ къ нему.

— Ну, обними меня, Николаша, сказалъ онъ: — сегодня великій день для меня и для тебя!

Смысль этихъ словъ объяснился для меня въ послѣдствіи: теперь я чувствовалъ не размышляя радостную перемену въ обращеніи батюшки.

Мы усѣлись близко другъ отъ друга на креслахъ, — Ульяна Терентьевна подлѣ батюшки, а я подлѣ него съ одной стороны и подлѣ Наденьки съ другой. Я переходилъ глазами съ одного лица на другое; каждое лицо выражало радость. Ульяна Терентьевна и Наденька были награждены пріѣздомъ батюшки за привужденіе, которое онѣ испытывали въ присутствіи Дубининыхъ, а мы съ батюшкой имѣли каждый свою причину радоваться. Не знаю, каковъ бы былъ между нами Сеня; но его не было въ домѣ. Онъ сдѣлался необыкновенно суетливъ и безпрестанно брался то за одно, то за другое дѣло, какъ будто готовился къ какому-то необыкновенному событію. Минуту назадъ онъ рылся въ своемъ шкапу съ платьемъ, потомъ смотри — ужъ онъ бѣжитъ въ конюшню, тамъ суетится у своихъ ружей, потомъ опять исчезнетъ, появившись въ комнатѣ на одну минуту, какъ будто искалъ кого, заглянулъ—нѣтъ, и отправился искать далѣе.

— Какое со мной приключеніе случилось! началъ батюшка. — Кучеръ мой — пресонливый мальчикъ; залремалъ и уронилъ возжи. Лошадь понесла — хорошо еще, что на ровномъ мѣстѣ. Все-таки я вижу, что бѣда, а помочь нечѣмъ. Вдругъ вдали кто-то ѣдетъ; смотрю—Дубининъ. Въ одну минуту кучеръ и лакей его соскакиваютъ на землю и останавливаютъ мою лошадь. Я никогда не питалъ къ Дубинину злобы: это ему угодно было считать меня своимъ врагомъ. Но еслибъ онъ и смертельно меня обидѣлъ, я бы все-таки чувствовалъ теперь его услугу. Вотъ я вылѣзъ изъ таратайки и пошелъ поблагодарить его. Дубининъ дружески протягиваетъ мнѣ руку. Это меня удивило. Онъ человѣкъ гордый и мстительный. Думаю: что съ нимъ сдѣлалось? Но какъ бы то ни было — мы помирились; онъ просилъ меня забыть все старое и отрекомендовалъ своей дочери—очень миловидная дѣвица, можно сказать, красавица. На старости, Дубинину это большое утѣшеніе.

— Видишь, Наденька, сказала Ульяна Терентьевна: — Дубининъ не совсѣмъ злой человѣкъ, какъ ты думала.

— Это меня не убѣждаетъ въ противномъ, отвѣчала Наденька: — я знаю, зачѣмъ примирился онъ съ Карпомъ Иванычемъ. Это ему теперь нужно. — Смотря по надобности, онъ готовъ сдѣлать добро и зло, но все это будетъ исходить изъ одного начала.

Ульяна Терентьевна хотѣла что-то отвѣчать, но опять явился Семя и помѣшалъ разговоръ.

Я былъ доволенъ Сенею за то, что онъ очень дружески и даже, какъ мнѣ показалось, почтительно пожалъ руку батюшки и осведомился о его здоровьѣ и дѣлахъ. Все, разумеется, было хорошо, и Семя сказалъ самымъ радушнымъ тономъ, что онъ очень радъ. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, потому что теперь въ каждомъ движеніи Сени выражалась радость, и еслибъ его теперь написать красками такъ, какъ онъ былъ, то изъ него вышло бы отличное изображеніе счастливой молодости.

Не знаю, къ чему онъ спросилъ, не встрѣтилъ ли батюшка Дубининыхъ: кажется, онъ не могъ ни о чемъ больше говорить, и, только сдѣлавъ уже вопросъ, вспомнилъ, что для батюшки эта встрѣча не могла быть такъ пріятна, какъ для него. Зато какъ онъ былъ радъ, узнавъ о примиреніи батюшки съ Дубининымъ!

— Сосѣдство наше, сказалъ онъ: — теперь будетъ для насъ вдвое пріятнѣе! Я еще больше уважаю теперь Антона Иваныча и васъ.

Это было сказано умно. Всѣ остались довольны Сенею, не исключая и Наденьки, и разговоръ обратился къ хозяйству. Батюшка совѣтъ не тѣми глазами смотрѣлъ на усовершенствованія Ульяны Терентьевны, какъ Дубининъ, и мнѣ любопытно было узнавать изъ его распросовъ разныя подробности домашняго управленія и экономіи нашей прекрасной сосѣдки. Когда Ульяна Терентьевна предложила батюшкѣ посмотреть ея плантацію выписного табаку, я пошелъ вмѣстѣ съ ними и разсматривалъ табачные листья съ такимъ любопытствомъ, какъ будто я тоже владѣлецъ имѣнія. Наденька и Семя остались дома, каждый за своимъ занятіемъ. Ульяна Терентьевна показала намъ и скотный дворъ, и крынки для молока изъ можжевельоваго дерева, и свою пасѣку, которую она развела изъ купленныхъ у батюшки ульевъ. Тутъ явился къ намъ и Готфридъ въ своей синей курткѣ и соломенной шляпѣ, которую онъ снялъ, прибли-

заясь къ Ульянѣ Терентьевнѣ, и держалъ подъ рукою. Готфридъ, кажется, тоже любилъ батюшку, судя по развязности, съ какою онъ объяснялъ ему ломаными своимъ выговоромъ разные фокусы пчеловодства. Батюшка замѣтилъ, что онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ послѣднее время; но Готфридъ увѣрялъ, что онъ всегда чувствуетъ себя здоровымъ.

— У него медленная чахотка, у бѣднаго моего Готфрида, сказала Ульяна Терентьевна, когда онъ отошелъ къ дальнимъ угламъ. — Онъ недолго проживетъ бѣдняжка. А жаль: добрейшее существо, какое только можете себя представить.

Эти слова поразили меня: я не могъ вообразить, чтобъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ было такъ близко несчастье. Потерю Готфрида я считалъ для нея несчастьемъ весьма важнымъ. Послѣ этого я началъ обходиться съ добрымъ Готфридомъ еще дружелюбнѣе и часто проводилъ въ его воздушной спальнѣ по цѣлому часу, спрашивая о Шиллерѣ. Готфридъ былъ полонъ вѣры въ жизнь за гробомъ: его мечты о встрѣчѣ душъ совершенно согласовались съ поэтическими представленіями Шиллера, и я отъ всего сердца раздѣлялъ его убѣжденія. Они утѣшали меня въ предстоящей ему близкой кончинѣ, которую я читалъ въ его безкровномъ лицѣ и въ свѣтлыхъ, неестественно блестящихъ глазахъ. Бѣдный Готфридъ! ты мелькнулъ на горизонтѣ моей жизни какъ идеальное созданіе Шиллера, болѣе принадлежащее поэзии, нежели дѣйствительности. Счастливъ ты, что вѣра твоя въ созданія твоего поэта не была разочарована. Судьба въ Россіи указала тебѣ женщину, которая была такъ близка къ его высокимъ идеаламъ. Что было бы съ тобой, еслибъ ты не имѣлъ ея передъ глазами! ты былъ бы похожъ на цвѣтокъ, сегодня расцвѣтшій на солнышкѣ, а завтра убитый морозомъ. Бѣдный Готфридъ!

Мы воротились къ обѣду съ прекраснымъ аппетитомъ. Батюшка былъ приглашенъ къ нему заблаговременно, и у его прибора положеца была деревянная ложка. Онъ дома жилъ очень просто и, не привыкнувъ къ серебрянымъ ложкамъ, удивлялся, какъ люди не обжигаютъ себя ими губъ. Простодушная откровенность его понравилась Ульянѣ Терентьевнѣ; Готфриду было поручено сдѣлать изъ пальмы хорошую ложку, такъ какъ онъ былъ мастеръ на деревянные работы, и теперь эта ложка явилась въ первый разъ на столѣ, къ удовольствію батюшки, который

высоко цѣнилъ всякую заботливость о немъ со стороны Уляны Терентьевны.

Завѣсясь салфеткою, подъ самый подбородокъ, чтобъ не закапать своего сюртука, съ котораго сдувалъ онъ всякую пылинку, батюшка, съ своею деревянною ложкою, былъ среди насъ лицомъ патріархальнымъ. Мнѣ въ немъ всего больше нравилось то, что онъ нисколько не стѣснялся въ обществѣ людей столь образованныхъ и, какъ бы онъ самъ выразился, «модныхъ», хотя оказывалъ явное почтеніе къ ихъ преимуществамъ. Все въ немъ было такъ просто и обычно, какъ будто онъ обѣдалъ у себя дома; онъ оставался съ своими привычками и не хотѣлъ поддаваться подъ утонченные обычаи сосѣдей. Если знакомство съ Улянной Терентьевной произвело какую нибудь въ немъ перемѣну, то эта перемѣна выразилась только въ приобрѣтеніи отличныхъ сапоговъ, какихъ онъ никогда еще не нашивалъ. Сапоги были точно отличные и скрипѣли на славу.

Я думалъ, что послѣ обѣда батюшка увезетъ меня домой, и признаюсь, очень боялся этого; но у него не было такого намѣренія. Онъ объявилъ мнѣ, что я остаюсь у Уляны Терентьевны на всѣ вакаціи и велѣлъ мнѣ повиноваться ей во всемъ какъ матери. Это было совершенно лишнее. Уляна Терентьевна была для меня добрымъ геніемъ, всѣ ея желанія были такъ благородны, всякое приказаніе выслушивалъ я отъ нея съ такою любовью, что здѣсь не могло быть мѣста несогласію. Но у родителей это ужъ обычная фраза: даже тѣ изъ нихъ, которыхъ дѣти совсѣмъ не слушаются, — оставляя ихъ на попеченіе наставниковъ, очень важно приказываютъ повиноваться какому нибудь Карлу Карловичу или Каролинѣ Францовнѣ какъ самимъ себѣ.

До сихъ поръ я только мечталъ, что никогда не разстанусь съ Улянной Терентьевной; теперь эта мечта сдѣлалась дѣйствительностью. Я видѣлъ, что я принадлежу ей по праву, утвержденному самимъ батюшкой; что если мы и разстанемся до новыхъ вакацій, то все же я ворочусь къ ней. Батюшка сказалъ ясно, что я дома, оставаясь безъ надзора и безъ ученія, только балуюсь. Слѣдовательно, онъ никогда не увезетъ меня отъ Уляны Терентьевны. Я убѣдился въ этомъ еще больше, когда вечеромъ того же дня пріѣхалъ съ одной стороны мой зеленый сундукъ, а съ другой — выписанный изъ города портной. Уляна Терентьевна послала за нимъ еще вчера своего человѣка и поручила

ему вмѣстѣ съ тѣмъ купить сукна и другихъ матерій. Меня измѣряли бумажкою во всѣхъ направленіяхъ, и портной, на другой уже день, принесъ придѣть на меня сметанный сюртукъ. Цѣлую недѣлю я часто долженъ былъ подвергаться его изслѣдованіямъ о длинѣ и толщинѣ моихъ членовъ; наконецъ у меня явился совсѣмъ новый гардеробъ. Куда дѣвались мои красные жилеты и длиннополые сюртуки, объ этомъ я не заботился; только они исчезли навсегда и уже больше не появлялись въ моей жизни.

Я былъ такой молодецъ въ новомъ черномъ сюртукѣ, въ клетчатомъ пикетовомъ жилетѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ и соломенной шляпѣ, которую также привезли изъ города, что покойный Яковъ Яковлевичъ и не узналъ бы меня. Я думалъ о томъ, какое пріятное впечатлѣніе произведу я на Катю и на ея мужа, у которыхъ въ домѣ я жилъ, и какой вѣсъ получу въ глазахъ своихъ товарищей, одѣтыхъ по большей части въ нанковые длиннополые сюртуки. Мнѣ было пріятно узнать, какую важность придавала Ульяна Терентьевна моей личности: до тѣхъ поръ, пока не былъ готовъ мой костюмъ, она отложила визитъ Дубининымъ. Наконецъ я одѣлся съ ногъ до головы, былъ при помаженъ собственными руками Ульяны Терентьевны, расчесанъ самою Наденькою; къ крыльцу подкатила коляска; мы сѣли въ нее втроемъ, а Сеиъ подвелъ коня, котораго, кажется, онъ самъ чистилъ, потому что все почти утро просидѣлъ въ конюшнѣ, и мы отправились черезъ деревню съ новыми избами, мимо плантаціи табаку, мимо строящейся вѣтряной мельницы, потомъ по рѣчному берегу, вдоль прекрасныхъ полей съ одной стороны рѣки и луговъ — съ другой, наконецъ пріѣхали къ Дубининымъ.

Я могъ бы рассказать многое объ ихъ поновленномъ бытѣ, о противоположности съ Ульяной Терентьевной въ устройствѣ имѣнія, о томъ, что говорилъ Антонъ Ивановичъ, о томъ, какъ была любезна Марья Антоновна; но считаю это лишнимъ, потому что исторія этого семейства, несмотря на предстоящую женитьбу Сеи, мало входитъ въ исторію Ульяны Терентьевны. Я не хочу, мнѣ тяжело отрываться отъ цѣлительныхъ личностей ея и Наденьки для изображенія людей, къ которымъ я не чувствовалъ никакой симпатіи. Довольно будетъ, если я скажу, что мы считывали пробыть у нихъ не больше двухъ часовъ, но были удержаны обѣдать. Дубининъ рекомендовалъ себя человѣкомъ старинныхъ правилъ и на этомъ основаніи позволилъ себѣ рас-

порядиться нашими удовольствиями по своему, что было очень приятно Сентъ, а потому нетягостно и для Ульяны Терентьевны; но я и Наденька скучали во весь обедъ, который былъ очень хорошъ и даже роскошенъ. Дубининъ самъ это находилъ, самъ расхваливалъ свои кушанья, приговаривая: «не красна изба углами, красна пирогами», и самъ отдавалъ имъ справедливость отличнымъ аппетитомъ. За обедомъ его можно было назвать истиннымъ счастливцемъ: какъ блестяли его глаза, когда на столѣ появлялась какая нибудь великолѣпная кулебяка! съ какою любовью выбиралъ онъ для себя увѣсистый кусокъ говядины! какая доброта разливалась по всему лоснящемуся его лицу, когда онъ упрашивалъ насъ «кушать не церемонясь!» Онъ такъ былъ хорошъ въ своемъ родѣ за обедомъ, что послѣ миѣ уже трудно было и вообразить его въ другомъ положеніи. Это былъ истинно обѣденный человѣкъ.

Когда мы встали изъ за стола, веселость Дубинина продолжалась неизмѣнно еще нѣсколько минутъ; но съ послѣднимъ глоткомъ кофе она уступила мѣсто какому-то раздумью. Онъ рѣже предлагалъ Ульянѣ Терентьевнѣ хозяйственные и денежные вопросы, пересталъ рассказывать о своихъ покупкахъ въ губернскомъ городѣ и наконецъ, повѣся голову, произнесъ самымъ трогательнымъ тономъ свое «хти-хти-хти!»

«О чемъ вздыхаетъ этотъ толстякъ?» думалъ я, разумѣется, никогда бы не додумался. Ульяна Терентьевна была проницательнѣ меня. Она съ разу объявила своему сосѣду, что ему пора отдыхать, а намъ ѣхать домой. Дубининъ сознался откровенно, что онъ часа на три послѣ обѣда ни на что кромѣ сна негоденъ, но просилъ насъ погулять у него въ саду и остаться откушать чаю. На это Ульяна Терентьевна, къ великому моему удовольствію, не согласилась, и мы уѣхали.

— Гдѣ же Сеня? сказала Ульяна Терентьевна, когда мы отъѣхали немного отъ деревни Дубинина.

Мы всѣ оглянулись: его не было видно. Онъ простился съ Дубининимъ такъ же, какъ и мы; онъ вмѣстѣ съ нами вышелъ на крыльцо; я даже видѣлъ, какъ онъ поставилъ ногу въ стремя, а между тѣмъ остался.

Наденька шутя сказала, что этотъ часъ рѣшить судьбу всего нашего семейства, — то есть, я думаю, что шутя; а можетъ быть она была проницательнѣ всѣхъ насъ. Отъ этого часа ширею

зависѣла вся будущность Сени, Наленьки, Ульяны Терентьевны и моя.

Сеня оставался у Дубининыхъ до глубокой ночи, объяснился съ дочерью, получилъ согласіе отца и возвратился домой къ ужину женухомъ. Это событіе мы все предвидѣли; но странное чувство сжало каждому изъ насъ сердце, когда счастливый любовникъ объявилъ намъ торжественно, что дѣло рѣшено. Даже Наленька не улыбнулась, — и только черезъ мгновеніе мы вспомнили, что надобно поздравлять жениха и желать ему всехъ благъ супружеской жизни.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ МОЕ СБЫВАЕТСЯ СЛИШКОМЪ СКОРО.

Съ этого времени начались взаимныя посѣщенія между двумя домами; но Ульяна Терентьевна бывала у Дубининыхъ рѣдко; гораздо чаще посѣщали ее Дубинины, а еще чаще, или, лучше сказать, каждый день, ѣздилъ къ нимъ Сеня. Онъ бы не прочь былъ тотчасъ и за свадьбу: но приличіе требовало, чтобы знакомство между женихомъ и невѣстою протянулось хотя мѣсяць. Въ его отсутствіе жизнь наша шла чудесно. Обѣ мои наставницы трудились надо мной неутомимо, и я къ концу вакацій почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ мальчикомъ. Съ какимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на меня батюшка, который иногда заставлялъ меня за урокомъ и слушалъ мои отвѣты! Когда онъ съ блестящими на глазахъ слезами цаловалъ у Ульяны Терентьевны руку и повторялъ, что она удивительная, благороднѣйшая женщина, я никогда не видалъ лица счастливѣе.

Но посреди радостнаго моего пребыванія въ домѣ Ульяны Терентьевны меня тревожили три обстоятельства. Первое: что Наленька никогда не говорила о Дубининыхъ и если заходила о нихъ рѣчь, то ограничивалась самыми обыкновенными выраженіями. Въ дѣвущкѣ, до такой степени живой, наблюдательной и вмѣстѣ съ тѣмъ склонной къ насмѣшливости, это могло считаться достоинствомъ: она уважала родственныя связи и не хотѣла давать воли своему языку. Но нѣтъ, въ этомъ молчаніи Наленьки крылось для меня что-то въ родѣ грустнаго предчест-

вія, — того предчувствія, котораго человекъ какъ-то боится даже и высказывать. Второе обстоятельство было тоже явленіе обыкновенное, но въ душѣ моей оно пробуждало тайный, болѣзненный откликъ. Это именно ласки Ульяны Терентьевны. Онѣ были до такой степени нѣжны, какъ у матери, которая, лишаясь одного дитяти, становится слѣпо-привязанною къ остальнымъ. Наконецъ третье — былъ мой скорый отъѣздъ въ училище. Я думалъ: «почему бы Ульянѣ Терентьевнѣ не оставить меня при себѣ, а батюшкѣ вовсе не уволить меня изъ училища? здѣсь я въ одинъ мѣсяць успѣлъ больше, нежели тамъ въ годъ.» Но этой мысли я не могъ высказать ни той, ни другому; срокъ моего выѣзда сокращался такъ быстро, какъ будто какое нибудь невидимое чудовище поглашало время цѣлыми сутками. Наконецъ я просыпаюсь въ послѣдній разъ въ милой моей комнатѣ; въ послѣдній разъ встрѣчаю глазами взглядъ кроткой женщины съ ребенкомъ; въ послѣдній разъ старый генералъ смотритъ, какъ я молюсь Богу; въ послѣдній разъ провожаю я по лѣсу путешественниковъ и кружусь воображеніемъ съ россійскими дѣвушками. «Готфридъ! — думаю я — скоро ли тебѣ придется за мною ухаживать? Я вѣрю, что тебѣ жаль со мною разставаться, хоть бы ты и не говорилъ мнѣ этого; но какъ ты мнѣ это сказалъ, и сказалъ съ такою добротою, то я, вмѣсто отвѣта, лучше молча тебя обниму и поцалую, — иначе рыданія — это я чувствую — прервутъ мои слова и я явлюсь къ утреннему чаю въ самомъ разстроенномъ видѣ.» Еслибъ не было тамъ Сени, я упала бы Наденькѣ или Ульянѣ Терентьевнѣ на колѣни и плакала бы какъ въ тотъ вечеръ, когда услышалъ въ первый разъ музыку и пѣніе; но при немъ я не хочу плакать. Онъ будетъ хохотать и потомъ расскажетъ о моихъ слезахъ своей невѣстѣ! нѣтъ, онъ не увидитъ моихъ слезъ и не будетъ знать, чего стоить мнѣ разлука съ Ульяной Терентьевной, и съ Наденькой, и съ добрымъ Готфридомъ, и съ этимъ счастливымъ уголкомъ, полнымъ души Ульяны Терентьевны. Я пью чай съ истинно-геройскимъ духомъ и только одного боюсь, чтобъ не зашелъ такой разговоръ, который бы потрясъ мою душу. Поэтому я стараюсь быть любезнымъ съ Сенею, я спрашиваю его о свойствахъ его собакъ и объ охотничьихъ правилахъ. Это долго не даетъ никому говорить, кромѣ меня и Сени; да кажется дамы и безъ того не расположены къ разговорчивости. Между тѣмъ я вижу, какъ Гот-

Фридъ укладываетъ платье, бѣлье и подаренныя мнѣ Ульяной Терентьевной книги, — чудныя книги, которыя въ другое время однѣ способны были бы составить мое счастье, а теперь я совсѣмъ о нихъ не думаю. Ульяна Терентьевна нѣсколько разъ выходитъ и дѣлаетъ Готфриду какія-то наставленія. Я жаднымъ слухомъ ловлю шелестъ ея платья и нѣжный скрипъ ея башмаковъ. И отчего Сеня остается дома? оттого, что Дубинины уѣхали въ городъ за покупками. Черезъ нѣсколько дней будетъ свадьба. Ничего, еще часть, и я освобожусь отъ тягостнаго принужденія. Наконецъ раздался грохотъ нашей брички, и батюшка явился, чтобы везти меня въ училище. Я суечусь, чтобы скрыть свое волненіе, говорю съ Готфридомъ о своихъ цвѣтахъ, которые поручаю его заботѣ, и играю съ собакой Сени. Я боюсь встрѣтиться съ глазами Ульяны Терентьевны и Наденьки, и, кажется, онѣ меня понимаютъ. По крайней мѣрѣ это облегчаетъ для меня тягость принужденія. Но Боже мой! чего мнѣ стоило глядѣть на Ульяну Терентьевну, когда она, перекрестивъ, подаловала меня съ дрожавшими на глазахъ слезами! Я почти вырвался изъ ея рукъ и подбѣжалъ проститься къ Наденькѣ, и потомъ еще быстрѣе бросился къ Сенѣ, и потомъ побѣжалъ искать Готфрида. Наконецъ я въ бричкѣ подлѣ батюшки, и лошади готовы тронуться. Въ эту минуту Наденька заглянула въ бричку съ той стороны, гдѣ я сидѣлъ, и подала мнѣ коробочку конфетъ, примолвя съ насмѣшливою улыбкою: «Для услажденія горести.» Этихъ шутивыхъ словъ, сквозь которыя только въ половину проглядывала затаенная грусть, было достаточно, чтобы уничтожить слабую преграду моихъ слезъ. Я вдругъ зарыдалъ такъ громко, что только дребезжанье тронувшейся съ мѣста брички не дало моему плачу долетѣть до слуха Сени. Батюшка не мѣшалъ мнѣ плакать и, кажется, былъ доволенъ моею привязанностью къ Ульянѣ Терентьевнѣ. Наконецъ слезы истощились, и я впалъ въ тягостное безчувствіе ко всему настоящему и прошедшему; только когда мы стали подѣзжать къ городу и передо мной показалась высокая почернѣвшая кровля училища, съ небольшою башенкою, подъ которою висѣлъ колокольчикъ, Каратаевка живо представилась моему воображенію, и я горько сравнилъ уроки Ульяны Терентьевны съ тѣми уроками, которые предстояли мнѣ въ училищѣ.

Какъ все мнѣ показалось теперь неприятно въ городкѣ П.! Даже ласки Катеньки и ея мужа, которые встрѣтили меня со всегдашней своей любовью, показались мнѣ грубыми. Они, напротивъ, были отъ меня въ восхищеніи, — особенно Катя. Новый мой костюмъ дѣйствительно придалъ мнѣ другую фигуру; но Катя находила, что всѣ мои, какъ она выразилась, «ухватки» совсѣмъ иныя, и вилъ иной, и совсѣмъ я не тотъ сталъ мальчикъ. Это мнѣ понравилось, и когда мы послѣ обѣда выпли съ нею въ садъ, чтобъ полакомиться яблоками, я рассказалъ ей всѣ свои приключенія въ этотъ достопамятный мѣсяцъ и въ награду за участіе и радость, съ какими она меня слушала, рѣшился потчевать ее конфетами, которыхъ поларила мнѣ на дорогу Наденька. Коробочка была у меня въ карманѣ. Я открылъ ее — и что же? на конфетахъ сверху записочка. Я прочиталъ ее однимъ взглядомъ.

«Не тоскуй: мы скоро увидимся и будемъ неразлучны.
Н. Б.»

Эти слова привели меня въ такое восхищеніе, что я позабылъ и о своемъ намѣреніи — потчевать Катю конфетами. Но какъ это можетъ случиться? Неужели меня возьмутъ изъ училища? Видно такъ; видно Ульяна Терентьевна ожидаетъ только, пока пройдетъ свадебная суматоха и установится обычный перладъ жизни. Я былъ доволенъ этою догадкою и совершенно утѣшенъ въ своей разлукѣ. А безъ того не знаю, что со мной было бы.

Я снова принялся рассказывать Катѣ объ Ульянѣ Терентьевнѣ и Наденькѣ, и это доставляло мнѣ живѣйшее удовольствіе. Мы проговорили съ ней часа два и пошли вмѣстѣ выгружать изъ зеленого сундука мое добро. Увидя новое платье и прекрасное бѣлье, которое должно было поступить въ ея распоряженіе, Катя убѣдилась больше, нежели изъ всѣхъ моихъ рассказовъ, въ любви ко мнѣ Ульяны Терентьевны и побѣжала показывать мое богатство своему мужу. И чувствовалъ, что это немножко диковато въ моемъ городскомъ другѣ, но я все принималъ за благо и радовался, что есть люди, сочувствующіе моему счастью.

Не буду рассказывать, какъ я явился баричемъ въ училище, какъ мнѣ завидовали долгополые товарищи, какое я приобретаю между ними значеніе, когда открылись мои успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ и исторіи. Все это не касается біографіи Ульяны Терентьевны. Мнѣ предстоитъ еще такъ много рассказать о ней, что я

долженъ буду остановиться на концѣ перваго періода нашего знакомства и приступлю ко второму въ отдѣльномъ разсказѣ, въ который войдутъ новыя лица, неизвѣстныя связи съ тѣми событіями, которыя до сихъ поръ мною описаны. Поэтому, не отвлекаясь эпизодами, буду держаться главной нити моего разсказа.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ Ульяны Терентьевны коротенькое письмо, въ которомъ она увѣдомляла меня о свальбѣ Сени и освѣдомлялась, каково идетъ мое ученіе и читаю ли я подаренныя мнѣ книги. Я ожидалъ найти въ этомъ письмѣ извѣстіе объ увольненіи меня изъ училища, но ничего подобнаго въ немъ не оказалось. Я подумалъ, что еще рано, и написалъ подробный отчетъ о моей городекой жизни.

Ожиданіе мое, однакожь, не исполнилось. Я получилъ одно за другимъ нѣсколько писемъ отъ Ульяны Терентьевны и отъ Наденьки, и ни въ одномъ ни слова о моемъ увольненіи. Я спрашивалъ у Наденьки, что она хотѣла сказать своею запискою, но Наденька отвѣчала, что и я самъ могъ бы догадаться, еслибъ у меня были глаза, чтобъ видѣть, уши — чтобъ слышать, и толкъ въ головѣ — чтобъ понимать, въ чемъ дѣло. Этотъ пиенческій отвѣтъ совершенно сбилъ меня съ толку, и сколько я ни размышлялъ о немъ, ходя въ училище черезъ огороды по слѣдамъ бѣдняжки Якова Яковлевича, но никакъ не могъ догадаться, что она разумѣетъ подъ этими словами.

Прошло два мѣсяца послѣ моего возвращенія въ городъ. Наступилъ октябрь; листья осыпались съ деревьевъ, но погода стояла ясная, провѣннутая свѣжимъ осеннимъ холодомъ. Октябрь въ этомъ году былъ похожъ на лысаго, веселаго здоровяка, который рѣшился никогда не старѣться. Особенно хороши были дни послѣ обѣда, когда день боролся за послѣднюю свою теплоту и блескъ съ холодною и темною осеннею ночью. Я любилъ въ это время возвращаться черезъ огороды и думать объ Ульянѣ Терентьевнѣ. Тропинки, проторенныя Яковомъ Яковлевичемъ, были засыпаны сухими листьями; я любилъ ихъ шелестъ подъ ногами. Притомъ я отличался въ понятіяхъ и забавахъ отъ своихъ товарищей и, если могъ, всегда отъ нихъ удалялся.

Однажды я возвращался вечеромъ изъ училища. Вдругъ вижу перель собой — кого же? Готфрида! бѣгу къ нему и узнаю, что его послала за мной въ квартиру Ульяна Терентьевна, но онъ

не вибѣлъ терпѣнія дожидаться меня и , распрося у Кати , какой дорогой я возвращаюсь . вышелъ ко мнѣ навстрѣчу . Боже мой ! такъ Ульяна Терентьевна здѣсь ! Готфридъ объявляетъ мнѣ , что здѣсь и Наденька . Я побѣждалъ впередъ , чтобъ не потерять и минуты ; но бѣдный Готфридъ не могъ такъ скоро за мной слѣдовать : у него была одышка . Я остановился , и , когда онъ подходилъ ко мнѣ , тутъ только я замѣтилъ въ немъ необыкновенную перемену и спросилъ у него , не былъ ли онъ боленъ , или не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія . Онъ отвѣчалъ , что онъ попрежнему здоровъ , а если что и случилось , такъ должно было случиться . На эти слова не дано было Готфридомъ никакого объясненія ; но добрый Готфридъ такъ печально покачивалъ головою , что я началъ предполагать самыя мрачныя событія въ семействѣ Ульяны Терентьевны . Посиѣщая , сколько можно было , съ Готфридомъ впередъ , я все еще пробовалъ выпытать у него причину его грусти . Готфридъ остался непреклоненъ ; ему было тяжело выговорить ее , и онъ , указывая издали на квартиру Ульяны Терентьевны , отвѣчалъ мнѣ тихимъ , отчаяннымъ голосомъ :

— Тамъ gnädige Frau все расскажетъ , она все вамъ сама расскажетъ , Herr Николаша !

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ квартирѣ . Ульяна Терентьевна и Наденька встрѣтили меня въ стѣняхъ . Какія веселыя лица ! быть не можетъ , чтобъ случилось какое нибудь несчастье . Я успокоился , однакожь не рѣшался спросить , все ли благополучно . Меня освобождаютъ отъ шинели , книгъ и тетрадей , меня ведутъ въ комнату . «Что это значитъ ?» вскрикнулъ я , увидѣвъ , что квартира Ульяны Терентьевны меблирована собственною ея мебелью и даже ея картины украшаютъ стѣны .

— Это объясненіе моей записки ! сказала Наденька .

— Какъ ?

— Какъ ! полхватила она , передразнивая меня : — ты еще тутъ будешь квакать ; еще не догадываешься .

— Неужели.... началъ было я .

— Ты видишь , что уже , перебила она .

Я взглянулъ на Ульяну Терентьевну — ни тѣни грусти на ея лицѣ , ничего похожаго на то выраженіе , какое имѣло это лицо въ то время , когда она стояла на колѣняхъ у моей постели . Она

такъ весело улыбалась, глядя на кривлянья Надиньки, какъ будто сульба обставила ее самыми богатыми своими цвѣтами.

— Вы совсѣмъ оставили Каратаевку? спросилъ я, не зная, что думать.

— И Сеню съ его супругой и тещушкой, отвѣчала Наденька: — и оттого мы такъ веселы. Мы потеряли прекрасную усадьбу, но зато приобрѣли свободу.

— Какимъ образомъ? продолжалъ я, будучи не въ силахъ притти въ себя.

— Не спрашивай, мой другъ, сказала Ульяна Терентьевна, положи мнѣ одну руку на плечо, а другую на голову, какъ въ первый вечеръ нашего знакомства. — Не спрашивай, довольно съ тебя, что мы больше не разстанемся.

— Я больше всѣхъ тутъ въ выигрышѣ, сказала Наденька, рѣзвясь какъ ребенокъ: — тѣтя теперь больше будетъ вѣрить въ мою проницательность. Я съ перваго взгляда постигла, что за народъ Дубинины. Съ ними невозможно жить людямъ нашего сорта.

— А всего больше въ выигрышѣ я, сказала Ульяна Терентьевна.

— Неужели вы жалѣете о своихъ деньгахъ? спросила Наденька: — деньги у меня есть, и ихъ слишкомъ для насъ достаточно.

— Нѣтъ, мой другъ, я ихъ не трону: мы будемъ жить собственными трудами.

— И превосходно! подхватила, съ свойственною ей живостью, Наденька. — Развѣ у насъ неостанетъ умѣнья или энергій, чтобъ зарабатывать себѣ приличное существованіе? Вы будете учить дѣвочекъ языкамъ, я — музыкѣ и танцамъ, а маленькій нашъ Бруль — ариметикѣ. (Наденька часто называла меня такъ, узнавъ отъ меня исторію Якова Яковлевича, и я за это нимало не сердился.)

— Все потерянное мы можемъ замѣнить новымъ, это правда, сказала Ульяна Терентьевна: — одно только незамѣнимо.

Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Что же? спросилъ я съ участіемъ.

Готфридъ пострадалъ сильно отъ нашего перѣворота. Ты замѣтилъ въ немъ перемѣну? Непріятности, испытанныя всѣми нами въ послѣднее время, онъ глубже всѣхъ почувствовалъ. Мы

молчали и скрывали другъ отъ друга свои страданія до послѣдняго объясненія, но каждый понималъ, что дѣлается въ душѣ у другого. Бѣдный! я помню, какого горя стоялъ ему ушадокъ нашего состоянія; но тогда онъ былъ крѣпче и кромѣ того могъ по крайней мѣрѣ выражать свое горе. Затаенная грусть была для него пагубна.

Въ это время Готфридъ появился съ самоваромъ. Самоваръ шипѣлъ попрежнему, какъ будто ничего не произошло съ его владѣтельницаю, и намъ вокругъ него было такъ весело, какъ во времена оны. Только Готфридъ не сидѣлъ болѣе у двери и не смотрѣлъ на насъ. И спросилъ у Ульяны Терентьевны, что это значитъ.

— Бѣдный Готфридъ не шутя боленъ; онъ едва таскаетъ ноги. Заботы о переѣздѣ и установкѣ мебели еще больше изнурили его. Невозможно было уговорить его предоставить все наемнымъ людямъ и дѣвушкамъ. Онъ самъ вездѣ желалъ быть и охранять отъ порчи мои вещи, какъ будто онѣ составляютъ часть меня самой. Теперь онъ, бѣдный, лежитъ въ своей комнатѣ. У него, вѣрно, болитъ грудь, но онъ страдаетъ молча и старается казаться здоровымъ человѣкомъ.

Чай убрала со стола дѣвушка. Наденька заняла насъ до ужина музыкой и пѣніемъ. Ульяна Терентьевна сидѣла подлѣ меня все время, перебирая рукой мои волосы. Когда накрыли для ужина столъ, меня опять поразило одно обстоятельство. Бѣлье было превосходно какъ прежде, но не было видно прекрасной серебряной посуды, которую я привыкъ видѣть на столѣ Ульяны Терентьевны; даже серебряныя вилки и ножи застѣвались простыми.

— Неужели вы оставили свою посуду Сенъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, я продала ее, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

— Какъ! вы могли продать такую драгоценность!

— Потому-то я и продала ее, что она дорого стоила. Я отслала деньги въ банкъ, и проценты помогутъ мнѣ существовать.

— Я бы, кажется, никогда этого не сдѣлалъ, сказалъ я: — я не разстался бы ни съ одной наслѣдственной вещью.

— Виноватъ въ этомъ твой батюшка, сказала Наденька. — Я долго отстаивала посуду, и не будь онъ такъ скоръ на услугу, она осталась бы у насъ.

— А я такъ очень ему благодарна за трудъ: безъ него у меня не было бы теперь въ распоряженіи никакой суммы денегъ.

— Зачѣмъ же вы не потребовали съ Сени уплаты того, что вами издержано на его имѣніе?

— Я потеряла въ немъ гораздо болѣе. Стоитъ ли хлопотать о пустякахъ? Притомъ же мнѣ пришлось бы считаться съ Дубининымъ. Это было для меня нестерпимо противно.

— Какое несчастье быть человѣкомъ безъ характера и безъ убѣжденій! сказала Наденька. — Сени самъ по себѣ не золь: онъ очень добръ; но добро для него такъ неясно, что онъ едва различаетъ его отъ зла, и, поддаваясь вліянію другихъ людей, онъ готовъ дѣлать винегретъ изъ того и другого.

— Оставимъ это, Наденька, сказала Ульяна Терентьевна. — Намъ осталось такъ много, какъ никогда не будутъ имѣть Дубинины. Пускай каждый будетъ счастливъ по своему.

И дѣйствительно. Ульяна Терентьевна была счастливѣе обыкновеннаго. Она говорила о томъ, какъ мы будемъ жить и трудиться вмѣстѣ, придумывала, гдѣ бы удобнѣе поселить меня въ квартирѣ, чертила планъ цвѣтника въ саду, нанятюмъ вмѣстѣ съ квартирою, и одно только омрачало грустью веселое лицо ея, что Готфридъ былъ боленъ. Я раза два ходилъ посмотреть на него и спросить, не нужно ли ему чего, но онъ спалъ или казался спящимъ, и я, по наказу дамъ, не тревожилъ его.

ХII.

ПОСЛѢДНІЕ ЛІСТКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ГОТФРИДА.

Меня удержали ночевать, съ тѣмъ, чтобы на другой день и совѣтъ переселить меня отъ Кати. Опять я уснулъ въ комнатѣ, обвѣшанной картинами, подъ приемотромъ сѣдого генерала, и опять самый сладкій сонъ смѣнилъ волненіе радости и грусти, испытанныхъ мною въ предшествовавшей вечеръ. Несмотря на то, я спалъ чутко и за полночь сталъ чувствовать сквозь сонъ какую-то ходию и безпокойство въ домѣ. Съ трудомъ я открылъ глаза. Всѣ комнаты освѣщены, кромѣ моей; двери отворены; черезъ мою комнату раза два торопливо перебѣжала дѣвушка. Я

одѣлся наскоро и поспѣшилъ въ комнату Готфрида , потому что догадался тотчасъ о причинѣ суматохи .

Тамъ я увидѣлъ , кромѣ Наденьки , Ульяны Терентьевны и двухъ горничныхъ дѣвушекъ , какого-то сторонняго мужчину , въ которомъ я тотчасъ предположилъ медика , въ чемъ и не ошибся . Пробираясь потихоньку впередъ , я не обратилъ на себя ничьего вниманія ; глаза всѣхъ прикованы были къ постели умирающаго . Передъ постелью стояла на колѣняхъ Ульяна Терентьевна , и Готфридъ слабымъ , но твердымъ голосомъ что-то говорилъ ей . Я прислушивался : Готфридъ ли это говорить ? Рѣчь его не сохранила и слѣдовъ почтительной робости , съ которою онъ обыкновенно обращался къ Ульянѣ Терентьевнѣ . Онъ говорилъ ей , что съ перваго взгляда онъ привязался къ ней всею душою и видѣть ее сдѣлалось для него необходимою . Онъ говорилъ , что понималъ , какъ велико между ними разстоянiе , и никогда не возносилъ своихъ мыслей выше молчаливаго созерцанiя . Готфридъ выражался языкомъ своего воспитателя Шиллера и дѣлалъ ему честь своею рѣчью . Я не могу передать ее въ точности , но содержанiе было таково , что онъ любилъ Ульяну Терентьевну какъ бы любилъ ее какой нибудь довѣ-Карлосъ , что онъ жилъ только ею и для нея , что : несмотря на ея благосклонное съ нимъ обращенiе , онъ никогда не позволялъ своему чувству высказаться ; что послѣ перваго переворота семейныхъ обстоятельствъ Ульяны Терентьевны онъ сдѣлался къ ней еще почтительнѣе . Онъ боялся , чтобъ не подумали о немъ , какъ о душонкѣ низкой (это именно его слова) , которая пользуется ударомъ судьбы и отъ глубокой почтительности переходитъ къ оскорбительной фамильярности . Онъ этого боялся пуще всего . Онъ не сомнѣвался , что Ульяна Терентьевна знала отчасти о его чувствахъ ; онъ видѣлъ , какъ она цѣнила его праданность ; она обращалась съ нимъ какъ съ семьяниномъ , но онъ принималъ на себя даже нѣкоторыя обязанности слуги , чтобъ не сократить раздѣляющаго ихъ разстоянiя . Онъ смотрѣлъ на нее какъ на госпожу , и чѣмъ бы выше была степень ея превосходства надъ нимъ , тѣмъ болѣе это бы его радовало . Но вмѣстѣ съ этимъ онъ любилъ ее , какъ олицетворенiе всѣхъ женскихъ добродѣтелей , съ самымъ пламеннымъ увлеченiемъ ; сердце его сгарало въ собственномъ огнѣ своемъ и душа его была полна томительнаго къ ней влеченiя . Высказать это ей передъ смертью составляетъ

последнюю и лучшую радость его жизни. Оглядываясь на свое прошлое, онъ видитъ, что любилъ ее благородно, и умираетъ съ утѣренностью, что оставить въ ея душѣ благодарное воспоминаніе.

Вотъ мысли, служившія основою готфридовой рѣчи. Онъ говорилъ долго, останавливаясь отъ времени до времени, чтобъ перевести духъ. Душевное волненіе придавало его языку вдохновенную плавность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истощало его. Годъ его дрожалъ какъ нѣжная струна, готовая порваться. Ульяна Терептьевна слушала его не прерывая, съ глубокимъ умиленіемъ. Наконецъ онъ умолкнулъ, съ болѣзненнымъ жаромъ на щекахъ и съ глазами, блестящими послѣднимъ пламенемъ чувства.

— Ты не ошибся, добрый мой другъ Готфридъ, въ моемъ сочувствіи, начала тихо Ульяна Терептьевна.

Въ голосѣ ея слышно было что-то похожее на шопоть, которымъ мать убаюкиваетъ страдающаго, больного ребенка. Онъ былъ чудно нѣженъ: каждая нота въ немъ дрожала взволнованнымъ до глубины чувствомъ любви, свойственной одиѣмъ только женщинамъ.

— И скоро, продолжала она: — узнала прекрасныя свойства твоей души, и для меня ты былъ находкою между людьми. Я смотрѣла на тебя какъ на нѣжный цвѣтокъ, нуждающійся въ теплотѣ и затишьи. Я дорожила твоимъ пребываніемъ въ нашемъ домѣ; мнѣ была пріятна близость существа такого чистаго, воспитаннаго благороднѣйшимъ изъ поэтовъ. Ничто не радуетъ меня въ жизни столько, какъ встрѣча съ душою, истинно человѣческою. Я блуждаю здѣсь какъ въ чужбинѣ, гдѣ только случай можетъ изрѣдка сводить меня съ уроженцемъ моей родины. Поэтому-то о тебѣ было приложено много явныхъ и тайныхъ попеченій; поэтому ты былъ у насъ такъ свободенъ и нашелъ въ нашемъ домѣ родной кровъ, котораго никогда не имѣлъ въ своей Германіи.

Готфридъ протянулъ ей руку. Она пожала эту блѣдную, исхудалую руку своею прекрасною рукою и, не выпуская ея, продолжала говорить:

— До какой степени моя ласковость и вообще моя личность расположили тебя ко мнѣ, это я давно знала. Я уважала твою скромность, твою молчаливую преданность и любила тебя не

какъ усерднаго слугу, но какъ достойнѣйшаго друга. Твое существованіе было отрадою моеѣ жизни и опорой во многихъ тяжкихъ испытаніяхъ, и, сколько бы ни прошло лѣтъ послѣ угрожающей мнѣ теперь потери, твой благородный образъ никогда не изгладится въ душѣ моеѣ. Готфридъ, ты былъ однимъ изъ немногихъ людей, оправдавшихъ любовь мою; ты своею жизнью и любовью краснорѣчиво убѣдилъ меня въ томъ, что идеальныя созданія поэтовъ не вымыселъ, и что поэзія чувствъ и мыслей — драгоценное наше достояніе. На колѣняхъ передъ твоеѣ постелью, я прощаюсь съ тобою какъ съ братомъ моего сердца и въ эту торжественную минуту уничтожаю все разстояніе, раздѣлявшее насъ въ жизни.

Она наклонилась и поцаловала его долгимъ поцалуемъ. Глаза Готфрида заблестали необыкновеннымъ свѣтомъ и вдругъ закатились. Слабая нить его жизни порвалась въ минуту самаго сильнаго сердечнаго волненія. Я и Наденька не успѣли съ нимъ проститься; онъ одной Ульянѣ Терентьевнѣ отдалъ послѣднія минуты жизни, которая такъ долго ей одной принадлежала.

Надъ Готфридомъ никто не плакалъ; но я по себѣ знаю, что каждый изъ насъ троекъ, уединясь въ свою комнату, не разъ пролилъ о немъ самыя теплыя слезы. Мы долго даже не говорили между собой. Глубокая тишина царствовала вокругъ его гроба: мы какъ будто боялись потревожить мирный сонъ его, и въ этомъ молчаніи выразилось ясно, что составлялъ для насъ Готфридъ и какое высокое понятіе соединяли мы съ его личностью. Даже когда батюшка пріѣхалъ къ его похоронамъ и началъ громко говорить въ залѣ, Ульяна Терентьевна молча слѣдила ему знакъ слѣдовать за собой въ ея кабинетъ и тамъ отвѣчала на его вопросъ.

Мы похоронили Готфрида подлѣ Якова Яковлевича, въ монастырской рощѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Яковъ Яковлевичъ объяснялся Катѣ въ любви. Осень обсыпала его могилу нагнанными вѣтромъ сухими листьями, и когда мы посѣщали ее впослѣдствіи, пока стояла сухая погода, эти листья шумѣли особеннымъ какимъ-то шопотомъ подъ нашими ногами. Бѣдный Готфридъ! я тебя сильно любилъ, какъ въ прекрасное отраженіе души Ульяны Терентьевны, и посвятилъ бы твоеѣ памяти гораздо болѣе страницъ, еслибъ эта душа не поглощала твоего блеска, какъ поглощаетъ солнце сіяніе луны!

Въ день похоронъ Готфрида, когда мы, воротясь домой, сѣли обѣдать, батюшка былъ необыкновенно торжественъ. Онъ былъ торжественъ и во время отпѣванія покойника, при чемъ я съ особеннымъ чувствомъ вторилъ ему своими тонкими нотами, и во время выноса гроба, котораго переднюю часть онъ поддерживалъ съ одной, а мужъ Кати съ другой стороны; и въ то время, когда бросалъ на гробъ Готфрида горсть земли; я замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ это съ какимъ-то особенно торжественнымъ движеніемъ; но никогда онъ не былъ такъ торжественъ, какъ за обѣдомъ. Даже Ульяна Терентьевна это замѣтила и бросила на него нѣсколько вопросительныхъ знаковъ. Батюшка видѣлъ, какъ она на него взглядывала, но молчалъ и дѣлался еще торжественнѣе. Наконецъ, когда подали пирожное, батюшка сдѣлалъ знакъ прислуживавшей намъ дѣвушкѣ, и та вынула изъ буфета поднось съ четырьмя бокалами и полубутылкою шампанскаго. Какъ смотрѣлъ батюшка, откупоривая эту бутылку!

— Нѣтъ, подумалъ я: — этотъ взглядъ относится не къ вину, которое мы будемъ пить на готфридовой трезнѣ, хотя, по его приемамъ, я видѣлъ, что онъ купилъ это вино на собственные деньги, въ знакъ уваженія къ покойнику, и потому имѣлъ причину смотрѣть на насъ значительнѣе обыкновеннаго.

Я не ошибся въ своей догадкѣ. Когда мы выпили въ воспоминаніе покойника, батюшка принялъ на себя такой вилъ, какой, я думаю, имѣлъ Державинъ, воображая того мужа,

«Чей одръ — земля; кровь — воздухъ снѣгъ;
Чертоги — вкругъ пустынны виды....»

и, откашлявшись, обратился къ Ульянѣ Терентьевнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— Ульяна Терентьевна! вы почтили покойника достойнымъ образомъ, по его великому къ вамъ усердію; но сколь сіе усердіе было велико, то вамъ еще невѣдомо. Скажу паче, продолжалъ, одушевляясь болѣе и болѣе, батюшка: — скажу паче, сколько велико было его къ вамъ почтеніе. Вамъ извѣстно, что Готфридъ не имѣетъ въ Германіи родственниковъ и не посылалъ никому своихъ денегъ, а между тѣмъ доходы его такъ далеко превышали его надобности. Онъ былъ воздерженъ и бережливъ, какъ всѣ его соотечественники; онъ былъ аккуратенъ, какъ истинный лѣтонецъ; всѣ получаемыя отъ вашего покойнаго родителя и отъ

вась деньги, а также и тѣ, которыя онъ зарабатывалъ своимъ искусствомъ на сторонѣ, — всѣ, говорю, сіи деньги, за исключеніемъ малыхъ тратъ, онъ отсылалъ въ банкъ. Проценты росли на проценты, благодаря сему благотѣльному учрежденію, и къ концу жизни покойника у него скопилась сумма безъ малаго двадцать тысячъ серебромъ. Бѣдняга почувствовалъ за нѣсколько дней свою кончину и вѣбрилъ мнѣ духовную для передачи вамъ до его смерти. Прежде, однакожь, нежели я исполняю его волю, беру смѣлость обратить ваше вниманіе, почтеннѣйшая Ульяна Терентьевна, на деликатность этого единственнаго человѣка, что, безъ сомнѣнія, вы, при вашемъ глубокомъ умѣ, и сами сообразите. Онъ не осмѣлился предложить вамъ, въ затруднительныхъ вашихъ обстоятельствахъ, денегъ, приобретенныхъ у васъ на службѣ, чтобы, какъ я разумѣю, не поставить васъ въ нѣкоторую отъ себя зависимость. До самой кончины онъ желалъ видѣть въ васъ свою госпожу, что свидѣтельствуеть какъ о его умѣ, такъ равноумно и о благородствѣ его чувствованій.

Батюшка обвелъ все собраніе глазами въ знакъ увѣренности, что никто не сомнѣвается въ справедливости его мнѣнія, и, вынувъ изъ бокового кармана бумагу, подалъ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Мы поздравили ее съ поправленіемъ ея обстоятельствъ, и она не скрывала своей радости. Но она долго молчала, въ какомъ-то тихомъ раздумьи. Я знаю, что въ это время передъ нею проходила вся жизнь Готфрида.

— Какъ я теперь жалѣю, сказала наконецъ она: — что не послушалась тебя, Наденька!

— А можетъ быть, можно еще выкупить вашу посуду? вскричала съ живостью Наденька и взглянула вопросительно на батюшку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ, покачавъ головой, батюшка: — что разъ попало въ руки жидамъ, того не воротить: ваша посуда теперь перешла уже не черезъ однѣ руки и доставила барышъ не одному карману. Мы вѣдь продали одно серебро, а драгоценная работа вся обратится въ пользу торгашей.

Ульяна Терентьевна вздохнула, и больше о посудѣ не было рѣчи.

Между тѣмъ полученіе наслѣдства заняло мысли Ульяны Терентьевны, и она начала тотчасъ же строить новый планъ жизни. Она только по необходимости рѣшилась остаться въ этомъ краѣ.

въ сосѣдствѣ Дубининыхъ. Теперь она могла распоряжаться собою свободнѣе. Вслѣдствіе этого она предложила батюшкѣ на обсужденіе и согласіе слѣдующій планъ. Онъ долженъ отдать меня въ совершенное ея распоряженіе. Она увезетъ меня съ собою въ отдаленный губернской городъ, въ которомъ есть университетъ. Тамъ она будетъ слѣдить за моимъ воспитаніемъ въ гимназій и не разстанется со мной до тѣхъ поръ, пока я окончу курсъ наукъ въ университетѣ. На это батюшка еще разъ объявилъ Ульянѣ Терентьевнѣ, что она удивительнѣйшая изъ женщинъ, и со слезами на глазахъ передалъ меня ей изъ рукъ въ руки, взявъ за плечи и подведя къ ея креслу. Впрочемъ, онъ просилъ не лишать его удовольствія дѣлать съ своей стороны что можетъ для сына и позволить высылать для меня ежегодно извѣстную сумму денегъ. Договоръ былъ скрѣпленъ Наденькою, которая съ шутливымъ восторгомъ поздравляла батюшку съ освобожденіемъ отъ обузы, а миѣ шепнула на ухо, что теперь я могу считать себя кандидатомъ на вступленіе въ число людей.

Батюшка вызвался проводить насъ въ губернской городъ и принялъ на себя всѣ хлопоты, какъ по доставкѣ туда мебели, такъ и по устройству квартиры. Съ переездомъ въ губернской городъ начинается новый періодъ жизни Ульяны Терентьевны и Наденьки, который и составитъ впоследствии отдѣльный разсказъ. Но одно обстоятельство, которымъ началась тамошняя жизнь наша, относится собственно къ этому разсказу.

Мы поселились сперва въ гостинницѣ и прожили тамъ нѣсколько дней, пока батюшка прискалъ и привелъ въ надлежащій видъ квартиру. Онъ хотѣлъ, чтобъ Ульяна Терентьевна не хлопотала ни о чемъ и нашла все въ такомъ порядкѣ, какъ будто годъ уже занимала эту квартиру. Поэтому онъ не только прискалъ для нея повара, скупилъ всѣ мелочи, нужныя въ домашнемъ быту, но ко дню, или, лучше сказать, къ часу нашего туда переселенія, заказалъ и обѣдъ. Ульяна Терентьевна должна была вступить въ свое жилище такъ, какъ будто воротилась съ прогулки, и прямо сѣсть за столъ.

Въ три часа по полудни батюшка явился за нами съ ямскою каретою, и насъ опять поразилъ необыкновенно торжественный видъ его. Наденька тотчасъ спросила, не получила ли тѣтя другого наслѣдства.

— Стоить наследства! отвѣчалъ онъ таинственно; но мы были увѣрены, что торжественность его относится не къ квартирѣ.

Теряясь въ догадкахъ, мы сѣли въ карету и скоро достигли своего новаго жилища. Квартира была превосходна. Но когда мы вошли въ столовую, гдѣ былъ поставленъ прекрасный буфетъ Ульяны Терентьевны, мы всё ахнули. На буфетѣ и на столѣ стояла великолѣпная серебряная посуда, — та самая, которую батюшкѣ поручено было продать.

Батюшка торжественно подходитъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ, надуваетъ ея руку и говорить:

— Удостойте, несравненная Ульяна Терентьевна, принять сей малый презентъ отъ человѣка, истинно вами облагодѣтельствованнаго.

НИКОЛАЙ И.